



У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

№ 9, 2007



сентябрь 2007
(№603)

«Уральский следопыт» № 9, 2007, (№603)

**ПУТЕШЕСТВИЕ
К ИСТОКАМ ЧУСОВОЙ**



Олег ШАРГУНОВ

Как это не больно, но журнал «Уральский следопыт» может в ближайшее время прекратить свое существование. К принятию такого решения трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт» подталкивают чиновники Свердловской области. Выживший в перестроечные и реформенные годы, «Следопыт» закрывается в то время, когда проекты «Образование» и «Патриотическое воспитание» — то, чем издание занимается на протяжении 70 лет, названы Президентом России Владимиром Путиным приоритетными. Причин тому несколько, но главная — «Уральский Следопыт» оказался Без Определенного Места Жительства.



«Уральскому следопыту» быть?

Всем чертям назло...

Даже в масштабах страны «Следопыт» — уникальное явление. Десятки открытых на страницах журнала имен, эксклюзивные краеведческие исследования, международный фестиваль фантастов «Аэлита», уникальная библиотека. Когда в России наступили «смутное время» — сначала перестройка, а потом «эпоха молодых реформаторов», и закрывались по разным причинам сотни изданий, «Уральский следопыт» выжил, пусть благодаря и помощи коммерческой структуры. И не только выжил, но и вошел в 21 век в новом формате и с цветной обложкой.

«Как вам удалось остаться на плаву?» — спрашивали люди. Выжили, несмотря на отсутствие рекламы и вообще какую-либо



13) Свердловскому областному общественному благотворительному фонду поддержки молодых художников - площадью 266,8 кв. метра в здании, расположенном по адресу: г. Екатеринбург, ул. Чапаева, д.2/ ул. Декабристов, д. 67, литер А, сроком на пять лет;

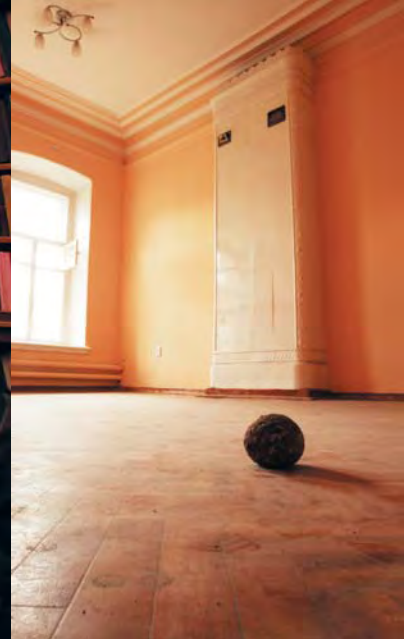


мейными собираются — от мала до велика. Вот и в этом году, спасибо Висимской администрации, оповещены все были, и автобус от Нижнего Тагила всех желающих привез, и ансамбль народной песни пригласили, и даже автолавка приехала — состоялся замечательный праздник. Сначала на кладбище — поклон родителям; затем прямо на улице-лужайке, на земле расстелили скатерти... Но это было не просто застолье: каждая семья рассказала о своей истории, о родителях, о детях, о внуках. И каждое выступление, каждый рассказ обязательно заканчивался песнями. А потом, Боже мой, как в детстве — игры: и воду стаканами набирали, и канат перетягивали, и чурки кололи!!! Настолько все это было искренне, от души, заразительно, что и стоять в стороне было невозможно. А перед отъездом разбрелись по деревне, кому повезло — в уцелевшие родные дома заглянули, другие — просто гуляли, вспоминали, детям про старое рассказывали да где, что было показывали...

Жива деревня! Жива ее история, не потерялись корни, и есть у нее будущее!



Раньше здесь принимали гостей...



...а теперь пусто



Семен Спектор - глава фонда поддержки молодых художников

коммерческую целесообразность, несмотря на то, что в новом времени стали популярны журналы с фотографиями голых моделей, дорогой мебелью, парфюмом. И не только выжил, но и встал на путь развития. В 2005 году при «Следопыте» был организован Фонд поддержки молодых художников, который возглавил вице-премьер областного правительства Семен Исаакович Спектор*. В помещении журнала, в особняке на Декабристов, 67, проходили художественные выставки, литературные чтения и даже рок-концерты! Как нельзя кстати, 26 июля вышло Постановление правительства Свердловской области № 594-ПП за подпи-



Разруха буквально сочится из стен



Даже шаманские заклинания не спасли

сю премьер-министра Алексея Воробьева* о предоставлении в аренду части помещений особняка Фонду. Открывались большие перспективы, казалось, что впереди все будет хорошо. Но, как это водится, беда подкралась незаметно...

С вещами — на выход!

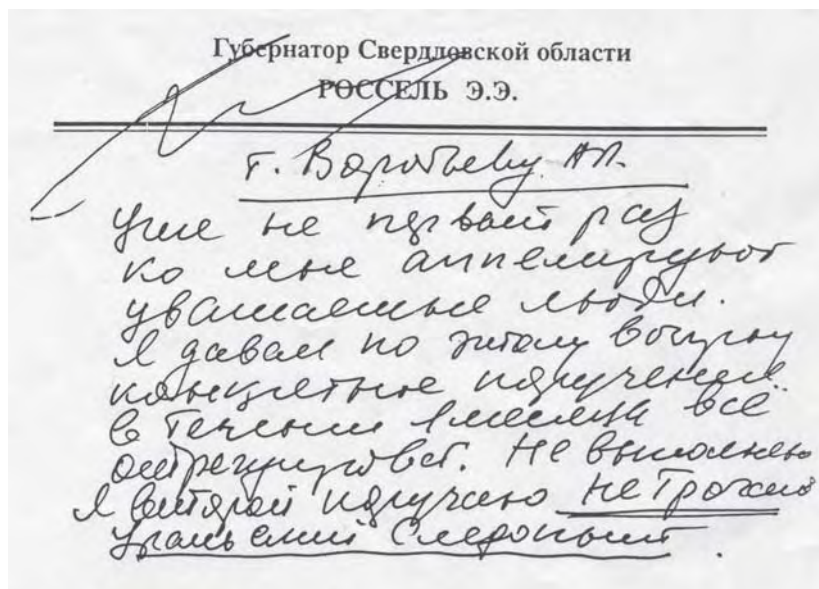
Буквально через сорок дней на свет появился новый указ областного правительства, под номером 713-ПП, которым особняк на улице Декабристов выводился из собственности Свердловской области и передавался Государственному унитарному предприятию «ИнЭкспо» с Александром Рыжковым во главе. О предыдущем постановлении в новом документе не было ни слова, более того, его никто даже не отменял! Но господин Рыжков, руководствуясь более поздним документом, принялся за выселение «незаконно располагающихся на площади здания».

Александр Рыжков — фигура в региональной политике скандальная и парадоксальная. Пока Алексей Воробьев был председателем областного правительства, Рыжков был им наиболее опекаем. Некоторое время фаворит премьер-министра

занимал даже должность заместителя руководителя администрации Губернатора Эдуарда Росселя. Причину такого необъяснимого покровительства политический бомонд Свердловской области и журналисты давно уже перестали угадывать — просто воспринимают как должное. Наиболее ярко свою скандальную сущность Александр Рыжков показал в 2004 году, когда во время скандала вокруг «Уралэкспоцентра» прибегнул к помощи своего патрона и бойцов ОМОНа. В результате событий выставочный бизнес в Екатеринбурге «накрылся медным тазом». Теперь, благодаря его деятельности, прекращает свое

существование одно из старейших и уникальных изданий Свердловской области.

«Уральский следопыт» не сдавался. Письма о помощи отправлялись в различные инстанции: губернатору, полномочному представителю Президента РФ в УрФО, в Министерства Госкомимущества и культуры, в областное правительство и Законодательное собрание. Чиновники разных рангов сочувствовали и обещали помочь. Как рассказал один из сотрудников губернаторской администрации, Эдуард Россель по вопросу «Уральского следопыта» написал такую жесткую резолюцию, которые «вы-



* На сегодняшний день и Семен Спектор и Алексей Воробьев находятся в отставке



*Молодцы ребята!!!
 Весер просто супер,
 Давно искала такую атмосферу, не
 думала, что это возможно. Понравилось
 практически всё, особенно выбранное
 место. Картины ваши не стандартны и
 помещение не должно быть обшарпанным.
 На поправлении...*

Когда-то здесь проходили концерты...

ходят из-под пера губернатора два — три раза в год». Однако воз, а вернее, «Уральский следопыт», и ныне там — фактически на улице.

В качестве контрольного выстрела прозвучало июльское решение Свердловского областного арбитражного суда: по иску господина Рыжкова арбитраж присудил «Следопыту» выплатить почти миллион рублей за незаконное обогащение в результате занимания площадей в особняке на Декабристов! А между тем, по закону Свердловской области № 43-ОЗ «О культурной деятельности на территории Свердловской области» «Органы государственной власти... оказывают государственную поддержку учреждениям культуры и искусства... в форме передачи муниципальным и частным учреждениям культуры и искусства зданий и нежилых помещений, относящихся к государственной казне Свердловской области, в безвозмездное пользование или аренду на льготных условиях».

Что имеем — не храним...

Создалась удивительная ситуация: один из богатейших регионов страны, динамично развивающийся и богатеющий, не может поз-

волить себе оказать помощь очагам культуры. Великий уральский писатель Владислав Крапивин, не найдя поддержки местных чиновников, был вынужден уехать в Тюмень, где ему пообещали всяческое содействие, последний фестиваль «Аэлита» не получил поддержки чиновников и оказался не в состоянии пригласить гостей из-за границы. А ведь раньше в Екатеринбург на фестиваль съезжались звезды фантастики мировой величины. Теперь вот «Уральский следопыт» под угрозой закрытия.

Самое интересное — особняк, за который шла такая упорная борьба, сейчас стоит заброшен-

ным, в нем обитают только сторожа. Подвал, где проходили выставки, концерты и чтения, затоплен водой, резные сосновые двери, которым более 150 лет, валяются на ближайшей помойке. Одно время площадями заинтересовалось консульство Армении в Екатеринбурге, армянские дипломаты хотели здесь расположиться. Но не получилось — арендная плата, которую им предложили оплачивать, показалась кавказским гостям слишком большой. На лицо классическая ситуация собаки на сене: ни себе, ни людям.



...а сегодня плещется мутная вода

Фантастическая триада

С 19 по 21 июля в Екатеринбурге прошёл XXIV фестиваль фантастики «Аэлита». Фестиваль, возникший при редакции журнала «Уральский Следопыт» ещё в 1981 году, – уникальное явление для Урала и, без сомнения, всей России.

За время существования фестиваля не состоялся только три раза – в 1986, 1995 и 1996 годах. В связи с реорганизацией в 2007 году фестиваль проводился по сокращенной программе, но, тем не менее, на нём были проведены различные семинары, презентация сборника фантастики «Аэлита-2007», который выйдет в сентябре 2007 года.

Ключевым мероприятием стала пресс-конференция, проходившая 19 июля 2007 в конференц-зале «ИТАР-ТАСС-Урал» с участием ректора УрГУ Дмитрия Бугрова (сын В.И.Бугрова), главного редактора «Уральского Следопыта» Максима Фирсова, декана филологического факультета УрГУ Валерия Гудова и автор этих строк как председатель оргкомитета фестиваля.

Состоялся и традиционный выезд к обелиску «Европа-Азия», без которого не обходился ни один фестиваль «Аэлита» последних 7 лет.

Единственной премией, врученной на фестивале в этом году, стала премия за Конкурс Короткого Рассказа (проводится с 2005 года). В 2007 году победителей оказалось сразу двое – Алексей Федотов (г. Саратов) и Максим Черепанов (г. Челябинск).

Главным итогом 2007 года для уральской фантастики стало то, что фестиваль «Аэлита» и журнал «Уральский Следопыт» после не-

скольких лет искусственного разрыва снова вместе. Случилось то, что должно было случиться: эти два уникальных явления – «Уральский Следопыт» и фестиваль фантастики – не могут друг без друга. Вместе с тем и Уральский государственный университет им. А.М.Горького (УрГУ) планирует взять «Аэлиту» под своё крыло с целью превращения фестиваля в универсальное мероприятие, объединяющее «физиков» и «лириков», науку и искусство, техническую и гуманитарную мысль, старшее поколение и молодёжь.

Совместно с редакцией журнала «Уральский Следопыт» и с издательством УрГУ фестиваль «Аэлита» намерен осуществлять разнообразные издательские и редакторские проекты. Журнал на-

мерен способствовать продолжению выхода ежегодного сборника молодых авторов «Аэлита». Кроме того, рассматривается возможность выпуска приложения к журналу, куда будут входить лучшие произведения в жанре фантастики, количество которых, поступающее в редакцию, существенно превышает «пропускные» возможности журнала.

В Екатеринбурге возникает триада: «Аэлита» – «Уральский Следопыт» – УрГУ. Эффективная работа этой связки имеет все шансы вернуть Урал в число «опорных краёв державы» в области фантастики. А это в числе прочих достоинств столицы Урала будет работать на повышение уникальности нашего региона в масштабах всей России.





сентябрь 2007

РЕКА ВРЕМЕНИ**Владимир ТРУСОВ**

«Перстень с камнем, что носил
 рыжий атаман, был непростым,
 сила в нем была сокрыта
 большая. Повернешь камень
 верхом — раскроется
 любая гора».

Тропой поиска

Н. АКИФЬЕВА
 Ю. ГОРБУНОВ

Музеи

О. ОЖГИБЕСОВА

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН

Заповедные земли

Ю. СЕНТЯБРЕВ,
 В. САДЫРИН

Родословная

В. ДАНИЛОВА

Возвращение из Леты

В. ГОЛДИН

Легенды и были

Л. ПУТИМЦЕВА
 В. ТРУСОВ

Человек и природа

И. КУЗНЕЦОВА

Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург	9
Писательницы России	29
Тайна старца Григория.....	16
Белый раджа Саравака. Марки-загадки	27
Ну, здравствуй, Бакал.....	38
Я — из Азигулова.....	52
Ял-Мал — загадочная страна	69
Сказка моя - Верхотурье	71
Золотые монеты Еремки	76
День деревни	80

Александр ВАРСКИЙ

«Пыльный и темный чердак
 был похож на чёрную дыру
 созвездия Пса, враждебный и
 чужой. Но мальчик решительно
 бросился в его мрачное чрево,
 ведь за этой преградой была
 его мама».

АЭЛИТАПроекты «Уральского следопыта»

Б. ДОЛИНГО

Законы Вселенной

Г. ЕСКЕВИЧ
 Л.БОРТНИКОВА

Молодые имена

А. ВАРСКИЙ

Координаты чудес

М. ЧЕРЕПАНОВ
 А. ГОРЕЛИКОВА
 А. ФЕДОТОВ

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Фантастическая триада.....	4
Холмы Предрождения	12
Восстановитель.....	65
В мерцании светил	24
Невозвращенец.....	35
Этот город	55
Зона Интернет	78
Ошибки и штампы в фантастике	62

Богдан АРТЕМЬЕВ

«Человек — тварь хищная, ему
 тоже иногда жрать хочется.
 И чихать он хотел на ваш грипп.
 Он никогда его сам не боялся. Он
 боялся только за своих курочек».

СВЕЧА ГОРЕЛАВремя мастера

А. КЕРДАН
 С. РАБИНОВИЧ

Молодые имена

Б. АРТЕМЬЕВ

Новые встречи

И. АРГУТИНА

Стихи.....	6
Цветы мая	33
Всептичий слет.....	20
Стихи.....	58

Виктор БАЙДУКОВ

Откуда берет начало Чусовая?
 «Уральский следопыт»
 в поисках ответа

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

О. ШАРГУНОВ

Заповедные земли Урала

М. БУЛАНОВ
 И. ПАШНИНА

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

Советы специалиста

Е. ШАРОНОВА

«Уральскому следопыту» быть?.....	2 пол. обл
Выстрелы в глухомани	30
Дождь, ветер и «крупный туман».....	42
Истоки реки Чусовой.....	40
Сон в мешке.....	49

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго,
 С.А.Надь, Е.Л.Русяев. **Худ. редактор, верстка** —
 Ю.В. Ульянова. **Художники** — А.А. Федотов,
 Я. Ахметшина. **Набор** — В.М. Кадочникова.
Корректоры — Ю.Ю. Ларина, Е.О. Макушкина
Учредители —

• Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»;
 • Ассоциация советских книгоиздателей;
 • Союз писателей РСФСР.

Издатель — ООО «Трудовой коллектив журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав
 Мешавкин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко,
 Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати и массовым ком-
 муникациям** при поддержке **Министерства физкульту-
 ры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22,
 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru

www.uralstalker.ru

**Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Ми-
 нистерством печати и массовой информации РСФСР.**

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые получики «Уральского следопыта» и знаком **УС** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России. Подписной индекс 73 413. Цена свободная.

Подписано к печати 09.08.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 3231

Шахматные этюды

1. Творчество

Возвращаются идеи,
Как забытые друзья.
Неужели ты сумеешь
Пешкой вышагнуть в ферзя?

Сердце мечется тревожно:
Ты так мал и уязвим.
Победить не просто сложно –
В поле воин ты один!

Наудачу, без разведки,
Надо истину найти...
За спиною жизнь, как клетки
Черно-белого пути.

2. Эндшпиль

Конь никогда не станет королем,
А пешка может выйти в королевы.
Но королева – ноль перед конем,
Хоть офицеров справа ставь, хоть слева.

А вывод прост: что каждому дано,
Тем и гордись, не рвись напропалую
В ряды придворных...
Там – черным-черно,
Пусть даже масть ты выберешь иную.

Ходи углом! По-своему ходи!
И, может быть, ты вырвешься на волю...
Свой бег у кромки поля осади –
Жизнь все же шире шахматного поля.

В ней рай небесный есть и рай земной...
Так, почему, лукавству не обучен,
Ты видишь – в черном – только мрак ночной,
А в белом – только снег
январский, жгучий...

На распутье

Вошли в автобус дочь и мать,
Вогнав меня в озноб...
Я глаз не в силах оторвать
От этих двух особ.

У каждой, и лицо, и стать
Достойны всех похвал...
И я готов влюбленным стать
И – в миг единый – стал!

В кого из них? Не знаю сам
И ведать не хочу...
В мечтах счастливых к небесам
Лечу, лечу, лечу...

В калейдоскопе чувств моих
Мне показалось вдруг,
Что подхожу любой из них,
Как друг или супруг.

Быть, в самом деле, хорошо
На зыбком рубеже,
Где мамам нравишься еще
И дочкам их уже...

Вертухай

Вертухай по вышке ходит
И на эзков вниз глядит.
Он, конечно, на свободе,
Только все равно сидит.

Всемогущ для тех, кто в зоне,
Для начальства – сам, как тля,
Автомат зажал в ладонях,
Тех и этих костеря.

Но, как будто упрекая,
Мол, и эту жизнь не хай,
Сверху вниз на вертухая
Смотрит месяц-вертухай.

Им обоим до рассвета
Быть бессменно на часах...
На земле свободы нету,
Нет ее и в небесах.



Александр Борисович Кердан родился в городе Коркино Челябинской области. Окончил военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Кандидат философских наук. Секретарь Правления СП России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор двадцати восьми книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийских литературных премий.

После похорон

Был он поэт настоящий,
Избранный Богом поэт.
Заколотили мы ящик,
Выключив солнечный свет.

Как он теперь там, без света,
Так ненавидевший тьму?
Кто нам расскажет про это,
Чтобы поверить ему?

Мужество

Ю.А. Левину

Просыпаться умеют легко старики...
Это кажется тем, кто еще не старик.
А когда твое утро похоже на крик
Перепуганной чайки у стылой реки,

Все иллюзии – в прах: ты остался один,
Хоть заботой тебя окружает родня...
Ночь, как век, но страшней приближение дня –
Не отыщешь огня в стылом блеске седин.

Ты проснулся, а встать все трудней и трудней:
Приучает постель к горизонту на век...
Но еще ведь не стал головы твоей снег
Света белого ярче и снега белей.

И поэтому надо, всему вопреки,
Подниматься с кровати, как будто с одра,
Чтобы фраза расхожая стала мудра:
«Просыпаться умеют легко старики...»

* * *

Яне

Жизнь однажды, честь по чести,
Сказку доведет до точки –
Нам, ее слагавшим вместе,
Умирать поодиночке.

А не так, как в сказке старой:
Безболезненно и сразу...
Первым уходить – подарок,
Хоть и протестует разум.

Полетит душа, как птица,
И не будет знать утраты,
И не сможет повиниться,
В чем она не виновата...

* * *

Поэтам дети не нужны
И жены не нужны.
Поэты жить одни должны,
Спокойны и важны.

Чтоб никого не обижать
И не плодить сирот,
Когда душа, судьбу верша,
Отправится в полет.

Чтоб звездных далей видеть сны
У вечности в плену,
За тех, кто были не нужны,
Не чувствуя вину.

...Тогда бездомность не страшна,
Когда в тебе она,
И неземная тишина
Отчетливо слышна...

Эрато

Поэзия, безжалостная, милая,
Всегда – невеста, никогда – жена,
Тебя, конечно, не удержишь силою
И не заставишь, чтоб была верна.

О близости и помышлять кощунственно –
Твоих духов вдыхаю аромат...
Но, говорят, что ты жила у Пушкина,
И был твоим приходом Тютчев рад...

Жуковский, Фет, Некрасов – в самом деле,
Всех поименно называть нет сил!
Один твердит, что был с тобой в постели,
Другой, что на руках тебя носил...

Проходишь гордо мимо взгляда дерзкого –
Чиста, строга – моя и не моя:
Царевна-лебедь, ты казалась девкою,
Пока с тобой не обручился я.



* * *

Л.Д. Чемисовой

С улыбкою заглядывали в Вечность,
Как в отражение звездное в воде...
Лишь молодости кажется беспечно,
Что ждет ее признание везде.

Теперь судить готовы по-другому,
Когда судьбы кончается разбег,
И времени бездонный, черный омут
Нас поглотить готовится навек.

Но между двух отчаянных суждений
Одно прозрение нам с тобой дано,
Что сохраняют волны отражение
Тех звезд, которых в небе нет давно.

Дилема

Бессмертье после смерти
Сулит моя тетрадь.
Коль это так, ответьте,
Зачем мне умирать?

Да, в том-то и трагедия,
Ну, как ты не поймешь:
Не получить бессмертия,
Покуда не умрешь!

У водопада

Глядеть, как падает вода
Из ниоткуда – в никуда,
Есть устриц, запивая пивом –
Не мало, чтобы быть счастливым,
И все же это – ерунда.

Пусть жизнь из створок перламутра
Полезнее, чем творог утром,
Пусть пиво печени вредит,
Вода, в итоге, победит –
Не стоит объясняться нудно.

Нас понесет с тобой она,
Самодостаточна, вольна
И бесконечна, словно вечность.
Мы поплывем на лодке млечной,
Не зная отдыха и сна.

Не надо весел и ветрил,
Не надо тратить чувств и сил,
Отдавшись быстрому течению,
Как птица отдается пенью,
Едва почуяв силу крыл...

Сон

Ах, как сладко быть с тобою,
Никуда не торопясь,
Под соленый шум прибоя
К вешним грезам уносься.

Рай земной не станет ближе,
Если знать его секрет...
Распахнув глаза, увижу
То, что моря рядом нет.

Просто музыка звучала
Где-то в сердца глубине,
И нечаянно, сначала,
Приникала ты ко мне.

И во сне, на явь похожем,
Не понятно: спал, не спал –
К чуть солоноватой коже
Я губами припадал.

И волна волос качалась
Надо мною, как волна.
В сердце музыка звучала,
Не кончалась все она...

* * *

В окне больничном облака плывут, как льдины
По вскрывшейся реке, которой нет конца...
Я список кораблей прочел до середины,
Дивясь таланту вещего слепца.

А вот мои суда, все отдали швартовы
И у причала, тесно сгрудившись, стоят,
По вскрывшейся реке они отплыть готовы,
Да, только доктора, покуда, не велят.

Ах, эти доктора с их клятвой Гиппократата:
Глазасты, как Гомер, приборы в их руках...
Черным-черна, как трюм, была б моя палата,
Когда бы не окно да небо в облаках.

И сам я, как моряк, отправленный на берег,
И заточенья здесь не вынесла б душа,
Когда бы не Гомер да вечный зов Америк,
Где новый мой роман начнется не спеша.

И, может потому, прожить необходимо
Мне этот долгий день и новый день начать,
Что список кораблей всего до середины
В свой срединный год успел я прочитать.

* * *

Обещало мне счастье – быть вечно со мной,
Чтобы доля казалась дорогой прямой...
Но судьба изогнулась, как пращуря лук,
Тетивой натянулась эпоха,
И стрелой ускользнуло вдруг счастье из рук:
Я держал его, видимо, плохо.

Что же мне на беспечное счастье пенять –
Ничего не успевшему в жизни понять,
И судить о стреле, что летит в никуда,
Обвиняя меня за промашку?..
Ждал, что встретится радость, а вышла – беда,
Босиком и душа нараспашку.

Мне, уставшему верить в спасительность встреч,
Обещала от них навсегда уберечь,
Насулила в грядущем печалей и мук –
Во спасение тела и духа,
Там, где лопнет струна, разогнется мой лук,
И надеждою станет разлука.

ЕКАТЕРИНБУРГ – СВЕРДЛОВСК – ЕКАТЕРИНБУРГ



В марте 1723 года на берегах Исети началось строительство казенного железоделательного завода, призванного стать центром горнозаводского края. Крепость и фабрики сначала назывались Исетским заводом, но уже в июне 1723 года генерал Геннин (Hennin) писал супруге Петра I: «...Я зачал (строительство. – Авт.) при реке Исети, где место сыскано лучше: воды довольно и лесов, и руды на многие лета. И около оных заводов зачал крепость делать, чтоб башкиры, наши соседи, не могли ее разорить. А оную крепость и завод осмелился именовать до указа – Катериненбург (Catharinenburg), а заводы Катериненбургские, в память высокославного имени Вашего Величества (т.е. в честь святой Екатерины. – Авт.).. Однако ж, о том ожидаю указу».

Генерал-майор Вилим Иванович Геннин, по многим свидетельствам, «был редким птенцом орлиного петровского гнезда – де-

ятельный, преданный и в высшей степени честный». Последнее качество выгодно отличало Геннина от большинства других «птенцов». Преданностью, но не лестью было продиктовано желание генерала назвать новый город во славу имени Императрицы (но не в честь ее).

Однако спустя четыре месяца, в письме в сибирскую губернскую канцелярию генерал констатировал: «Сего сентября 1723 года получил я от Его Императорского Величества... письмо и конфирмации, что новую крепость при реке Исети и при ней заводы с разными фабриками и мануфактуры называли Екатеринбург, для памяти в вечные роды и для вечной славы Ея Величества, Всемилостивейшей Государыни Императрицы (т.е. в честь Императрицы Екатерины I. – Авт.)» (См. Уральское горное обозрение. 1899. №48)

После воцарения Петра II Геннин покинул Урал, а должность

Главного командира занял Василий Никитич Татищев. Как обычно изменения начались с переименований – иностранные названия срочно менялись на русские. Что стояло за этим? Возможно, Татищев просто недолюбливал Геннина. Отметим, что и Геннин не испытывал особых симпатий к Татищеву. При этом он подчеркивал: «...Я и сама ево рожки калмыцкой не люблю, но видя ево в деле права и к строению заводов смышлена, разсудительна и прилежна». Но как бы там ни было, а «у слова «Екатеринбург» без всякого официального указа, пишет уральский историк Николай Корепанов, отсекали немецкий или латинский корень, добавили русское окончание, и получился «Екатеринск» (в поздней литературе и публикациях часто неточно пишут «Екатерининск»). Так произносил и писал Татищев, и вскоре все заговорили так же: екатерининские фабрики, екатерининский пруд, екатерининские жители.

Нина Валентиновна Акифьева, кандидат исторических наук, доцент УГТУ-УПИ. Автор историко-краеведческих статей в нашем журнале. Живет в Первоуральске.

В 1737 году Татищева назначают командиром Оренбургской экспедиции вместо умершего И.К.Кирилова. Тогда же Генерал-бергдиректориум официально утвердил в должности Первого члена Главного правления Леонтия Угрюмова. И почти сразу городу вернулось его исконное название – Екатеринбург.

До начала Первой мировой войны никому в голову не приходило переименовывать город. Вопрос возник в 1914 году на волне националистических настроений. В августе была переименована столица Российской империи – Санкт-Петербург стал Петроградом, а в октябре Пермский губернатор предложил изменить имя столицы горнозаводского края. В декабре бюрократическая машина стала набирать обороты. Н.Н.Попов в «Известиях УрГУ» писал: «В Пермскую Ученую Архивную комиссию от имени Главного начальника Уральских горных заводов поступило письмо, в котором говорилось, что «безусловно, желательно определить выбор его (города. – Авт.) нового наименования». 29 апреля вопрос был рассмотрен на заседании Екатеринбургской городской думы. Вниманию депутатов были предложены следующие варианты названия: Екатериноград, Исседонск, Екатеринополь, Екатеринозаводск. После обсуждения Дума единогласно высказалась за сохранение существующего названия города – Екатеринбург, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим».

Однако уже в декабре 1916 года в письме Пермской Ученой Архивной комиссии, адресованном Главному начальнику Уральских горных заводов, снова был поставлен вопрос о переименовании Екатеринбурга. Были предложены новые названия, «приличествующие русскому городу: Екатеринозаводск, Екатериносетск, Екатериноугорск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор».

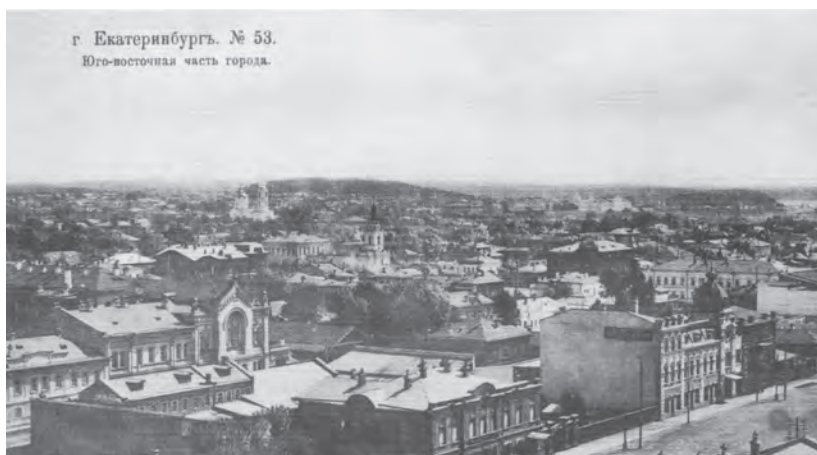
Революционные события 1917 года отодвинули тему переименования, но ненадолго. В начале



г. Екатеринбург. № 52.
Северо-восточная часть города.



г. Екатеринбург. № 32.
Северо-западная часть города.



г. Екатеринбург. № 53.
Юго-восточная часть города.

1924 года вопрос возник вновь. Инициатива исходила от членов городского совета и была приурочена к пятилетию со дня смерти Я.М.Свердлова.

Идея с переименованием понравилась многим. Предложения посыпались как из рога изобилия. (Здесь и далее цитируются материалы газеты «Уральский рабочий»

(1924 № 69, 74, 77, 114). Ячейки Р.К.П. Н.-Тагильской службы пути, материальной эксплуатации и телеграфа высказались за Свердловск. Общее собрание рабочих и служащих экипажно-механической мастерской ЦРК настаивало на переименовании Екатеринбурга в Реваншбург. Рабочие Ленинской фабрики внесли предложение на-



звать Екатеринбург Красноуральском (*это название понравилось городскому пролетариату больше других.* — Авт.). Рабочие и служащие посудно-штамповочной мастерской № 4 имени Ленина ратовали за переименование города в «Красный Урал». Но оставались сторонники и старого названия города — Екатеринбург.

«Как же должен называться наш город? — Вопросал и, тут же отвечал Н.Шушканов, — только не Екатеринбург. С какой стати славному городу, столице рабочего Урала носить имя пьяной развратной бабы — жены царя Петра I... Город живет новой жизнью, все улицы носят имена от этой новой жизни, а сам он будет носить старое, ничем не оправдываемое имя — не годится».

Призыв был услышан. В городе срочно стали организовываться собрания, конференции, встречи. «Районная конференция рабочих пищевиков... единогласно постановила город Екатеринбург назвать Свердловск в честь вождя уральских рабочих Я.М.Свердлова». «Крестьяне выскажутся за Свердловск, — заявил со страниц «Уральского рабочего» некто Степанов. — Двести лет стоит наш город, а крестьяне... не называют его Екатеринбургом. В их языке он просто

«город» (и это правда. — Авт.). То ли дело «Свердловск» — легко и ясно: по имени вождя рабочих».

В общем хоре не были услышаны здравые возражения. Объединенное собрание РКП Уралоблвоенкомата, Екатеринбургского Окровоенкомата, Уралвоп и Облпродбазы в своей резолюции заявило: «Переименование Екатеринбурга потребует замены штампов, печатей, вывесок, бланков и т. д. всех хозяйственных, торговых, профессиональных, советских и проч. учреждений, находящихся в столице Урала. Это будет стоить больших средств и повлечет увеличение накладных расходов. Финансовая мощь республики не настолько велика, чтобы позволять себе такую роскошь». Да и некоторые рабочие на собраниях вдруг заявили, «что мало знают Свердлова».

Вопрос окончательно был решен Екатеринбургским горсоветом 14 октября 1924 года. 24 октября президиум Уралоблисполкома обратился с ходатайством об этом в ЦИК СССР, который 14 ноября принял соответствующее постановление. 18 ноября оно было опубликовано в газетах. С этого времени город стал называться Свердловском, а его жители свердловчанами.

До августовского путча в 1991 году среди жителей областного

центра не было однозначного мнения по вопросу переименования города. Часть жителей хотела называться екатеринбуржцами, другая считала себя свердловчанами. И только провал ГКЧП расставил акценты. 4 сентября 1991 года Свердловский городской Совет народных депутатов на своей внеочередной сессии принял решение — возратить городу его исконное имя, данное Петром Великим.

К этому историческому решению городские власти пришли не сразу и не вдруг. В декабре 1990 года по инициативе общественного комитета «За Екатеринбург» вопрос о восстановлении прежнего названия был рассмотрен на первой сессии горсовета. Депутаты тогда ограничились созданием «Комитета по названию города» при комиссии по культуре. В задачи этого комитета входило изучение общественного мнения по вопросу переименования и ознакомление жителей с историческим наследием города.

4 сентября 1991 года работа Комитета ознаменовалась решением горсовета о переименовании Свердловска в Екатеринбург. 23 сентября того же года это решение утвердил Президиум Верховного Совета РСФСР и город вновь стал Екатеринбургом.

Холмы предрождения

Чанес ел оливки с каперсами прямо из банки, запуская в нее длинные белые пальцы. Он выуживал три-четыре ягоды, аккуратно клал их в рот...

По руке тек сок. Сок тек и по румянному, белоснежному лицу со сливовыми, очень внимательными глазами. Это было омерзительное и одновременно уморительное зрелище. По крайней мере, так казалось Иле, которая сидела за рулем самого старого во всем космосе автомобиля и петляла по воображаемой дороге между трещинами, уходящими в никуда. Поверхность этой удивительной во всех отношениях планеты ничем не напоминала земную. Тысячелетиями изъедаемая коррозией, земля была в основном гладкой, но местами зигзагообразно обрывалась, превращаясь в опасные пропасти, что сходились одна с другой где-то за горизонтом.

Иля напевала, вспоминая чистенький эголье с прозрачными крыльями. Вспоминала полет через туманности вселенной. Вспоминала... потому что ужасный, ржавый, побитый автомобиль все время скрежетал и испускал клубы дыма в пыльный воздух. Потому что Чанес ел оливки и потому что Чинес на заднем сидении все время шуршал конфетными обертками.

— Бери правее! — Возглас второго провожатого вырвался вместе с ароматом ванильного батончика. — Здесь большой каньон образо-

вался... Вчера еще засекали со спутника. — Он выбросил фантик в окно и повис на спинке водительского сиденья, непристойно чавкая. — Здорово рулишь! Скоро уж заглохнет, отслужила наша «колёска». Будем у вашего брата новую заказывать, по мощнее.

— Зачем вам? Да и денег не хватит. — Иля с усилием крутанула руль направо, чтобы обогнуть небольшой бугор с клочком высохшей травы на верхушке. — Долго еще?

— Не очень! — Чанес стал жадно пить оставшийся после оливок сок, затем сильным движением превратил банку в бабочку и запустил в полет.

— Стоп! — в поддержку заорал Чинес. — Прямо здесь! — Его белое лицо изобразило предельное неудовольствие: — Прибыли!

Иля вышла на равнину первой. Спереди и сзади ничего. Песок скребет по ботинкам. Извилистые трещины уходят далеко на запад. Тишина. Ни вздоха, ни мелодии... Планета, у которой нет будущего.

— Не стойте, отсюда придется идти пешком.

— Но почему? Я же заплатила вам?! — Женщина стукнула ножкой по безразличной земле.

— Правила вообще запрещают отводить вас в Город. — Чинес поднялся во весь рост. В сравнении с Илей и Чанесом он был настоящим великаном. Вот вам неоспоримое преимущество при словесных бата-

лиях. Даже идентичность лиц двух инопланетян не делала их ровнями. А уж о поблажках для пришельцев — тут вообще не о чем говорить.

Что же, спорить не имело смысла. Иля поплелась за провожатыми, которые внезапно нежно обнялись и покачивались при ходьбе, как огромный, накренившийся корабль, который отбрасывает длинную извилистую тень на все живое или не живое.

Долго ведь идти! Уверенность выплыла на поверхность и стала частью пейзажа. Почти память машины, которая верно служила людям, а теперь вдоволь наработалась для поганых гомиков-шизоидов.

Иля с пренебрежением следила за чужим разговором о предполагаемом ужине. Маленький Чанес рекомендовал готовить червячков, а Чинес добивался змеиных хвостов. При этом оба не собирались уступать: ласково терлись носами, до трагивались друг до друга кончиками пальцев и поминутно теребили пуговицы.

До чего же странный народ!

— Чинес! — Иля позвала именно большого, так как он диктовал условия игры. — Вы ведь идентичны?

— Идентичны! — Инопланетянин улыбнулся. — Интересуетесь генетикой? Неугомонные земляне!

— Скажите мне, в чем мораль? То есть я, конечно, понимаю, что природой человеку, например, положена пара.



Галина Антатольевна Прокопенкова (псевдоним — Галина Ескевич) родилась 8 мая 1974 года в городе Видное, Московская область. Окончила Московский государственный полиграфический колледж, в настоящее время — студентка Московского государственного университета печати. Последние 13 лет работает в области полиграфии. В конце прошлого года по сценарию Галины вышел короткометражный фильм-сказка "Видно, есть она". Публиковалась в журнале "Порог" и газете "Просто фантастика".



— Мы не пара! — Чанес улыбнулся. — Мы — продолжение друг друга. Поделится, разбежимся!

— Поделиться мало! — хохотнул Чинес. Огромная рука обняла дружка. — Надо еще понять, что все кончено.

— Любовь? — поинтересовалась Илия вновь.

— Загнула! Это у вас любовь на животном уровне, а у нас родство! Пожизненное, до самой смерти. Мы тебя, можно сказать, за банку оливок и конфеты в святую святых ведём. И хоть назвали вы нас гермафродитами, обиды не таим. — Чинес поднял Чанеса на руки и усадил на шею. — Видно? — спросил он у него с надеждой.

— Нет пока!

— Зато экзотика, — парировал другой, и оба засмеялись.

Илия вздохнула. Вряд ли ей удастся когда-либо понять их внутриклановые шутки. Дурацкое понимание бытия.

— Совсе не дурацкое. Мы выживаем за счет друг друга, когда вы просто тратите время на ухаживания. Мы заботимся друг о друге с первого мига встречи, потому что сразу видим, чья кровь родная. — Чинес сливовыми глазами рассматривал женщину, и та непроизвольно краснела. — Вами правят гормоны, а нами — многолетняя уверенность в том, что где-то еще есть существо, которое идентично первичной сущности.

— Да-да-да, он прав. — Чанес спрыгнул на землю ловко и очень красиво, почти танцуя. — В вашем мире много еды. Вы строите жизнь

на уровне, который непонятен нам. Но мы не обвиняем вас в ваших заблуждениях. Не гнушаемся ваших отличий от нас. Мы не существуем ради жизни. Мы рождены изначально для смерти.

— Я знаю. — Илия с тоской глядела в бескрайнее однообразие, слыхала две фигуры — большую и маленькую. Поражалась идентичности лиц и такой разности эмоций, которые жили в этих... червеобразных существах с телами гуманоидов.

Выжженная равнина. Опять и опять. Бросить исследования. Продать пару-другую автомобилей с помойки, отправиться на цветущий курорт Аланивы. Нет, обязательно нужно было пойти поглядеть на Город Мертвых. На этот глупый, никчемный, стоклятый фарс. Ведь ничего «червяки» не строят. Ничего. Ютятся в своих норах, ждут землян, смотрят на мониторы, голодают... И бури: сколько этих бурь за год пронесится по пустыне?

Илия достала из кармана бутылку с водой. Глотнула.

Ты знаешь, зачем пришла сюда. Бросила семью, детей, мужа. Не в торговле дело.

— Не в торговле? — Чанес удивился. — Так плохо думает, и не в торговле? Дался вам, людям, наш город... А вот и он! — Инопланетянин вдруг резко остановился.

В прямом смысле слова города Илия не увидела. Только вдруг равнина стала бугристой. Бугры повыше и пониже, поросшие травой и абсолютно лысые. Бугры со ступеньками и бугры с подобием горок. Бугры квадратные и бугры округлые, рас-

ширяющиеся кверху и сужающиеся книзу, похожие на волны и абсолютно гладкие, разной высоты, разной цветовой гаммы.

Илия открыла рот. Провожатые, словно подражая, тоже пооткрывали рты. Троица стояла некоторое время молча. А потом Чанес и Чинес сели на землю и стали искать еду прямо здесь же, в земле. Женщина перестала их интересовать, да и её более не интересовали инопланетяне. Она пошла навстречу неизвестному.

Странно, что такое явление никак не отражено в картографии планеты. Могли ли исследователи пропустить город? Скорее, нет, чем да. Интересно, сколько человек побывали на холмах?

Ноги спешно поднялись по естественно созданным ступеням на первый холм. А если это могилы? Курганы или что-то подобное! Разрешат ли черви копать? Вряд ли их обрадует такой исход.

Женщина села на желтую жесткую траву. Ее удивляла та легкость, с которой эти двое продали обычной землянке свою великую тайну о Городе Мертвых. Что же, за оливки можно посидеть и на старых холмах. Посидеть перед тем, как отправиться на курорт.

Теперь следовало бы удивиться пейзажу, описать небеса с огромным шаром солнца и розоватыми всполохами, восхититься бескрайностью равнины, а затем с неудовольствием отметить сухость воздуха, горьковатый привкус на губах от песка.

Нет, не стоило восхищаться. Илия закрыла глаза, чуть откинулась назад, оперевшись на руки, и долго сидела, ни о чем не думая. Она просто торговец на планетах третьих миров. Все что нужно, уже нашло хозяев. В звездных банках лежат деньги на оплату кредитов, налогов, топлива на эголье, который несомненно нуждается в ремонте. Но самое главное — есть средства на посещение курорта, специально предназначенного для утомленных путешественников. И наплевать на детей и мужа.

— Эй, эгоистка! — Это кричал маленький Чанес, который появился из-за бугра и стал взбираться на верхушку. — Есть хочешь?

Иля не хотела, но отказать инопланетной твари, даже если она и похожа на обычного мужчину, просто неприлично и опасно.

– Конечно, спасибо большое.

Чанес протянул на ладони горстку прозрачных светящихся шариков и следил за тем, какие эмоции отразятся на лице женщины, когда она их попробует. Вкус, странный, сочный, с ароматом цветов, проник в рецепторы языка и стал разливаться по телу, как извилистая река. Иля с удивлением подняла на проводника глаза.

– Что это?

– Черви. – Чанес присел рядом и вытер белой рукой покатыи лоб. Он, как и его родственник, был очень красив по меркам человека. Трудно отвести глаза и не смотреть.

– Почему вы называете это место Городом Смерти? – Иля разглядывала точеный профиль.

– Это плохой перевод и метафоры человеческой расы. В вашей лексике смерть и жизнь – антонимы. В нашей – практически одно и то же понятие. Ближе к истине – Холмы Предрождения. Но это такая посредственная и глупая догма. Мы ушли от нее очень давно.

– А люди? Слышала, сюда иногда навевываются путешественники и торговцы. Ходили слухи... В общем, что не возвращались они. Умирали! И все такое...

– Исследователи были здесь. Кто из них умер?

– Исследователи? Когда?

– В самом начале, когда искали земные сокровища. Право, вы меня удивляете.

– Они не вернулись!

– Умоляю вас, не вернулись прежними, но вернулись. И потом, в это место приезжают лишь те, кто действительно хочет измениться навсегда...

– То есть и я хочу измениться?

– Вам виднее, в суть не заглядывал. – Чанес встал и как-то своеобразно вытянулся. Он прислушивался к воздуху, к молчанию холмов, а по лицу пробежала волна неопознанного Илей чувства.

– Что-то не так! – Инопланетянин резко спрыгнул вниз и побежал в направлении, где недавно оста-

вил громадину Чинеса. Женщина бросилась следом.

Холм обогнули в какие-то несколько секунд, выскочили на извилистую дорожку – и тут Иля врезалась в остолбеневшую спину недавнего собеседника, который стоял на месте и лицезрел весьма странную картину. Сперва женщина подумала, что в глазах у нее началось мерцание и двоение, как обычно случается при хорошей дозе наркоты, а Иля действительно испробовала в своей жизни все блага цивилизации.

Огромный Чинес двигался будто в замедленной съемке. Его контур все время менялся, расплзался по швам на тысячи прозрачных отражений, которые пытались соединиться в одно целое. В воздухе рядом стоял жуткий треск, электричество било жалами по оголенным рукам, шее и лицу, но зрелище тем сильнее привлекало, чем становилось ближе и опаснее.

Маленький Чанес завыл. Упал на колени, скукожился на земле. Его горе сменялось быстрой, непонятной речью, руки судорожно вцепились в одинокий островок травы.

– Что происходит? Какой кошмар! – Волосы Или стали подниматься перпендикулярно, словно возжелали наладить связь с космосом. Повевало озоном... Какое-то мгновение глаза заволокло чернотой. Но вот исход – здоровяк Чинес тоже лежит на дорожке, вполне безобидный и неподвижный.

– Он упал. – Пытаясь растормошить несчастного инопланетянина, злопутешественница сделала несколько шагов назад (что еще могут выкинуть чертовы червяки?) – Подойди же к нему! – Голос сорвался на полусшепот.

Чанес не отвечал на призыв. Он только сел и стал качаться из стороны в сторону.

– Что случилось? Ты можешь мне сказать? – не унималась Иля, которая уже пришла в себя и успокаивалась мыслью, что всякое повидала на своем веку.

– Он умер! Он знал, что должен прийти сюда. Вышел срок, настало время изменений. Он не хотел

меня беспокоить, но я-то мог догадаться, зачем мы шли сюда. Мы шли... шли, и вот я один! Я остался один! – Настоящие слезы полились из сливовых глаз малыша. – Как же теперь быть? Кому собирать еду? О ком заботится? С кем думать и сочинять звуки?

Ответа у женщины не было. Она только попыталась успокоить Чанеса ободряющим поглаживанием по плечу. Значит и они умирают в своем городе смерти... Приходят расстаться с жизнью, как со страданием.

Иля обняла руками свои плечи, поежилась от внутреннего холода. Все-таки смерть – неприятная штука. Мистическая. Ходил, разговаривал рядом этот верзила Чинес, а потом отрубил концы.

На дорожке в ответ что-то пошевелилось. Возможно, оставшийся провожатый и не заметил данного факта, но определенно умерший не был вполне на том свете. Глаза Или пытались рассмотреть детали. Опять двоение. Или нет – эврика!

К чему детали, когда и так понятно, что произошло. Просто Чинес поделился надвое, как делятся обычные черви. Вот это явление! Ни одному ученому не довелось видеть ничего подобного.

Новые особи, более мелкие, практически одного роста с Чанесом, с усилением поднялись и довольно враждебно друг друга изучали. Это не был прежний, дружелюбный, смешливый инопланетянин. Что-что, а агрессия вырывалась из них, как струи пара из кипящей кастрюли.

Во-первых, твари практически сразу начали драться. Их белые обнаженные тела скрутились в одну катающуюся юлу. Во-вторых, потоки непереводаимой брани тарабанили по барабанным перепонкам. Быстрота и ловкость пугала.

Иля отступила подальше и теперь выглядывала из-за ближайшего бугра, а храбрый Чанес продолжал оставаться на месте, как прикованный, только снова начал выть.

– Мозгляк, вон пошел! Катись! Катись подальше, пока я тебя в клочья не порвал! Немедленно! – яв-

ный победитель бескровной баталии отшвырнул прежнюю свою часть на несколько метров в глубь холмов. Та выгнулась налету и сразу испуганно побежала куда-то прочь. Другая же, или другой, стала собирать одежду Чинеса, чтобы примерить на себя.

Иля ожидала создания новой пары. Впервые, на глазах у землянки должны были встретиться двое, некогда связанных крепкой дружбой и чем-то еще непонятным. Вот это будет картина!

Но новорожденный равнодушно обошел Чанеса, заправляя огромную рубашку в такие же огромные штаны, что были ко всему еще и безбожно ему велики.

— Хорошо как! — сказанное предназначалось Иле, продолжавшей находиться в тревожном положении наблюдателя.

— Хорошо, — согласилась она.

— Не желаете ли прогуляться? — Тонкая белая рука протянулась, и не ответить на ее призыв путешественница не могла.

Вместе они стали подниматься на огромный волнообразный холм, чтобы остановиться на самой верхушке и посмотреть в бесконечный горизонт невообразимо медового цвета.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец со сливовыми глазами.

— Иля.

— Хорошо, что ты дождался. Я боялся, что не успею. — Губы нахала невесомо коснулись губ путешественницы.

— А как же Чанес?

— Кто это?

— Твой друг! — пожала плечами Иля и отстранилась. — Он сидит внизу и, кажется, очень расстроен.

— Мне нет дела до какого-то Чанеса. Я нашел свою половинку и не собираюсь с ней расставаться!

— Ты уверен?!

— Вполне. — Сливовые глаза приблизились. Женщина даже вздрогнула, когда в них отразилось не ее, а чье-то чужое лицо — лицо, похожее на белую маску.

Возможно, это был выбор Иля. Возможно!

Зов крови.

Школа литературной фантастики АЭЛИТА

Фантастика в «Уральском Следопыте» всегда была разделом, который привлекал молодёжь и, собственно, обеспечил журналу во времена СССР всесоюзную славу. Атмосфера, царившая в редакции 70-80-х годов прошлого века и то, что при журнале возник фестиваль фантастики «Аэлита», привлекала не только читающую, но и пишущую молодёжь. Здесь молодые авторы всегда могли научиться писать лучше и здесь, прежде всего благодаря редакторскому таланту Виталия Бугрова возникла «школа «Уральского Следопыта».

В разное время через эту «кузницу кадров» прошли авторы, ставшие сегодня лидерами отечественной фантастики. На фестивалях «Аэлита» и на литературных семинарах молодых авторов (СМА), проводимых сотрудниками редакции в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, побывали Василий Головачёв, Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Олег Дивов Владимир Васильев и многие другие. Они публиковались и на страницах журнала. Сам автор этих строк во многом стал фантастом благодаря В.И. Бугрову и его школе.

И сегодня, спустя много лет школа литературной фантастики продолжает работу. В этом году очное обучение в школу начнется 15 сентября, запись на собеседование с 15 августа.

Школа рассчитана на молодёжь, стремящуюся создавать фантастические произведения. В неё будут приниматься все желающие старше 12 лет, прошедшие собеседование. Группы будут включать не более 15 человек. Занятия в группе планируются проводить в течение трёх месяцев 1 раз в неделю. Обучение платное.

Выпускник школы получит базовые навыки, как писать фантастические произведения, «характеристику ученика ШЛФ», успешно закончившие обучение — рекомендацию для поступления на соответствующие отделения вузов (филологический ф-т, факультет журналистики и т.п.), бесплатный билет-приглашение на участие в очередном фестивале фантастики «Аэлита». Кроме того, будет организован выпуск сборника рассказов, которые ученики школы создадут в процессе обучения.

Приглашаем юных любителей фантастики в нашу школу!

Информацию о ШЛФ можно получить:

- 1) В редакции журнала по адресу: 620014, Екатеринбург, пр. Ленина, 22, журнал «Уральский Следопыт», редакция раздела «Аэлита».
- 2) По e-mail: aelita-con@r66.ru
- 3) По тел. 269-22-34 (главный редактор журнала Фирсов Максим Юрьевич); 8-912-289-90-75 (редактор раздела «Аэлита» Долинго Борис Анатольевич).

Тайна старца Григория

Деревня Покровка лежит чуть в стороне от Тобольского тракта. Дорога к ней еще совсем недавно производила привычно-удручающее впечатление — говорят, однажды заезжий иностранец едва не утонул в ядреной сибирской грязи. И потому стоило в селе появиться губернатору, теперь уже бывшему, Сергею Собянину, да не одному, а с полпредом Президента П.Латышевым, как местные жители, кивая на за границу, попросили провести в деревню «аппендикс» от тракта. Иными словами, проложить в Покровку асфальт, которого так и не дождались за годы советской власти. Покровчане, как истинные сибиряки, — люди сдержанные, чувства свои напоказ выставлять не привыкли, но, думается, втайне гордятся своим земляком Григорием Распутиным, одной из самых загадочных фигур в российской истории. Без малого сто лет прошло, а сюда, в сибирскую глубинку, едут и едут со всех концов страны, из разных стран мира, чтобы прикоснуться к легенде, попытаться разгадать тайну старца Григория.

«Мне хотелось ущипнуть себя за руку»

Музей Распутина в деревне Покровка Яркоковского района Тюменской области — первый частный музей в Советском союзе (открыт супругами Мариной и Владимиром Смирновыми в 1990 году) и единственный подобный музей в мире. Что весьма странно, потому

что Распутин, уверена Марина Юрьевна, самый знаменитый русский.

— Во всех европейских странах непременно существуют заведения под названием «Распутин». Заведений с названием «Гагарин» я не встречала, как, впрочем, и Ленин. Англичане выпускают чай «Распутин», немцы — одноименную водку. У французов есть шампанское «Распутин», а у голландцев — пылесос. Есть даже боксерские перчатки «Распутин»! Это уже бренд! И, к сожалению, им не пользуются только те, кому он принадлежит по праву, — русские.

Для самой Марины Смирновой знакомство с великим земляком, а она уроженка Покровки, началось с песни «Bony M». Помните знаменитый хит? — «Ra-ra-rasputin! Russian crazy love machine...». Спустя много лет, ансамбль в полном составе приехал в Покровку — в домашнем архиве Смирновых есть и фотографии, и видеосъемка, зафиксировавшие эту знаменательную встречу. Как признается Марина, ей хотелось ущипнуть себя за руку, когда она стояла рядом с Лиз Митчелл у ворот деревенского дома.

— А когда они спели акапельно «Rasputin», сбежала вся деревня! В школе сорвали родительское собрание. Иностранцев приезжает много, но тут — негры!

Но это будет потом. А сначала детское любопытство, неудовлетворенное репликой отца, мол, Распутин —



авантюрист, живший во времена последнего государя, переросло в устойчивый интерес. А когда вышла замуж за историка Владимира Смирнова, тут уж дилетантское собирательство исторических сведений и фактов биографии переросло в дело всей жизни.

Музей, которого, впрочем, тогда еще и в проекте не было, начался с опроса старожилы Покровки, помнивших живого Распутина и членов его семьи, и с нескольких уникальных фотографий. О том, как они попали к Смирновым, разговор отдельный.

— В ДК Железнодорожников по выходным собираются коллекционеры. Я была чужим человеком в их среде. Зато муж чувствовал себя достаточно комфортно. Вот коллекционеры и стали подсказывать — кто-то что-то видел, кто-то что-то слышал. Не всегда было понятно, правда это или легенда. Но я начала писать. Ездить к людям, о которых мне говорили. И таким образом доехала до Томска.

«Грамофон и пианину — в школу»

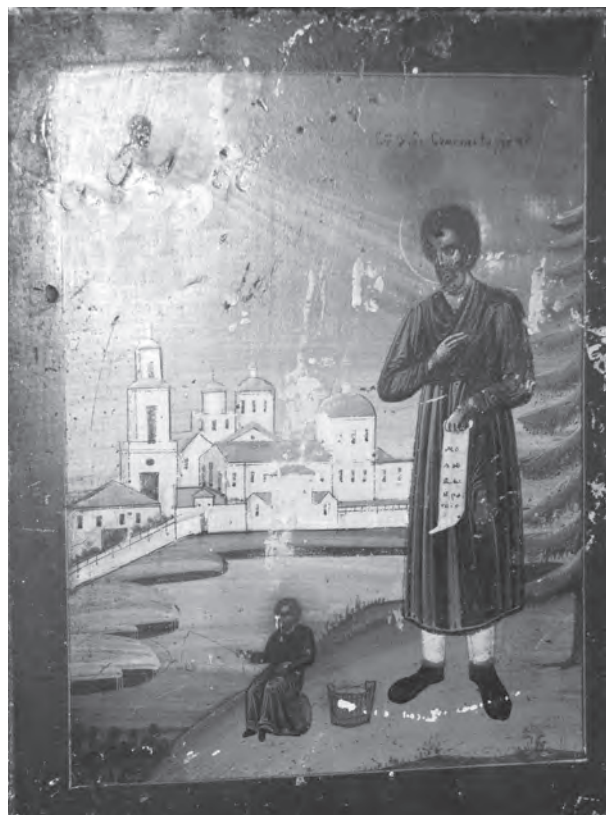
В Томске ее ждали две удачи. Во-первых, неизвестная фотография самого Распутина с личной подписью — он подарил ее профессору Томского медицинского института С.В.Мясоедову. В 1937 году того расстреляли. Снимок старца был подшит к делу, думается, он сыграл немалую роль в судьбе профессора. После реабилитации фотографию вернули семье, и сын Мясоедова передал ее в музей.

Там же, в Томске, Марина Юрьевна познакомилась с некой Лидией Михайловной Барановой — уроженкой Покровки. Врач, участница Великой Отечественной войны, почти слепая и практически одинокая женщина, она написала письмо на родину — в сельсовет, «на деревню дедушке». А в письме спрашивала о том, нет ли каких-нибудь новых сведений о Распутине. Всю жизнь она гордилась тем, что была его землячкой! Письмо передали Смирновым, которые к тому времени уже замучили односельчан расспросами...

От Лидии Михайловны музей получил в подарок фотографию дочерей Распутина — Матрены и Варвары, подписанную рукой Матрены: «Незабвенной подруге от Матрешки и Вари».

Экспонаты для музея, открытого 16 лет назад, собирали путем «подворного обхода». Дело в том, что в архивах сохранилось письмо бедняков деревни Покровки, сочувствующих коммунистической партии, в котором они просят конфисковать у Распутиных вещи в пользу односельчан: «...граммофон и пианину — в школу, зеркало — соседям».

Иными словами, милые земляки, при жизни Григория Ефимовича вдоволь попользовавшиеся его добротой и благорасположением, с семьей его решили не цацкаться: пожировали — и будет! И организовали вполне законный грабёж. Было это в 1919-м. Через год вдову Распутина Параскеву Федоровну, сына Дмитрия и его молодую жену Варвару из родного дома выселили, а спустя тринадцать лет и вовсе сослали, как кулацкий элемент. В 1933 в Салехарде друг за другом они покинули этот неблагодарный мир. Последним, 16 де-



Симеон Верхотурский. Икона Распутиных

кабря 1933 года, день в день с отцом, убитым в ночь на 17 декабря 1916 года, от дизентерии в возрасте 38 лет умер спецпереселенец Дмитрий Григорьевич Распутин. Адрес умершего: комбинат спецпоселка, барак № 14.

Но вернемся к музею и его экспонатам.

Имея список конфискованных вещей, Смирновы отправились по деревне. Кому предлагали водку, кому — дрожжи и сахар. Так в экспозиции появились тарелка с вензелем императрицы Кузнецовского фарфорового завода, икона Симеона Верхотурского, знаменитый венский стул, о котором речь пойдет чуть ниже, собственноручные записки Распутина...

Отдельная история вышла с «зеркалом». Бабушка-соседка не хотела с ним расставаться, хотя к тому времени осталась от него лишь половина, да и то вся потемневшая и потрескавшаяся, так что зеркало вряд ли годилось для того, чтобы перед ним вертели модницы. Но бабушка стояла на своем и семейную реликвию Распутина продавать не собиралась. Пришлось пустить в ход «тяжелую артиллерию» в лице отца Тихона, священника из тюменского Знаменского собора.

— Отдай для людей, на благое дело, — сказал он.

Бабушка сняла «зеркало» со стены и с поклоном протянула его Марине Смирновой.

Дому, в котором сегодня размещается музей, исполнилось 125 лет. В этом небольшом двухэтажном деревянном особнячке с крутой скрипучей лестницей и небольшими, но светлыми комнатами жил родственник Распутина — Илья Арсенов. Деревянные рассохшиеся половицы помнят, как по ним ходил старец Григорий, комнаты хранят эхо его голоса. Вот только для музея

здание не слишком приспособлено: старая печь не может согреть обветшавшие стены, зимой здесь — словно в холодильнике, поэтому приезжают сюда Смирновы редко.

Надежды на то, что когда-нибудь удастся реконструировать этот дом, у них не было никакой. В чудеса они, выросшие в эпоху развитого социализма, не верили. И все же приезд внучки Распутина Лоранс Ио-Соловьев стал настоящим чудом. После этого о музее заговорили не только журналисты, краеведы и просто любители истории, но и власть имущие. Сергей Собянин, бывший в то время губернатором Тюменской области, отметил интерес к музею, побывал в нем сам и привез полпреда президента в УрФО. Теперь, чтобы «соответствовать» сложившемуся «имиджу», Смирновы взяли кредит в областном Фонде поддержки предпринимательства и вот уже полгода занимаются строительством. В будущем году надеются открыть музей в новом доме, построенном по чертежам дома Распутиных.

Оптимизм — конечно, дело хорошее, но не прав тот, кто думает, что его можно вместо мяса в борщ положить. И Марина, и Владимир — оба работают. А музей — это что-то вроде дачи, куда летом они приезжают на выходные.

Но официальные делегации, просто любопытствующие все же едут, хотя нет ни рекламы в СМИ, ни указателя на Тобольском тракте. Адрес музея и телефон его владельцев передаются, как подпольная литература, — из рук в руки, от знакомых к знакомым.

«Образ жизни ведет трезвый...»

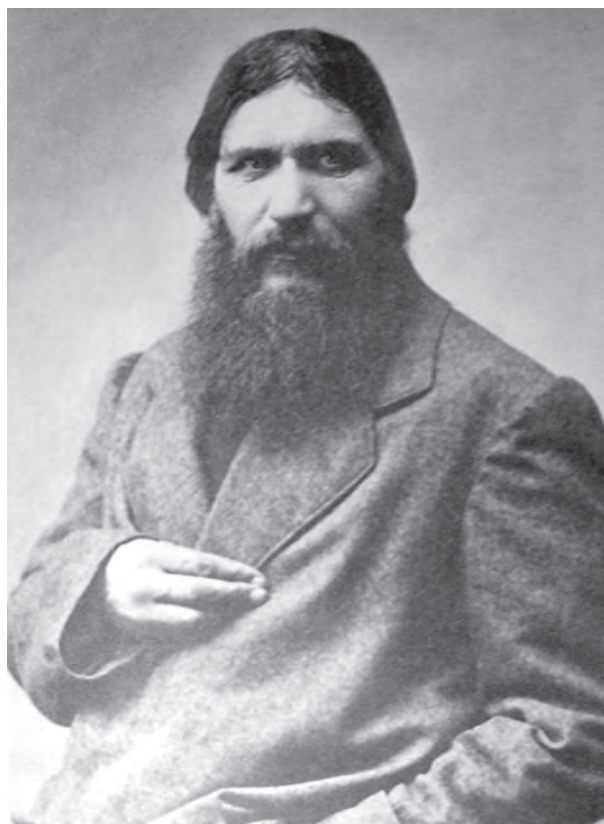
Супруги Смирновы за последние годы стали признанными распутиноведами. Академик Баханов, столличный ученый, опубликовавший уже несколько книг, посвященных «сибирскому старцу», в своих научных



Дом Распутиных

трудах делает ссылки на тюменских исследователей. Это приятно. Хотя... тот же господин Радзинский на письмо, в котором Смирновы сообщали ему новые данные о Распутине, ответить не счел нужным даже из вежливости.

Предмет особой гордости Смирновых — обнаруженная ими дата рождения Григория Ефимовича. К примеру, в советском Энциклопедическом словаре го-



дом рождения Распутина обозначен 1872, а скажем, на бутылке водки «Распутин», произведенной в Германии, — 1865. Даже Эдвард Радзинский в своей книге дату рождения указывает лишь приблизительно, опираясь на посемейные списки. Смирновы же, обойдя все архивы в округе, в Яркковском районном ЗАГСе обнаружили метрические книги Богородической церкви деревни Покровки, где рукой священника было написано: 9 января 1869 года у Анны и Ефима Распутиных родился сын Григорий.

— Мы послали письмо в Германию на завод-производитель водки «Распутин», — рассказывает Марина Юрьевна, — и попросили исправить дату. Нам пришел очень забавный ответ. Сначала шли «реверансы» в наш адрес, а потом было сказано, что дата на бутылке — из Большой советской энциклопедии. Я проверяла. Там действительно стоит 1865 год.

Кстати, «старцу» Григорию на момент смерти было 47 лет!

Советское распутиноведение, по мнению Марины Смирновой, вообще соткано из мифов. Например, миф о том, что Распутин, как утверждает Радзинский, был единственным ребенком в семье: «...как в семье Гитлера и Сталина, природа предостерегала от рождения младенцев». Однако, как установили Смирновы, у Григория Ефимовича была сестра — Феодосия Григорьевна, в замужестве Орлова. Более того, она была крестной матерью своих племянников. В музее есть фотография, где она снята рядом с братом.

Еще один миф: Распутин был пьяница, безбожник и распутник. Оттого, мол, и фамилия у него такая. Однако, вот что пишет унтер-офицер Прилин, бывший участковым в Покровке, в докладной своему начальнику



Распутин с сестрой

Калмыкову: «Распутин Григорий Ефимович, от роду имеет около сорока лет, крестьянин села Покровского, занимается хлебопашеством... Образ жизни ведет трезвый». Копия этого документа — в экспозиции музея.

«Безбожник» Гришка построил в Покровском школу и придел храма, за что получил благодарность от епархиальных властей. А деньги на строительство попросил у Николая II, убедив его в том, что в этом безбожном краю должна стоять церковь. Кстати, сегодня в Покровке нет даже молитвенного дома. Храм же разрушили в 1953 году.

И еще по поводу «безбожника». Впервые попав в Санкт-Петербург, Григорий Распутин идет не в кабаки и, прося прощения, не в публичный дом — неграмотный крестьянин из сибирской глубинки, отстояв службу в храме, пришел на аудиенцию к ректору духовной семинарии. Вместо обычных 10–15 минут отец Сергий, который, кстати, после революции возглавил Русскую православную церковь, проговорил с ним более двух часов.

Что касается фамилии. Все до банального просто: люди, жившие на распутье — на развилке или перекрестке дорог, получали прозвище «роспуты». Предком Григория Ефимовича, а это Смирновы выяснили совершенно точно, составив родословное древо семьи Распутиных, был некто Насон по прозвищу Роспуга.

Кстати, когда в 1979 году в Покровку привезли фильм «Агония» с Петренко в главной роли, старожилы в возмущении покидали клуб. Они-то хорошо помнили своего земляка и не могли смириться с тем образом, какой был создан сначала в романе Валентина Пикуля, а затем на экране.



Двойник Распутина на венском стуле

И давайте будем откровенны: если вы считаете себя глубоко верующим, порядочным человеком, любящим своих детей, а именно такими были и Николай II, и императрица Александра Федоровна, станете ли вы общаться с человеком сомнительной репутации? И, более того, позволите ли ему приблизиться к своим детям, в первую очередь, к девочкам?

«Вы побываете на моей родине...»

И все-таки мистики, с позволения сказать, в «деле» Распутина предостаточно. Ну, например, его явные экстрасенсорные способности, которые признавали даже придворные врачи, лечившие наследника Алексея — их можно было бы обвинить в предвзятости, с какой они относились к Распутину, но трудно уличить в сговоре с «шарлатаном».

Или пророчества «старца». В октябре 1916 года за три месяца до своей кончины он скажет: «Еще до конца этого года я умру...». И умрет — в ночь на 17 декабря 1916 года.

А еще он напишет Николаю II: «Смерть моя будет мучительной, впрочем, как и ваша». И еще: «Если меня убьют люди моего круга, тебе не стоит опасаться за монархию, если же меня убьют люди твоего круга — монархия падет».

После его смерти монархия продержалась три месяца...

Слишком много совпадений.

«Вы побываете на моей родине, но уже без меня», — сказал Распутин императрице. По дороге из Тобольска в Екатеринбург семью Романовых везли через Покровку. Возница остановил лошадей на перепряжку прямо у дома «незабвенного Григория».

Всептичий слет

— Гос-с-спода! Господа пернатые, минутку внимания!

Несмотря на все старания Глухаря навести порядок, на поляне царил сущий хаос. Птицы так увлеклись обсуждением темы слета, что сами не заметили, как перешли на припоминание личных обид и претензий, и в царившем вокруг галдеже Глухарь сам себя едва слышал. Наконец, тяжело вздохнув и удрученно покачав головой, он ткнул крылом Филина, невозмутимо дремавшего на бревне рядом с ним.

— Угу! — встrepенулcя Филин.

Его раскатистый гул разом перекрыл весь птичий гам, и шум на поляне быстро стих. Птицы, вспомнив о достоинстве, чинно расселись по своим местам, и Глухарь снова взял слово:

— Господа! И так, это правда: с весною к нам прилетел птичий грипп. Подобное происходило прежде и еще будет происходить не раз, но нынче опасна не сама болезнь, а реакция на нее Человека... — Глухарь сделал паузу, как бы давая всем прочувствовать весь трагизм ситуации, — и, как вы уже могли убедиться, единственным разумным решением будет переселиться подальше от Человека. Но решение это должно быть единоголосным! Больше тянуть нельзя, всем нам пора уже вить гнезда. Предлагаю проголосовать.

На одну из верхних веток, нависавших над большой поляной,

вспорхнула Сорока. Деловито повертела головой и радостно застрекотала:

— Скандал! Скандал! Глухарь обманом проталкивает всептичьи законы! Нет кворума! Нет кворума! Кошмар! Произвол!

Над поляной буквально поплыл общий стон:

— Кто пустил на слет прессу?!

Один лишь Глухарь остался невозмутим:

— Спокойнее, господа пернатые, спокойнее! Сорока есть неотъемлемая часть пернатого сообщества нашего леса. И ее мнение также необходимо уважать. Коллега, — обратился он уже к Филину, — у нас все птицы в наличии? Коллега!!

— Угу! — Откликнулся Филин, опять просыпаясь.

— Вот видите. Потому прошу голосовать.

— Отсутствуют Воробей и Курица. Отсутствуют Воробей и Курица. Игнорируется мнение представителей самых многочисленных семейств округа. Скандал. Скандал, — телеграфом застрекотала сверху Сорока.

— Ну, Курица не птица, — пренебрежительно отмахнулась Кукушка.

— Курица не есть свободная лесная птица, — важно уточнил Глухарь. — А у Воробья, к сожалению, так мало мозгов, что он, очевидно, просто забыл о нашем слете...

— ПОЛУНДРА!!!

С этим оглушительным воплем поляну зигзагом перелетел коричневый комочек перьев. Достигнув кустов, не останавливаясь, метнулся обратно, сделал вертикальную петлю, вошел в пике и буквально вот-

кнулся в пепелище костра в центре поляны.

— Ух, ё... мать моя Природа! Опять палубу не расчистили! — С этими словами из оседающего облачка пепла выбрался опоздавший пернатый. Полураскрыв крылья для равновесия, допрыгал до зеленой травки. Взъерошился, отряхиваясь от пепельной пыли, доложил: Я прибыл! — И... рухнул, уткнувшись клювом в землю.

Над поляной воцарилась такая тишина, что стал слышен даже топот бегающих по своим делам муравьев. А затем оглушительно прозвучал изумленный шепот какой-то пичуги:

— Да он пьян!..

— Чушь кошачья! — Заворчал, просыпаясь, Воробей. — Я не пьян. Не пьян я, и все тут. Просто чуть-чуть не трезв. Но не пьян!

— Скандал! Скандал! Воробей на всептичий слет явился пьяным в пух и перья! Позор! Позор! — Первой опомнившись, радостно затараторила Сорока.

За ней загалдела вся поляна.

— Какое нахальство! Ни стыда, ни совести.

— Позорит все птичье племя! Бесстыдник. Как такого вообще воздух на крыле держит?

— Безобразие. Вы только посмотрите: ни одной переспелой ягоды еще в природе не существует, а он уже где-то их тайком нажрался. Эгоист!

— Да помойщик он! Опять на помойке какой-то забродившей тухлятины наклевался!

Такого Воробей вынести не смог. Он резко вскочил на лапки



Богдан Артемьев родился в 1978 году в г. Магдебург. В 1998 году окончил колледж по специальности бухгалтер. С 1997 пишет и публикует короткие рассказы житейской и фантастической тематики.

и яростно зачирикал, сверкая мутными глазками и подпрыгивая на месте:

— Клевета! Я не помойщик! Я вообще никогда просроченные продукты не потребляю! Я всегда пью только самое свежее пиво!

Все присутствующие так и замерли, изумленно разинув клювики. И только Синичка, сидевшая на одной из низших веток молодого клена, ошеломленно переспросила:

— Пи-пи-пиво?

Воробей резко развернулся в ее сторону. Расплылся в улыбке. Смирил глазом расстояние и на удивление резво вспорхнул к ней. Приобнял крылом и чувственно зашептал на всю поляну:

— Да, цыпочка моя, пиво. Ты знаешь, что такое пиво? О, пиво — это как соловьиная песня! Его ж люди делают из самого-самого спелого ячменя и самой-самой чистой родниковой воды. Оно окрыляет так, что паришь выше облаков. Полетели со мной, моя голубка, и я научу тебя пить пиво...

Бедная Синичка, прижатая к стволу клена, едва не потеряла сознание от изливавшегося на нее перегара и за глоток свежего воздуха уже была готова согласиться на все. Но тут, на ее счастье, в ситуацию вмешался Глухарь.

— Довольно! — Грозно оборвал он пьяный лепет Воробья. — Мы здесь не для того собрались, чтобы выслушивать, как ты напиваешься!

— А напра-а-асно, — самодовольно протянул Воробей и, чтобы видеть собеседника, отпустил уже совсем позеленевшую Синичку, перебравшись чуть дальше по ветке.

— Это же целое искусство — пить пиво. Тут мало найти в парке компанию людей. Нужно запастись кусочком хлебушка, дожидаться, пока они уйдут, а затем необходимо еще правильно уронить нужную бутылку. Зато потом засунешь клювик в горлышко, глубоко вдохнешь разок, быстро закусишь крошкой хлеба — и сразу чувствуешь себя Человеком! Нырнешь так клювиком еще пару раз — и голос прорезается красивше соловьиного! Главное тут — не забывать закусывать, а то после пятого клева мимо начинают летать

зеленые кошки... Но ничего! Проверено на себе: чтоб кошек совсем не бояться, нужно еще раз пять туда клювиком нырнуть... Раз клюк, два клюк — и всем котам каюк...

Так под собственное бормотание и незаметно для себя самого Воробей задремал. А Глухарь обреченно вздохнул:

— Все ясно: наклюкалась птичка по самые глазки. Ладно. Эй, Филин, теперь-то кворум в порядке? Филин!!

— Угу!

— Ну вот. Господа пернатые, прощу голосовать «За»!

— Голосовать? — встrepенулся Воробей. — Голосовать я люблю. А за что голосуем?

Глухарь уже раскрыл было клюв для грубости, но, покосившись на заинтересованно глядящую с верхней ветки Сороку, ответил вполне вежливо:

— Сегодня мы голосуем за переселение всех пернатых подальше от Человека.

От этой новости Воробей чуть с ветки не свалился.

— Что?!? Да ты че, с дуба рухнул?! Думай, что клювом щелкаешь! Тьфу, аж сразу протрезвел из-за тебя. С какого перепуга такая бредятина вообще тебе в голову влетела? Сиамская кошка во сне привиделась что ли?

Глухарь аж раздраженно заклекотал от такой наглости. Но едва Сорока начала оглашать очередную сенсацию про сошедшего с ума председателя всептичьего слета, взял себя в крылья и, через силу успокоившись, продолжил:

— Все дело в птичьем гриппе. Нам срочно необходимо поменять ареал обитания.

Бедный Воробей чуть не окосел, пытаясь понять Глухаря.

— Как это? Вы хотите излечиться от гриппа бегством?! Типа спортивного забега целыми стаями?

— В самом деле, почему мы все должны бежать? — Подал голос городской Голубь, — Это перелетные птицы принесли болезнь, вот пусть они и убираются подальше.

— Эй, полегче на виражах! Мы все тут перелетные в той или иной степени, — возмутился Жаворонок.

— Болезнь разносят прилетевшие из Азии, — важно покачал крылом особо грамотный Ворон, — вот давайте и попросим их удалиться. Этих особо южных курортников, следующих через нашу область транзитом.

— Эй, неправильно! — Возмутился теперь уже Грач. — Я не южный, я весь местный! У меня даже регистрация в Красной книге есть!

— Слушай, ты че, журавль? Или там, аист? — Поморщился Воробей. — Ясным же птичьим языком было сказано: особо южные курортники. Транзитники.

— Я — Грач! Я живу здесь! Я не позволю себя прогнать!

— Не, ну ты полный индюк. Сказано же, тебя это не касается.

— Я не индюк, я — Грач! Посмотри на мой клюв!

— Во, дятел... Заткнись, а? Пока этот самый клюв тебе не набили.

— Я не дятел, я — Грач! Я всегда сюда прилетаю, понимаешь?

— Во-во, поналетели тут всякие «понимаешь». Уже червячка спокойно склевать негде, из-за каждой ветки по клюву торчит, — пробормотал, нахохлившись, городской Голубь.

— Скандал! — Обрадовалась Сорока. — Скандал! Городские птицы устраивают перелетным межвидовые зачистки! Безобразие!

Птицы на поляне недовольно зашумели. А Воробей нехорошо так покосился вверх, на главную лесную скандалистку:

— Видимо, кому-то сегодня я все-таки клюв заткну.

— Свежая новость! Свежая новость! На всептичьем слете назревает массовое клювоприкладство! Причины пока неизвестны, но число возможных жертв уже не поддается расчету!

— А причина, — уважаемый представитель прессы, жутко больная заразными болезнями, — скромно уведомил Воробей.

— Сенсация! Сенсация! — Восторженно зашлась Сорока, — Чудовищные болезни у представителя прессы на всептичьем слете! У нее пуховые блохи, лишай хвоста, выпадение перьев и... Что?!?! Брехня!! Клевета!! Я вся здоровая!!!

Под дружное хихиканье птиц Воробей, посмотрев на Глухаря, с некоторым присвистом, проговорил:

— Слушай, ты, павлин недоделанный. С чего ты решил, что от Человека убежать надо?

За онемевшего от такой наглости Глухаря ответила Утка. Забавно переваливаясь на коротких лапках, она вышла из-под куста, почти в центр поляны, важно надулась и трагическим голосом прокричала:

— Из-за этого гриппа Человек нас отстреливает!

— Жрать меньше надо, — процедил Воробей, смерив Утку презрительным взглядом, — в такую тушку любой ребенок из рогатки не промахнется.

Утка, казалось, раздулась еще больше:

— Он отстреливает нас больше обычного!!

— Па-а-адумаешь! Браконьеры расплодились, вот и все.

Утка от возмущения так и застыла с раскрытым клювом. Но тут очнулся Глухарь и уже с достоинством возразил Воробью:

— Дело вовсе не в индивидуальных параметрах каждой птицы. Человек боится болезни, что гуляет среди нас, пернатых. И этот его страх с каждым днем становится все больше и больше. Пока он отстреливает только отдельных птиц, но скоро он совсем озлобится и будет убивать всех, кого увидит. Всех! Будет выслеживать и истреблять взрослых и молодняк, разорять гнезда, уничтожать нашу кормовую базу...

— СПЛЮНЬ, НАКАРКАЕШЬ!! — дружно завопили перелетные птицы.

Воробей же только презрительно фыркнул:

— Чуть кошачья! Ты вот скажи: убитых птиц Человек забирал или оставлял?

— Забирал, — недоуменно крикнула Утка. Ее слова кивками подтвердили и другие пернатые.

— Я же говорю: браконьеры. Человек — тварь хищная, ему тоже иногда жрать хочется. И чихать он хотел на ваш грипп. Он никогда его сам не боялся. Он боялся только за своих курочек.

Поляну опять было захлестнул гомон вопросов, но Воробей уверенно помахал крыльями:

— Спокойствие, пернатые мои, только спокойствие! Щас все объясню. Мне тут на днях ваш стукач рассказал последние новости...

Какие именно — Воробей доложить не успел. Откуда-то из глубины леса пестрой стрелой вылетела жена Дятла и накинулась на него, ругаясь на чем свет стоит:

— Скотина в перьях! Так вот за чем ты в город зачистил — напиваться с этим алкашом! Долбоносик несчастный! Я т-те покажу, стукач хохлатый, как меня обманывать! Из рожи больше ни на взмах крыла без моего ведома!

— Это неправда, я действительно за орехами на свалку летал! — оправдывался бедный Дятел. — И не пил я с Воробьем. Честное слово, почти ни разу не пил!

— Предатель, — Воробей кинул презрительный взгляд на съездившегося перед супругой Дятла и отвернулся. — Но я говорил не о нем, а о другом стукаче. О Попугае. Мда-а, Попугай... Клянусь хвостом, я в полном восторге! Это было гениально — засадить шпиона прямо в гнездо Человека. Человек его кормит, поит, холит, лелеет и вдобавок сам ему все о себе рассказывает. А еще даже умиляется, когда Попугай подлетает к телевизору послушать новости. Хе-хе. И ничуть не подозревает, что потом Попугай все рассказывает нам. Так смешно, ей Богу...

— Ну так что, что это была за новость, — взволнованно поторопила Куропатка, подбегая к Воробью поближе.

Воробей с ветки вниз непонимающе покосился на нее одним глазом:

— Новость? Ах, да. Человек научился лечить птичий грипп! И всех своих кур от этой болезни уже привил. И на всех нас ему теперь совершенно наплевать. Вот.

Все птицы начали взволнованно и радостно переговариваться. А Глухарь, видя такое оживление, торопливо ткнул в бок дремавшего Филина.

— Угу!!

— Господа пернатые, прошу не отвлекаться! Эта новость еще не

проверена. Да и не важна по сути. Человек приносит только зло. Нам жизненно необходимо от него отселяться!

Воробей так и подпрыгнул на месте:

— Человек — зло? Задери тебя кот! У тебя мозги совсем куриные что ли?! Или в лесной глуши жил так долго, что совсем от жизни отстал? Человек — это царь природы!

— Нет, нет и нет! — Глухарь возбужденно раскинул крылья и обратился сразу ко всему собранию. — Человек вырубает леса, он загаживает поля и портит воду. Я слышал, что из-за него даже климат планеты меняется! Человек несет нам всем только беду и смерть!

Птицы на поляне испуганно притихли. И только Воробей, покачиваясь на ветке, нахально подпер крыльями бока и с ехидством проговорил:

— Ха!.. Ха, ха и еще сто раз ха! Человек только слегка обустроивает свое гнездо. Как делаем и все мы. И несет он нам не зло, а только добро — тем, кто с ним рядом. Эй! Никто не задумывался, почему это ни одна ворона и ни один голубь ни разу не заболели птичьим гриппом?

— Я закаляюсь, — гордо заявил городской Голубь, — каждое утро купаюсь в холодной луже, потому и не болею.

— Ты забыл уточнить: в бензиновой луже, — усмехнулся Воробей, — а потом еще завтракаешь человечими объедками с мусорки, оттого вон и иммунитет у тебя по всему зобу всеми цветами радуги переливается.

Голубь хотел было возразить, но заметил, как заинтересованно на него уставилась серая лесная Голубка. Потому говорить ничего не стал, а надул грудку и кокетливо заворковал.

Воробей же повернулся к Вороне.

— А вот ты, может, расскажешь, отчего, несмотря на гуляющий по округе птичий грипп, твоя стая так сильно расплодилась?

— У нас наследственность хорошая!

— Это кормовая база у вас хорошая! Городские свалки за три года



увеличились вдвое. А человечья пища есть лучшая защита от всех болезней.

— Хватит! — Заорал Глухарь, видя, как многие пернатые начинают согласно кивать Воробью.

— На всех птиц мусорных свалок не хватит! Даже если Человек вырубит все леса и превратит их в свалки, жить на них мы все не сможем! Мы не только вороны и голуби, мы все разные!

— Ну, зачем же всем сразу лететь на свалки? — Пожал плечами Воробей. — Вон, Синица к людям прилетает только зимой, подкормиться в тяжелое время года. Или вот ты, Грач. Скажи, ты откажешься от посещения человеческих огородов?

— М-м-м, свежая рассада, просроченные семена кабачка и тыквы, а потом еще сладкая клубника... — мечтательно прикрыл глаза Грач. За компанию с ним предвкушающе пощелкали клювами и другие птицы.

— А я что говорю... Совсем не обязательно отказываться от прежней жизни, нужно просто иногда быть поближе к Человеку. Вот ты, Филин, мышей любишь? Слышишь, Филин? Филин!!

— Угу! — Распахнул глазищи Филин.

— Мышей любишь?

— Угу!

— Но в лесу их выслеживать долго и трудно?

— Угу!

— А вот возле людских гнезд этих мышей бегают больше, чем у тебя перьев!

— Ого!

Глухарь в отчаянии встопорчил перья, замотал головой и затоптался на месте:

— Нет! Нет-нет-нет! Мы не можем жить за счет Человека! Это неправильно!!

— Почему не можем? Человек специально сажит зерно, выращивает фрукты и овощи. А собирает и хранит их плохо, так что всем хватит. Грех от такой халявы отказываться.

— За воровство его еды он будет на нас еще больше охотиться!!

— Ну, так это уже закон природы: мы объедаем его, он съедает нас. Все равно всех не съест. Кстати, о еде. Вы в курсе: на местном элеваторе утром была небольшая авария? Там теперь тонны четыре подпорченного зерна у ворот вывалили. Чистая халява!

— Зерно? Халява? — Торопливо переспросила Сорока. — Извините, улетаю. Это важная новость, ее нужно проверить лично. В смысле, это... нужно срочно передать ее другим информационным агентствам. Пока!

Прочие птицы оказались не глупее Сороки, и поляна быстро начала пустеть.

— Остановитесь! Вернитесь! Нам нужно проголосовать! — Отчаянно зывал Глухарь покидающим поляну птицам. — Филин, угукни им!

Но даже вечно дремавший Филин уже летел прочь, угукая неприличное: «Мышки! Мышки!».

— Человек — царь природы, ее хозяин и повелитель, ее высшая власть. А если хочешь жить хорошо, к властям надо жить поближе, — важно заявил Глухарю довольный Воробей. И тоже упорхнул.

Понурый Глухарь еще долго сидел на бревне посреди поляны в полном одиночестве. Наконец, подняв голову, медленно обвел взглядом старое костровище, вытопанную траву и поломанные ветки некоторых кустов, остатки срубленной для костра березки, разбросанный повсюду разнообразный мусор, следы шин и пятна масла.

— А ближе к Человеку уже некуда, Воробей. Ближе некуда...

Александр ВАРСКИЙ
г. Алматы, Республика Казахстан

В мерцании светил

После дождя воздух стал удивительным. Витька сидел на крыльце двухэтажного, довоенной постройки дома, и дышал, дышал, смакуя вкусный пряный аромат мокрых осенних листьев. Пекарня на соседней улочке, главная достопримечательность микрорайона, добавляла в вечер сдобную нотку, отчего запах казался осязаемым, словно в руках мальчика была ещё теплая булочка. Рядом, ступенькой ниже, старый лохматый пёс с нескрываемым удовольствием водил носом, иногда тычась в ноги хозяину, будто желая поделиться нахлынувшими чувствами. Лицо мальчика было обращено к призрачной луне, обогнавшей пока не наступившую ночь.

Некоторое время человек и собака провели в молчании, в том дружеском молчании, когда не нужно говорить, чтобы быть услышанным и понятым.

– Знаешь, Жук, – не меняя позы, заговорил Витька, – мне снова снится космос.

Пёс поглядел на хозяина, чуть вильнул хвостом.

– Ты понимаешь, что такое космос? – спросил мальчик.

Жук поднялся и лизнул человека в ладонь. Витька улыбнулся, потрепал пса за ухом.

– Не знаю, как тебе объяснить. Если б ты был человеком, ты бы понял. Космос – это настолько большая штука, что и сравнения не найти. Куда больше, чем ты можешь представить. Ну, может быть, если считать, что наш город – это космос, то дырку в туалете у нас во дворе, можно считать за чёрную дыру. Что туда упадёт, назад уже не вернётся.

– Необъятный он... – Витька опять замолчал. Долго смотрел, как медленно, словно нехотя, темнеет небосвод, а ущербный бледный шарик луны понемногу набирает силы, наливаясь светом. Жук вновь улёгся, положил морду на лапы и прикрыл глаза.

Мальчик глубоко вдохнул и задержал на мгновение воздух. Поднялся. Верный пёс мгновенно вскочил и резво замахал хвостом, готовый отправиться с хозяином куда угодно.

– Пора, Жук. Мама, наверное, уже проснулась.

Витька открыл дверь и придержал, пока пёс не проскользнул внутрь. Зашёл сам. В нос ударил неприятный, но уже давно привычный запах недуга и лекарств. Такой запах бывает в больницах – тяжелый, вязкий, и в груди от него обычно поселяется тревога.

Мальчик скинул ботинки. Не зажигая в прихожей свет, он и пёс тихо прокрались в гостиную. Там Витька включил ночник. Жук забрался в своё любимое кресло, обращённое к входной двери, свернулся калачиком.

Мальчик заглянул в спальню. В сумеречном свете нельзя было разглядеть, спит ли мама, или проснулась, или... Он что-то почувствовал, на мгновение стало холодно в груди. Витька бросился к кровати, остановился.

– Мама, – с трудом одолев противную сухость во рту, позвал он.

Под толстым одеялом наметилось едва уловимое движение. И мальчик шумно выдохнул.

– Витенька? – Голос матери был слаб.

– Да, мама. Я... Извини, что разбудил. Просто...

– Ничего, сынок. Я и так уже заспалась. Включи свет.

Витька послушался. Повоевав с упрямым выключателем, мальчик добился того, чтобы лампочка под потолком разогнала темноту по углам.

– Как дела? – Мать попыталась улыбнуться, на секунду восковое лицо стало похожим на прежнее, до болезни, только глубоко запавшие глаза оставались тусклыми, а залёгшие под ними тёмные круги усиливали безнадежность, застывшую в глубине зрачков.

– Хорошо. Мы с Жуком погуляли. Я рассказывал ему про космос... – Мальчик улыбнулся в ответ и нежно пожал бессильные холодные пальцы.

– Молодцы. Я сейчас встану и что-нибудь приготовлю. – Женщина с трудом приподнялась на постели.

– Не надо, мам. Я сам. Ты пока полежи. Я быстро.

Витька выскочил из спальни и поспешил на кухню, по пути украдкой утерев слезу. Верный пёс побежал за ним.



Александр Варский родился в 1975 году. Окончил Алматинский технологический институт, инженер-экономист. Служил в вооруженных силах Республики Казахстан. Сменил множество профессий. Серьезно писать начал с 1997 года. На данный момент имеет более двух десятков публикаций в журналах, газетах, сборниках в Казахстане, России, США, Канаде.

Через час мать увезла «скорая». Доктор говорил, что всё будет хорошо, и через пару дней она вернётся домой. Но Витька не поверил.

Мама время от времени ложилась в больницу. И мальчик привык к этому. Он даже радовался, когда это происходило. Потому что после, ей на время становилось легче. Но сегодня тревога не отпускала. Хотелось забиться в какое-нибудь тёмное место и плакать.

Но Витька понимал, что именно сейчас расслабляться нельзя.

Накормив Жука макаронами по-флотски, он оделся потеплее, взял с собой книжку и отправился в больницу.

Добрался быстро. В регистратуре без труда узнал номер палаты. Повезло, что больных было мало, мать лежала в четырехместной палате одна. И Витьке разрешили побыть с ней. Толстая медсестра с жалостливыми глазами принесла белый халат и набросила на плечи мальчишке. Проводила до дверей палаты.

– Всё будет хорошо, – сказала она напоследок, – Доктор сделал ей укол. Лекарство помогло, и сейчас она спит. Ты тоже ложись на любую койку и поспи.

В полутёмном помещении было неуютно и было что-то ещё. Мальчик не мог сказать что. Но оно как будто бы давило, прижимало к земле, словно на плечах лежал тяжёлый груз.

Большое окно прикрывали лёгкие белые занавески. Первым делом Витька открыл их, освобождая путь в коробку комнаты звёздному небу. Мама любила звезды. Наверное, поэтому и Витька обожал смотреть вверх, в бескрайний океан над головой.

Мама часто рассказывала ему о космосе, о звёздах, о движении планет. Витька с самого малого возраста любил засыпать под эти рассказы, и во сне он тоже видел космос.

– Когда ты родился, упала звезда. И я загадала, чтобы ты был счастлив. Но, видимо, звёздам нельзя верить. Вот бы ещё раз увидеть падающую звезду, – однажды сказала мама, – Я бы снова загадала желание, чтобы на этот раз оно сбылось.

Витька ни разу в жизни не видел падающих звезд. Сколько ни смотрел.

Мама спала.

Дыхание её было слабым. Размерено попискивал монитор сердечного ритма. Витька сел на койку и стал ждать восхода. Время шло медленно. Мальчик тихонько прилёг, опустив голову на белую холодную подушку. Стал думать о маме, о Жуке, постоянном его спутнике, о падающих звездах. Постепенно веки его потяжелели. И Витька уснул.

Проснулся мальчик от тревожного и непоправимого предчувствия, словно бы что-то сейчас у него



забрали. Он сел на койке и оглядел палату. Кровати были заправлены, и та, на которой лежала мама, тоже опустела, матрас был аккуратно свернут в изголовье.

Ничего ещё не понимая, Витька выскочил в синий и безжизненный коридор больницы и побежал к выходу, к регистратуре. Он решил, что только там могли знать, что случилось, и куда делась его мама.

Но окошечко регистратуры оказалось закрыто старым фанерным щитком. Сколько он ни кричал, никто не вышел на его зов.

И тогда Витька внезапно понял, что мама пошла на крышу, смотреть на падающие звезды. Больше ей некуда было пойти.

Он сам не заметил, как промахнул три этажа. Мальчик никогда раньше не бывал в этом здании, но почему-то точно знал дорогу.

Пыльный и тёмный чердак был похож на чёрную дыру в созвездии Пса, враждебный и чужой. Но мальчик решительно бросился в его мрачное чрево, ведь за этой преградой была его мама. Где-то на ощупь, где-то наобум, он шёл в темноте, выставив перед собой руки, словно слепец. Темнота вознаградила его за смелость и упорство – Витька нашёл лестницу. Он поднялся по старым, жалобно скрипящим ступеням и вышел к звёздам.

Прямо над головой его висел огромный, заполнивший всё небо, мерцающий Млечный Путь. В ту же секунду Витька почувствовал, что кроме него на крыше никого нет.

Никого. Только звёзды и он. Тысяча небесных глаз смотрели на мальчика. Они были так близко, как никогда раньше. И это величественное зрелище совсем не обрадовало Витьку. Наоборот. Он вдруг услышал невыносимую тишину Вселенной. И всё одиночество космоса обрушилось на мальчика, стоявшего на крыше.

Витька не знал, что делать дальше. Не знал, куда бежать. Куда спрятаться от колючего света пытливых звезд. Он хотел закричать, вопль, уже родившись в горле, так и не вырвался наружу. И тут кто-то сказал:

– Привет, Витька.

Мальчик обернулся на голос. В двух шагах от него стояла маленькая белокурая девочка в ситцевом платье. До этой встречи он никогда её не видел, но почему-то она казалась ему знакомой.

– Ты хочешь посмотреть на падающую звезду? – спросила девочка.

– С чего ты взяла? – спросил в ответ Витька.

– Я вообще о тебе многое знаю, – улыбнулась девочка, – если честно, я знаю о тебе всё. У тебя есть собака, её зовут Жук, вы с мамой живёте вдвоем, рядом с пекарней, и во сне ты часто видишь космос.

Витька изумленно молчал.

– Уснул? – хитро сощурившись, спросила пришелица.

– Если ты так много знаешь, – сказал Витька, – скажи мне, где искать маму?

Лицо девочки стало серьезным. Она как-то странно посмотрела на Витьку и сказала:

– Всё зависит от тебя. Протяни руку! – И шагнула навстречу.

Мальчишка послушно протянул ладонь и удивленно уставился на скомканный бумажный шарик и зажигалку, оказавшиеся в его руке.

– Зачем это? – не отрывая взгляда от предметов на ладони, спросил мальчик.

– Ты сам знаешь. А мне уже пора.

– Подожди! Откуда я тебя знаю? Кто ты? – Витька во все глаза смотрел на ночную гостью. Она пожала плечами и указала пальчиком куда-то вдаль, мальчишка обернулся.

– Когда на земле кто-то очень сильно чего-то хочет, мы падаем. Твоя мама хотела, чтобы ты был счастлив, донесся её ответ до мальчишки, но уже издалека. Последнее, что он услышал:

– Будь счастлив!

Старый лохматый пёс, по кличке Жук, единственный друг Витьки, с надеждой внюхивался в промозглый ночной воздух, вливающийся в распахнутую форточку. Он остался сегодня совсем один. Сначала люди в белых халатах увезли мать его хозяина, а затем и сам Витька куда-то исчез, оставив его одного. Псу было грустно, он тосковал, изредка поскуливая, а когда ночь полностью вступила в свои права, и невероятное количество звезд усыпало небосклон, Жук поднял вверх квадратную морду и горестно взвыл, будто жалуясь кому-то там, в вышине, на свою тяжёлую собачью долю. И Млечный Путь, словно отзываясь на горький собачий зов, вдруг стал горстями осыпать спящую землю летучими и лёгкими звёздами...

Витька, повинувшись какому-то наитию, чиркнул зажигалкой, и маленький комочек бумаги в его руке превратился в сияющую звездочку. Мальчик размахнулся и со всей силы бросил его вверх. Прочертив яркую дугу в ночной тьме, огненный шарик полетел к земле.

Мальчик замер, ожидая чего-то. Секунды текли, но всё оставалось неизменным. Огромный космос молчал...

Витя проснулся. Мама в больничной рубашке недвижно стояла у окна. Он вскочил.

Мама повернулась и сказала:

– Иди сюда скорее, Витя. Смотри – звездопад!

Мальчик обнял маму, радуясь вместе с ней впервые за долгие годы тяжелой болезни. За окном в ночном небе происходило что-то невероятное. Космический салют. Словно сойдя с ума, звезды вальсировали, кружились, будто снежинки, слетали на землю. И в этой сияющей круговерти Витька на мгновение увидел, как несколько звезд вдруг четко обозначили силуэт собаки, взлетающий всё выше и выше.

И Витька закричал:

– Мама, смотри, Жук летит!..

Владимир ПУРОНЕН

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Марки-загадки

— А вот и последнее пополнение моей коллекции!

С этими словами Олег Павлович высыпал из конверта на стол, вернее, на лист черной бумаги, лежавший на столе, несколько марок. Самую большую из них, темно-синего цвета, он ловко подцепил пинцетом и положил передо мной.

— Скажите, пожалуйста, в честь какого события выпущен этот знак почтовой оплаты?

Судя по исполнению, предложенная моему вниманию марка наверняка увидела свет где-то в конце 20-х — начале 30-х годов в нашей стране, хотя размеры у нее были вполне современные. Иначе говоря, если ее наклеить на стандартный конверт, то места для адреса осталось бы совсем немного. На марке был изображен рабочий, спасавшийся бегством от каких-то гномов, преследующих его с явно враждебными намерениями. Несколько этих пигмеев опередили бегущего и готовы были бросить ему под ноги бревно. Убегающий держал в руках тяжелую, вероятно, отлитую из чугуна цифру «4». В левом верхнем углу марки ясно виднелась цифра «5». В центре можно было видеть домны, элеваторы и неправдоподобно маленький, «карманный» дирижабль.

Поперек одной домны тускло просвечивали буквы, образующие слово «года». Что бы это могло значить?

Тридцатые годы... Если верить книгам и кинофильмам той поры — романтическое время! Стройки Днепрогэса и Турксиба, освоение Кузбасса и Магнитки, первые по-



леты в стратосферу, первые герои СССР, первые пятилетки... Пятилетки? Ну да, конечно — пятилетки! «Пятилетку — в четыре года!» — один из самых популярных лозунгов тех лет. Вот и разгадка надписи на марке. Вернее, не надписи, а своеобразного ребуса, каким являлся рисунок на этом знаке почтовой оплаты.

О своем открытии я поспешил сообщить собеседнику, на что тот только иронически хмыкнул. Когда же я с уверенностью повторил свой вывод и обосновал его всем ходом своих рассуждений, Олег Павлович хмыкнул еще раз и предложил мне заглянуть в каталог почтовых марок СССР. «Свою» марку я нашел без труда. Выпущена она была в сентябре 1930 года для нужд авиапочты в честь прилета в Москву германского дирижабля «ЛЦ-127. Граф Цеппелин».

Я с недоверием еще раз поглядел на марку. М-да... Как же так? Ведь по рисунку марки ни за что не догадаться, в честь чего она выпущена. И почему «авиапочта»? Ведь по верхнему краю марки идет довольно крупная надпись: «Почта СССР». «Почта», без «авиа»!

— Не огорчайтесь, — с этими словами Олег Павлович отложил марку в сторону. Рисунок этого знака почтовой оплаты приводит в недоумение уже не одно поколение коллекционеров. Более того, еще в 1930 году, сразу после выхода марки в обращение, она единодушно была признана отечественными филателистами самой худшей из всех выпущенных до того советских марок. Насколько мне известно, это малочетное звание сохранилось за маркой и до сего дня. А на света она появилась следующим образом.



Узнав о предстоящем прилете в столицу нашей страны немецкого дирижабля, один из ответственных работников Народного Комиссариата Почт и Телеграфов или, как в то время принято было сокращать, Наркомпочтеля предложил выпустить по такому поводу новый знак почтовой оплаты для франкировки международной корреспонденции, которую предполагалось отправить из Москвы на борту упомянутого Цепелина.

Однако человек, которому поручили изготовить эскиз марки, отнесся к поручению крайне безответственно. За основу он взял первый попавшийся под руку плакат — «Даешь пятилетку в четыре года!», автором которого был художник В.Костяницын. Между прочим, и плакат-то был далеко не лучший в своем роде. Нимало не заботясь о каких-то там темах и масштабе, исполнитель нанес поперек плаката схематичное изображение дирижабля. А поверх плаката вывел надпись: «Почта СССР», когда надо было — «Авиапочта»! Внизу указал номиналы: 40 и 80 коп. — выпуск планировался из двух марок разного цвета — синего и красного. Таким нехитрым способом эскиз заказанного знака почтовой оплаты был изготовлен быстро. Правда, никакими другими достоинствами рисунок марки похвастать не может. Скорее наоборот.

К счастью, закончил свой рассказ Олег Павлович, подобный случай в нашей стране более не повторялся. Выпущенные небольшим тиражом эти марки давно уже стали сравнительно редкими. В наши дни филателисты охотно помещают их в свои коллекции, хотя

сегодня мало кто знает историю создания марки-головолмки.

— А что вы скажете об этой миниатюре?

На стол передо мной легла сильно поблекшая марка вертикального формата. В центре — изображение какого-то памятника. Вверху надпись: «Почта СССР» на русском и каком-то иностранном языке «Posto USSR». Вероятно, на итальянском. Под надписью — две сине-зеленые пятиконечные звездочки. Текст в нижней части марки забивал жирный, «на совесть» поставленный, штампель. Сквозь краску с трудом просматривалась дата — 1926. Наверное, год выпуска марки.

Когда я доложил о своих наблюдениях Олегу Павловичу, он посоветовал мне исследовать рисунок марки более тщательно, но ничего нового мне обнаружить не удалось. Марка как марка... Тем более неожиданными для меня оказались слова Олега Павловича.

— Никаких надписей на иностранном языке на марке нет. Вы удивлены? Напрасно. То, что Вы приняли за итальянский, — на самом деле язык эсперанто. Этот искусственный международный язык получил свое название от псевдонима своего создателя — доктора Л.Л.Заменгофа. В переводе на русский «эсперанто» означает «человек, который надеется» или просто «надеющийся». Сам Заменгоф и его многочисленные сторонники-эсперантисты надеялись, да и сегодня надеются, что эсперанто со временем может стать основным вспомогательным языком в общении людей разных стран и народов.

Уроженец Варшавы, Заменгоф издал первые учебники эсперанто здесь же, в 1887 году. Кстати, до 1915 года Варшава входила в состав Российской империи, так что с некоторой натяжкой можно утверждать, что эсперанто появился на свет в нашей стране.

В первые десятилетия 20-го века эсперанто начал пользоваться особенно большой популярностью. На этом языке издавались и издаются газеты, журналы, книги, учебники и календари, проза и стихи... Иногда надписи на эсперанто можно прочесть на марках, в том числе на некоторых советских. Наша марка поступила в обращение в 1926 году в честь международного конгресса эсперантистов, состоявшегося в том же году в Ленинграде. Зеленая пятиконечная звезда — символ эсперантистов. На языке цветов зеленый — цвет надежды. Изображенный в центре марки памятник — обелиск Советской конституции в Москве.

Однако даже некоторые владельцы этих марок не знают их главного секрета. Дело в том, что на марке имеется еще один текст: «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!»

Я хотел было возразить, что ничего подобного на марке нет, но не успел. И хорошо, что не успел.

— Текст этот, — продолжал Олег Павлович, — написан знаками азбуки Морзе и образует овальную рамку вокруг обелиска. Можете взять в руки лупу и проверить.

Я так и сделал, и убедился — есть азбука Морзе! Впрочем, ее нетрудно было бы обнаружить и без увеличительного стекла, знай я об этом секрете заранее. Олег Павло-

вич сделал вид, что не заметил моей сконфуженной физиономии и продолжал, как ни в чем не бывало.

— Секреты, иногда можно даже сказать — подвохи на марках встречаются самые разные. Например, в 1911 году в Баварии, которая до 1920 года сохраняла почтовую независимость, вышла марка в честь 25-летнего правления принца-регента Леопольда. В венке из цветов, обрамлявшем портрет престарелого юбиляра, коллекционеры обнаружили смеющиеся рожицы.

Куда менее безобидная история с цветами произошла с рождественским выпуском марок 1937 года в Австрии. На первый взгляд — ничего особенного. Художник изобразил букет роз и вокруг него — знаки Зодиака. Но если приглядеться повнимательнее — из роз выглядывает профиль Адольфа Гитлера. Вероятно, к выпуску этой рождественской серии приложили руки сторонники бесноватого фюрера. Между прочим, следующая австрийская марка появилась только через семь с половиной лет. С марта 1938 года по май 1945 года Австрия была оккупирована гитлеровцами. И лишь после того, как советские войска освободили Вену, выпуск австрийских марок возобновился.

Следует упомянуть и о специальных антигитлеровских марках, которые в годы Второй мировой войны англичане печатали и распространяли в Германии и оккупированных ею странах. На первый взгляд они выглядели как обычные знаки почтовой оплаты с портретом фюрера. Но стоило посмотреть на эти марки под углом к свету — и на месте лица Гитлера скалил зубы череп.

Впрочем, иногда подвохи бывают и мнимые. В 1903 году офицеры-заговорщики убили сербского короля Александра Обреновича. На престол вступил Петр I Карагеоргиевич. Семьи Обреновичей и Карагеоргиевичей издавна враждовали и попеременно захватывали власть в Сербии. Вскоре после переворота, в 1904 году вышла серия марок с изображениями Кара Георгия — основателя династии — и Петра. Однако вскоре кому-то показалось, что если марку перевернуть, то между их портретами проступает лицо убитого Александра. Скандал!

Гравировал рисунок марки французский художник Мушон — автор и некоторых французских марок. Против него правительство Сербии возбудило уголовное дело. Но эксперты установили, что никаких скрытых изображений, никакого подвоха на марке нет. Мушона оправдали. Правда, с тех пор сербы заказывали марки другим художникам.

Упомянутая марка у филателистов получила название «марка смерти» или «маска смерти». Скорее всего, слухи о наличии на марке «маски смерти» распустили торговцы марками, чтобы поднять цену на вполне заурядный товар. Если так, то на сей раз коммерсанты просчитались. Марки этой серии и до сего дня сравнительно недороги.

(Продолжение следует).

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

В

ВЕНКСТЕРН (ПЕРЕПЕЧКО) Наталья Алексеевна (псевд. Энве; 1891 — 1957), писательница, драматург, переводчица.

Род. в Москве в семье служащего. Окончив гимназию, училась на высших женских курсах и на курсах франц. языка. Печататься начала в 1923. Пьесы и инсценировки В. ставились МХАТом: «В 1925 году», «Пиквикский клуб», «Домби и сын», «Вторая любовь» (совместно с Мальцевым). Приятельствовала с М.А.Булгаковым, кот. принимал участие в работе над ее «Пиквикским клубом» (см. М.А.Булгаков. Письма. М., 1989. С. 184-185). Ею написаны водевиль «Друзья-сочинители», пьеса «Метель». С 1914 по 1928 работала в ГМИИ помощником библиотекаря. (См. Шилейко В.: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. М., 2003). Авт. кн. «Аничкина революция» (1929), «Окровавленная Бретань: Рассказ из времен французской революции» (1924), «История одного коммунара» (1925), «Братья. Шлиссельбургские узники» (1927) «Парижская коммуна. 1871» — Энве. У Масанова — Эйве. Для серии «ЖЗЛ» написала биогр. Жорж Санд (1933) — одну из первых книжек серии. Не опубликован ее ром. «Гибель Пречистенки» (РГАЛИ. Ф. 2050. Оп. 1. Ед. хр. 105-111). О ней: Лит. газ. 1957. № 108.

Масанов (Перепечко Н.А.); Ук. загл.; Дет. писатели.

ВЕНТЦЕЛЬ Фаина Филипповна (1870 —?), писательница.

Авт. «Из моих воспоминаний». — «Звезда», 1943. № 5\6. С. 203-206.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8349.

ВЕРБИЦКАЯ Анастасия Алексеевна (урожд. Зяблова; 1861 — 1928), прозаик, драматург, авт. воспоминаний.

Окончила Москов. Елизаветинский женский институт (см. восп. «Моему читателю, Автобиогр. очерки с портретом автора и семейными портретами. (Детство, годы учения)». М., 1911). С 1899 г. выступала как издатель своих произв., помогала женщинам-переводчицам, редактируя и публикуя романы о положении женщины в совр. мире. В ранних произв., в т.ч. пьесах «Миражи», «Бесплодные жертвы. Семейство Волгиных» (пост. в Малом и Александринском театрах) центральный тема — борьба женщины за равноправие в личной и обществ. жизни. Сильной их стороной было избр. психологии героинь, в судьбах которых отразились факты биогр. самой В. Вместе с тем для них характерна упрощенность обществ. вопросов. Наприм., в пов. «Злая роса» перемешаны имена Маркса, Энгельса, Каутского, Т.Рибо, Г.Тарда, Е.Дюринга, Ф.Ницше и др. Революцию 1905 г. встретила с воодушевлением. В нек. пов. и ром. отражены ее события. Отдала дань модернизму, свободе творчества, эмансипации как полной свободе в половых отношениях. Злободневность и занимат. повествования обеспечили ее романам огромную популярность в нач. 10-х годов: по отчетам библиотек были на первом месте по спросу. О их популярности говорят и многочисл. пародии и «продолжения» ее романов. Особенно скандальная популярность выпала роману «Ключи счастья. Совр. роман» (кн. 1-6, М., 1909-1913; экранизирован). Авт. романа-трилогии «Иго любви», в кот. отражены романтич. моменты биографии ее матери и бабушки. В 20-е годы пишет для детей под псевд. Игорь Ольгович, А.Алексеева, Румшевич, О.Дэвич. Один из трех ее сыновей — В.А.Вербицкий — вполн. нар. артист РСФСР. участв. в организ. 2-й студии МХТ.

Русские писатели (портр); КЛЭ; Венгеров. Источ.; Владиславлев.

(Продолжение на стр. 57)



Выстрелы в глухомании

Отец Васьки, учитель физкультуры одной из красновишерских школ, обожал рыбалку. Каждое лето, в отпуск, он брал с собою сына-подростка на верховья здешней красавицы-реки горной Вишеры, где и проводил пару недель в увлекательной ловле, в основном, хариусов и тайменей. О, эта рыба особая! Хариуса еще называют уральской форелью, предпочитающего чистую горную воду, особенно на быстрых каменистых перекатах. Солёный или жареный, он вкусноты необычайной! А таймень, наоборот, любит глубокие омуты под высоченными скалами. Крупные из них достигают весом до нескольких килограммов и больше. Как тут не оставишь все домашние дела и не умотаешь на моторной лодке вверх по течению, где открываются такие красоты уральской дикой природы, что ни на что не разменяешь и вновь будешь стремиться их увидеть!

Вот и в это лето, как только Васька закончил сессию в училище в Перми и вернулся домой, отец прихватил его с собой и дядькой Лешей в тайгу на Вишеру. Запаслись провиантом, бензином, солью для заготовки рыбы, взяли палатку, котелки и прочее, — короче, все, что необходимо в дальнем походе, и с утра отправились на двух моторках навстречу солнцу.

Рассекающий зеленоватую воду нос лодки, гул мотора, прохладный ветерок в лицо, по берегам величественно проплывающие известняковые утесы, елово-пихтовая молчаливая тайга, — вновь тревожно радовали Ваську, как будто Вишера приоткрывала ка-

кую-то заветную тайну перед ним. Отец в непромокаемой штормовке, теплом свитере, в резиновых сапогах — бахилах, управляя на корме рулем мотора, улыбался, когда сын поворачивал к нему восторженное лицо. Позади них ехал дядька Леша.

— Васька, сейчас же надень капюшон на голову! Простынешь ведь! — прокричал отец, перекрывая гул «Ветерка».

— Не простыну! Тепло! Солнце светит!

Прошли бойцы Ветлан и Дыроватый, а потом и красавец Писанный. Васька с замиранием сердца ждал его появления. До чего ж красиво! Отвесная громада обрывается прямо в глубокое недвижимое плесо. Растянулся камень аж на несколько километров вдоль Вишеры, обрамленный вверху темно-зеленой бахромой древних елей.

Особенно интересно было преодолевать против течения бурные вишерские перекаты. Их тут, как говорится, немеренно. Идут друг за другом целыми сериями. Брызжащая волна порой достигает почти метра. Но мощный мотор запросто берет эту преграду.

По дороге несколько раз встретили туристов на байдарках и катамаранах, спускающихся вниз по течению. Их сюда, на Вишеру, приезжает много. Аж с Москвы и Питера посмотреть местные красоты едут. Васька посматривал на эти горожан, испытывающих свои силы на сложной уральской реке, с нескрываемым презрением. Тоже мне сплавщики! Сидели бы у себя по москвам дома и не забирались в такую глухомань!

К вечеру добрались до деревни Долгое Плесо и недалеко от нее у скал сделали привал. Пока дядька с отцом ставили палатку, Васька, сняв бахилы и переобувшись в кроссовки, занимался костром и приготовлением каши с тушенкой. Под закат вышли со спиннингами к реке, закидывая лесу с блесной от замшелых прибрежных валунов.

— Здесь не так берет... — заметил дядька, — выше поднимемся, вот там будет рыбалка, так рыбалка! Ох, ты, Серега, какого отхватил! Полкило-то будет! И у меня, кажись, дергает!

Отец с азартом вытащил довольно крупного щуренка, посадил в садок.

— Утром на уху его! Смотри-ка, уже темнеть начало. Давай-ка, Васька, поддержи костер! На сегодня хватит...

В сумерках расселись у стреляющего угольками кострища. Мужики достали спирта. Выпили за удачное начало предприятия. Захмелели.

— Завтра до Акчима надо добраться... А там и до Ваи рукой подать... — отец закурил очередную сигарету, — торопиться больше не будем, начнем ловить да солить рыбу. Тут места хорошие... Ты о чем, Васька, задумался?

Парень, не отрываясь, смотрел на зеленоватые, голубые, красные переливы пламени. Сессия позади. Еще год осталось проучиться, и закончит он речное



училище. А потом техником-механиком станет. Мечтает на корабле типа «река-море» ходить. Вот будет жизнь! Только девчонки у него пока нет. Ну да, это дело нужное! Мать-то говорит, что он симпатичный, за год вырос, раздался в плечах. Не зря ведь занимается бегом и штангой! Отец приучил...

Между тем, дядька с отцом полезли в палатку.

— Долго-то не сиди! Завтра нагрузка будет большая. Ложись, давай.

— Я еще немного, батя... Подумать надо...

* * *

Колька Бессонов сегодня опять напился с мужиками на работе. Вкалывал он здесь, в вайском леспромпхозе, сучкорубом. Труд, конечно, не ахти какой сложный, но за смену так уханькивался, что домой еле ноги волочил. Ну, как тут не вмазать маленько! Без спирта в тайге нельзя. Он и дух поднимает, и согревает, если погода хреновая, и физических сил сразу прибавляет.

Здесь, в тайге, конечно, жить неплохо. Вая, хоть и маленький, но все же поселок. Магазин есть, почта, клуб. Летом хорошо: порыбачить на Вишере можно, поохотиться. Зимой, правда, скучновато. А он молодой, жизни еще, как говорится, не видал. Ну, отработашь, сходишь в клуб, ну по телевизору че-нибудь посмотришь, к друзьям сходишь, и все! Бабу надо. Но жениться рановато еще. А девок местных не так уж и много. Все какие-то коровы, кроме одной, Насти. Запала она ему в душу и не выходит. Он и так к ней и эдак, а Настя все нос воротит. Может он, Николай, не такой симпатичный, как бы ей хотелось? Пьет? Да в поселке все мужики понужают, да и бабы туда же. Измаялся он, сил больше нет! Надо еще раз сходить к ней и поговорить начистоту: или-или. Да — так да, нет — так нет!

Со щетиной на подбородке и щеках, в сапогах, в непромокаемой ветровке с капюшоном, он шел, покачиваясь, через всю Ваю, по направлению к настиному дому. Гилевы занимали вторую половину барака из бруса. Зашел в калитку. Постучал в обитую войлоком дверь рядом с летним умывальником.

— Кто там?

— Да я, Николай! Настя ты? Открой-ка!

— Ты пьяный, не выйду я!

— Да открой же! Сказать тебе надо что-то.

— Сейчас. Только картошку с плиты уберу.

На порог вышла худенькая светловолосая девушка в простеньком ситцевом платье.

— Ну что тебе еще? — недовольно произнесла она.

Обычно Николая охватывал страх перед предметом его буйного чувства, хотя он и был не из трусливых. Скорее, грубовато-необузданным был мужиком. Но сейчас, под винными парами, осмелел.

— Сама знаешь... Люблю я тебя. Будешь со мной? Говори: да или нет, если нет, то я за себя больше не ручаюсь!

— Ты же знаешь, что у меня есть Виктор!

— А, этот из Красновишерска-то инженеришка? Городской тебе больше по нутру? Все они, образованные, козлы... А простой работага тебя, значит, не устраивает?

— Причем здесь это? — Надя явно не хотела разговаривать с пьяным. Дурак дураком!

— Я вот сейчас пойду к нему и набью морду! — воинственно взмахнул кулаком Николай.

— Как бы он тебе не набил! Ну все, я пошла. Прощай!

Дверь захлопнулась у него перед носом. Охватила безудержная ярость.

— Пристрелю, гада! — злобно прошептал неудачник. И опрометью бросился к себе домой за ружьем.

Матери дома не было. Душила обида. Вытащил карабин из сундука, зарядил и... остановился. Как он будет стрелять в инженера на виду у всего поселка? Да его ведь сразу упекут, куда надо. А о зонах с вышками Николай представление имел. Вон сколько их разбросано здесь по Вишере! Это же жуткая неволя, сломанная жизнь! Нет, пойдет он лучше в тайгу, да и ответит душу на охоте. Пристрелит какую-нибудь птицу — легче станет! Положил карабин в чехол и вышел на улицу...

Бродил по тайге сам не свой до вечера. Из старой охотничьей фляжки отхлебывал разведенный спирт. Легче не становилось. И зверья никакого не попадалось. В душе все клокотало: «Ох, Настя, и стерва же ты! Променяла меня на какого-то чистоплюю... Ненавижу всех этих городских! Вон на плотках всё сплавляются по Вишере. Туристы, антилегенты, блин. Надоели уже в поселке. Продукты им подавай! А поработали бы на моем месте! Я б посмотрел! Бездельники!..»

Он выходил к реке. Раздвинув еловые лапы, увидел, как на ладони, лодку с двумя рыбаками. «Та же самая городская шваль! Разрыбачились тут! Ну, я им сейчас устрою...» — от охватившей ярости затряслись руки.

Он одним махом выхлестал остатки спирта себе в горло.

* * *

— Хор-рош, красавец! — отец помог Ваське с помощью сачка вытащить сопротивляющегося тайменя, — засолим голубчика! У нас, наверно, рыбы килограммов уж тридцать будет за четыре дня!

Они уже два часа рыбачили на плесе у камня Гостинковский. Вечерняя прохлада тянулась над притихшей Вишерой, дядька Леша промышлял за поворотом, за скалой, ничего не подозревая.

Внезапно тишину разорвал какой-то странный гром. Выстрел! Незвестно откуда! Васька с ужасом увидел отца, схватившегося за лицо, неловко падающего на дно лодки. Из пробитого глаза, пульсируя, вырывалась черная кровь.

— А-а! — заорал парень, и тут же прогремело второй раз. Он почувствовал сильный толчок в плечо, но боли не ощутил. Безмерный животный страх охватил

Ваську, и он бросился в воду, отчаянно поплыв к берегу, благо, что тот находился совсем рядом. По прибрежным камням выскочил навстречу пихтовому лесу и, дико крича, скрылся в нем.

Васька бежал, не разбирая дороги, исхлестав колочими ветками лицо до крови. Несколько раз падал, но опять поднимался и бежал. Наконец, свалился на мшистую холодную землю, надрывно дыша. Ему все казалось, что кто-то гонится за ним и хочет всадить пулю... «А как же батя?! Ведь его убили! Наповал! И меня чуть не кончили!» — лихорадочно думал он. И только сейчас почувствовал, что рукав штормовки сырой от липкой крови. Ранен! Ваське стало дурно, и он потерял сознание...

Очнулся, когда было уже почти темно. Все тело ныло, а плечо и предплечье странно онемели. Вспомнив все, он затрясся в лихорадке. У Васьки начался жар. Нужно идти к людям, к дядьке! Он, наверно, уже с мертвым отцом, ждет помощи. А может те, кто стрелял из тайги, и его порешили? Очень даже может быть! Нет, лучше пока не высовываться! Страшно! И Васька, трясясь от озноба, продолжал лежать.

Ночь прошла как в кошмарном сне. На время он забывался, потом опять лежал и мучительно думал. «Тут недалеко, вверх по течению, поселок лесозаготовителей Валя. Туда и пойду, если сил хватит. Но батя, батя...»

На утро Ваське было так плохо, что он еле встал. Ранение и шок давали о себе знать. Сначала он, как пьяный, раскачиваясь из стороны в сторону, шел. Потом упал и пополз. Еле выбрался к реке и на берегу опять потерял сознание.

Очнулся от того, что кто-то его сильно тряс. Какие-то мужики — туристы, наверно, стояли над ним.

— Эй, парень! Жив? Откуда ты? Что случилось?

— Батю убили! Где-то здесь рядом... Из тайги стреляли...

— Э, да он серьезно ранен! Нужно срочно его на байдарку и в Ваю. Пятнадцать километров, надеюсь, выдержит. Давайте-ка, ребята, поднимем...

...Пуля, как потом рассказал Ваське врач, прошла через плечо на шесть сантиметров до грудной клетки. Не так далеко и до сердца... Из Ваи его вертолетом отправили в Красновишерск. Дядька Леша был жив, тело отца на моторке он привез в Ваю... Подняли местную милицию, из районного центра прибыли оперативники. Сразу было подозрение, что стрелял из карабина местный житель, — больше-то, вроде, некому. Но искать его не пришлось. Николай Бессонов сам явился с повинной.

— Вообще, повезло тебе, парень, что жив остался... — сочувственно глядел на перебинтованного Ваську пожилой врач, — а вот отца, конечно, жаль... Этого молодого убийцу, который, якобы, из-за какой-то девчонки в вас стрелял, поселок теперь во всю катушку честит... Под следствием сейчас он, в тюрьме... А вот и сама пуля. Возьми на память. Держись, дорогой! Вся жизнь еще у тебя впереди!..

Слава РАБИНОВИЧ

Цветы мая

Этот май начался, как всегда, с цветов — не с горшечных, которые Стелла поливала круглый год, не очень-то разбираясь в тонкостях каждого цветка, и иногда даже забывая об очередном поливе. Но цветы как будто прощали ей эту маленькую оплошность и росли на редкость сочные и красивые. «Видать, от любви», — думала Стелла про себя, глядя очередной цветок и вздыхая.

Май, как всегда, начинался с кладбища, с Северного, где у Стеллы с Симеоном скопилось уже шесть родных могил. Правда, они выбрались туда не в родительский день, потому что слегка приболели. — Разве наши мамы желали бы, чтобы мы приехали сюда больные, ну пусть не сильно. Вот ты хотел бы такого для своего Валентина? — Тут Симеон замотал головой, и Стелла успокоилась. Зато через три дня к их услугам были все цветы: самые пышные гвоздики (для мужчин) и хризантемы (для женщин), и погода выдалась чудная, грязь высохла, и дорожки к могилам вели сухие и чистые. Они сделали всё как надо: подмести, почистили, помыли, подкрасили, а сверху поставили цветочки. Ожили могилки сразу, показалось даже на мгновение, что те, кто там, внутри, улыбнулись. Правда, поплакала Стелла возле мамы и папы, хоть и разведенных когда-то на многие годы по желанию папы, который женился когда-то на другой женщине, уже просидевшей во время и после войны в девках и так страстно мечтавшей выйти замуж, что ей удалось «отбить» (как тогда говорили) папу от мамы, вместе с тремя её уже подростками детьми). Потом поплакала у тети Оли, тоже — всю жизнь одинокой, несчастной учительницы начальных классов, а потом ещё ШРМ. Она всегда там плакала — не для себя, а по ним, по родным — ушедшим, но ей самой становилось от этого легче. Поэтому она втайне ждала этого дня — и внутренне готовилась к нему.

Май веселый, праздничный май всегда начинался с девятого числа, и не только потому, что день Победы, то есть и поэтому тоже, но главное — в этот именно день они когда-то давно расписались с Симеоном. Стелла помнила и при любом удобном случае гово-

рила всем, что это был последний не выходной в день Победы 1964 года. Май был на редкость жаркий, сирени и черёмухи ломались из-за заборов, и она еле удерживала в руках громадный букет. От сиреней, как всегда, пахло маем, юностью и немного печалью, потому что они как-то уж очень скоро сникали, и их крохотные цветочки, как мусор, скопом неслись по тротуару. Запах мужа был неведом и нов. От него пахло куревом, и если учесть, что в её родительском доме никто не курил, то это было её первое удивление. И ещё от него пахло литейным цехом — чем-то совсем уж неведомым, куда Симеон уходил ранним утром и возвращался вечером, отчего на его рабочем пиджаке прожигались новые дырочки, вокруг которых и возник этот стойкий специфический запах.

Каждое девятое мая она всегда ожидала цветы — любые. Стелла не была привередливой, главное, чтобы не напоминать, чтобы муж принёс их сам, по собственному желанию. Иногда он забывал, захваченный какой-то новой идеей, и она напоминала ему с некоторым уколом в сердце — в своём, а может, и в его тоже — ближе к обеду, когда надежды уже не оставалось. И они шли за цветами вместе — ведь должны же стоять цветы в их доме в их день! И она, как всегда, прощала ему забывчивость. Так цветы прощали ей её забывчивость, явно чувствуя, что она их любит.

В этот май он опять забыл — но к обеду бы ли



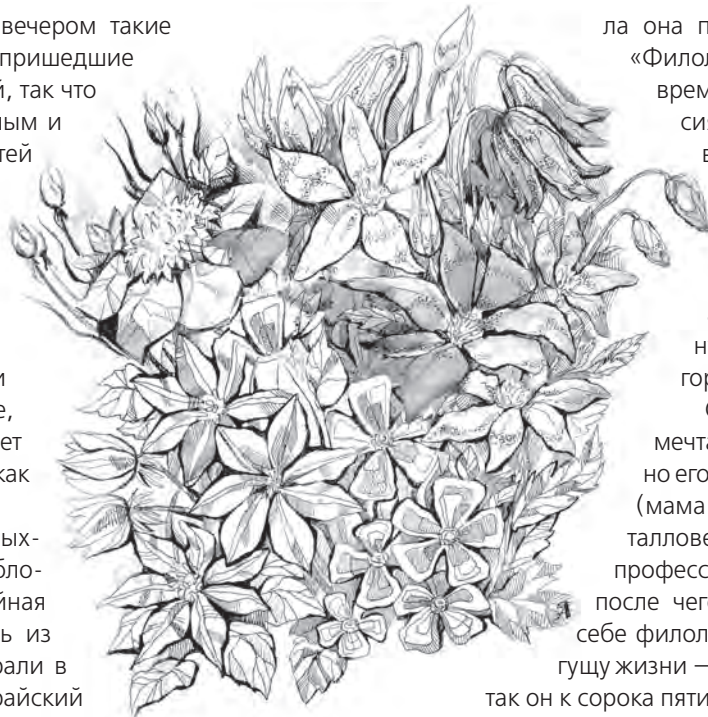
Слава Мееровна Рабинович закончила институт иностранных языков. Много лет работала переводчицей с нескольких европейских языков патентов и технических статей. За 15 последних лет издала 13 книг поэзии, прозы и переводов. Лауреат премии «Менора», имеет грамоту Министерства культуры Свердловской области к 70-летию Союза писателей. Член Союза российских писателей.

куплены хризантемы, а вечером такие же хризантемы принесли пришедшие погостить сын с невесткой, так что весь дом наполнился белым и розовым. Хризантемы детей увяли первые, а его цветы увядали постепенно, как они с Симеоном, как будто покрываясь плёнкой пыли. Обычно Стелла не доводила дареные цветы до серости праха и выбрасывала их заранее, когда их природный цвет ещё можно было кое-как различить.

Как раз в эту пору вспыхнули белым сиянием яблони, и их большая трамвайная улица вмиг превратилась из серой городской магистрали в бело-розово-зелёный райский уголок, из которого не хотелось идти домой.

«Давай погуляем ещё! Какие нынче яблони необыкновенные!» — говорила Стелла, склоняясь к нему по привычке. «Какие же необыкновенные, — говорил муж, едва взглядывая на роскошные кисти. — В прошлом году такие же были». Муж был и учёный, и практик одновременно. Его наука и его практика говорили за то, что яблони действительно цветут так, как цвели в прошлый, и в позапрошлый, и в позапозапрошлые годы, ну там плюс-минус столько-то цветков здесь ли, там ли. Она умом понимала, что муж, наверное, прав, но сердце, болевшее нынешним маем чуть больше, чем прошлым, видело нынешний майский цвет по-новому, по-особенному, более прощально, что ли, — так она определила это для себя.

В двадцатых числах мая сын-педагог принёс из лица два букетика маленьких разноцветных гвоздик, перемешанных маленькими ромашками. Для таких хрупких и неброских, цветы оказались удивительно стойкими. «Вроде меня», — подумала Стелла с удивлением. Сын-филолог принёс их, как она услышала по радио «Эхо Москвы», во Всемирный день филолога. Надо же, есть в мире такой праздник! — ликовала Стеллина душа. Однако сын, сей факт от матери узнав, очень удивился, и в лицее, откуда он принёс цветы, тоже ничего про такое не слышали — там отмечали последний звонок. «Вот так, — с грустью подумала Стелла, — сколько всяких дней имеется в России для праздников: и танкиста, и моряка, и десантника, и пограничника, и милиции, и даже, извините, фэсбэшника, и даже... а вот дня филолога — нет! Нет и всё!» Выходит, зря она сама, своими руками, направила сына на этот скользкий путь, когда у него почти по всем предметам в аттестате стояли пятёрки. Потом вспомнила Стелла, как светился её сын, входя с этими хрупкими букетиками к ней в дом, как терпеливо старался не нарушить ни единой тычинки, что подума-



ла она почти умиротворенно: «Филологи в России в наше время — это и не профессия вовсе. А что? А, наверное, подвижничество, невидимое такое подвижничество, для её сына, к счастью, добровольное, а для кого-то — и вынужденное, значит, горькое».

Симеон тоже когда-то мечтал стать филологом, но его умные мама с сестрой (мама — хирург, сестра — металлург — всё достойные профессии) отговорили его, после чего Симеон задушил в себе филолога и двинул в самую гущу жизни — на литейный. Правда, так он к сорока пяти посадил себе сердце, зато профессия не зазорная, и деньги в доме всегда были. А сердце? — А какой мужик в России в 45 здоровый? А никакой почти что, — кричал возбужденно Симеон, постепенно успокаиваясь. Но Стелле не делалось от этого легче.

Придушенный филолог в муже иногда поднимал голову: писал ранними утрами, пока не начиналась работа, странные сюрреалистические стихи или афоризмы, часто двусмысленные. Он требовал к себе внимания и похвалы. Тут Стелла, жалеючи этого несчастного, всегда шла ему навстречу.

Цветы постепенно увядали — и осыпались — и дома, и на улице. Может быть поэтому в конце мая Стелла особенно больно чувствовала окончание чего-то важного, что она опять проморгала — профукала, не надышалась сиренями, не насмотрелась яблонями-вишнями. И бог знает, придётся ли ещё опять.

Тридцатого утром позвонила соседка снизу и с плачем сказала, что тихая бабушка Ангелина, с которой Стелла изредка разговаривала о Боге, чаще, правда, два-три слова о погоде, отошла туда — и больше никаких с ней разговоров не будет. И бабушки Ангелины, и Стеллины сомнения так и повисли в воздухе. «Может, бабушка Ангелина уже что-то знает больше», — пронзило вдруг Стеллу. Бабушкино лицо, белевшее поверх старых стульев, выставленных под гроб во дворе для прощания бабушки с соседями, было замкнутым, как никогда, и не содержало ответа на поставленный Стеллой вопрос. Стелла положила бабушке Ангелине на грудь две белых хризантемы, коснулась воскового лба и тихонько отошла в сторону, дав место другим.

— Последние цветы в этом мае, — подумала Стелла. Чётное число, как было в начале мая. Почему смерть признаёт только чётность? Об этом ещё надо было думать. Уже наступал июнь — месяц ночных зарниц и бессонниц.

Невозвращенец

«Едет утильщик, едет утильщик
Маленьких радостей детских возильщик
Черный, засаленный, словно скворец
Кляча везет его дивный ларец.
О, наконец!
Эй, вымогатель вещей бесполезных,
Кукол тряпичных, коек железных,
Царь погремушек всесильный державный,
Что мне подаришь за гвоздик заржавленный?
Ну, обещай, посули мне удачу.
Видишь — я мал еще,
Видишь — я плачу.»
— Александр Гашек

«O-o, I believe
In yesterday...»
— The Beatles

— Вы понимаете, как это важно? — с нажимом произнес седой человек в сером костюме, внезапно наклонившись так близко к лицу Госсамера, что того прошиб пот. — Ни в коем случае не делайте ничего такого, что в тот момент не происходило естественным образом.

Агент успокаивающим жестом коснулся его кисти.

— Мистер Госсамер, несомненно, осознает всю серьезность возможных последствий отклонения от плана, — примирительно прогудел он своим бархатным баритоном профессионального убалтывателя. — Мы много раз проговаривали сеанс буквально с точностью до секунды. В сущности, ему вообще ничего не надо делать... просто присутствовать. Ощущать...

— Именно, — вставил седой, — только смотреть. Это как кино, только изнутри, верно?

Госсамер вытер выступивший на лбу пот платком. Затея с походом в «Ностальгии, Лимитед» уже не казалась ему такой же удачной, как в течение последней недели, пока шло уточнение деталей проекта. А сразу после перевода денег ему представили седого, Джека Брауна, отрекомендовавшегося «сотрудником службы безопасности компании». Новый человек сразу не понравился Госсамеру, еще в тот момент, когда при

первом рукопожатии отдал ему ладонь. Но дальше дело пошло еще хуже...

— Не знаю, — сказал Госсамер и сам удивился, как сипло прозвучал голос, — вам виднее. У меня это первый раз.

— Несомненно, первый, но не последний, — спокойно заговорил агент, — более половины клиентов обращаются к нам повторно, и...

— Инструктаж, — бесцеремонно перебил его Браун.

«Какой всё же неудобный, негибкий человек, — подумал Госсамер. — Подобные люди всегда стремятся попасть на такие должности, чтобы им сходила с рук их безалаберность».

Агент прокашлялся и воздел глаза к потолку.

— Это формальная процедура, оговоренная в контракте, — извиняющимся тоном начал он. — Мистер Госсамер, вы так или иначе владеете информацией, которую я сейчас буду излагать, но я просто обязан повторить еще раз.

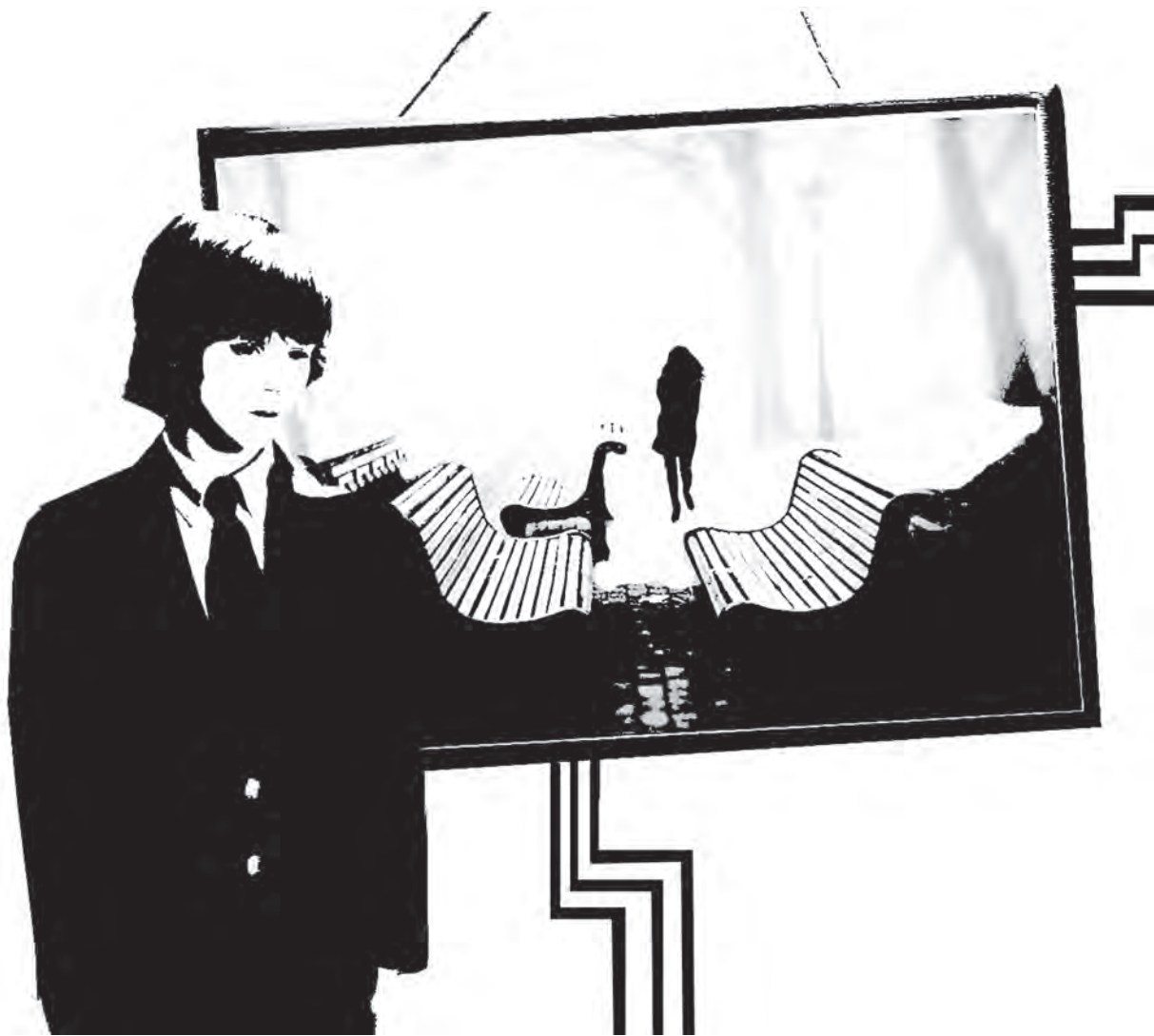
Госсамер вяло кивнул. Он уже успел убедиться, что бюрократизм в «Ностальгии, Лимитед» — старая добрая традиция и самый легкий способ преодоления трудностей — просто принять всё как есть.

— Итак... наша фирма предлагает путешествие. Необычное, эксклюзивное и...

— ...весьма дорогостоящее, — проворчал Госсамер.



Максим Николаевич Черепанов родился 18 июня 1976 года в г. Новосибирске. Образование высшее — Южно-уральский государственный университет (вычислительные машины, комплексы системы и сети). Публикуется с 1998 г. (журналы «Техника — молодёжи», «Реальность фантастики» сборник «Последняя песня Земли»). Проживает в г. Челябинске.



– Есть вещи, которые бесценны, согласитесь! Мы предоставляем уникальную возможность возвращения в прошлое. Ваше собственное прошлое в его лучшие моменты. Детские игры, первый поцелуй, деловой триумф – всё это теперь возможно пережить заново и при желании – неоднократно. Как известно, материальные тела перемещению во времени не подлежат, но сознание, как энергетическая система так называемых тонких токов, поддается темпоральному смещению, что несколько лет назад блестяще было показано в работах Кога-на-Шафира...

Браун высморкался. Госсамера передернуло.

– Ваше сознание переносится по вектору времени назад, в прошлое. В случае вашего заказа – на минус сорок три года, в ваши биологические примерно восемь с половиной лет. События во время сеанса идут своим чередом так, как они реально происходили в выбранный отрезок времени. При этом физическим носителем темпорально перемещенного сознания является ваше же собственное тело, в дополнение к той личности, которая в нем уже существует. Разумеется,

это повышенная нагрузка на мозг носителя, но в пределах заявленного времени... да, у нас с вами будет три с половиной минуты, так вот – в этих пределах перегрузка несущественна и большой роли не играет. Кстати, стоимость медицинской страховки включена в прайс...

Госсамер беспокойно шевельнулся.

– ... но у нас не было еще ни одного случая, когда бы ей пришлось воспользоваться. Уточним детали вашего заказа. Сеанс общей протяженностью немногим свыше трех минут: включение в момент бега по аллее к дому, затем общение с матерью, не менее двух минут чистого времени. Всё правильно?

– Да, – услышал Госсамер собственный голос.

– У меня вопрос, – прорезался Браун, – мистер Госсамер, объясните, пожалуйста, ваш выбор. Почему именно этот эпизод, там ведь ничего особенного? Просто встреча, разговор, пара жестов. Вы могли выбрать первый секс, или день, когда вы победили в студенческом футбольном чемпионате, или вечеринку в честь вашего утверждения на должность вице-президента «Интерком-стар». Всё это фрагменты времени,

перенасыщенные положительными эмоциями. Однако вы остановились на другом. Отчего?

— Служба безопасности имеет доступ к результатам сканирования памяти, — в ответ на недовольную мину развел руками агент, — вы подписывали согласие...

Госсамер со злобой уставился на Брауна.

— Я обязан отвечать?

— Очень желательно, — спокойно парировал тот.

— А если нет?

— Сделка может быть аннулирована, а деньги возвращены, за вычетом нашей неустойки. Темпоральные перемещения — очень серьезное дело, мистер Госсамер. Мы должны быть уверены, что понимаем мотивы клиента. Исчерпывающе.

Повисло неловкое молчание.

— Моя мать, — медленно, тяжело заговорил Госсамер, — перестала жить более десяти лет назад. В день ее смерти я был в очень важной деловой поездке... Ну то есть это я тогда думал, что она очень важная. Сейчас я хорошо понимаю разницу между действительно значимыми вещами и сиюминутной ерундой...

Браун покивал.

— Мама звонила мне в этот день, — продолжил клиент, — а я... я был очень занят и потому недостаточно внимателен. Долбанные переговоры, долбанные бумаги, долбанный брифинг. Словом, я был плохим сыном тогда.

— Вы в чем-то себя обвиняете?

Кровь стучала у Госсамера в висках.

— Нет. Я просто это помню постоянно. Каждую минуту помню, понимаете?

— Очень хорошо. Так почему вы не вернетесь в тот самый день, когда состоялся звонок?

Клиент смерил безопасника взглядом.

— Смысл? Ведь менять ничего нельзя. Непредсказуемые последствия, временной коллапс, ваши люди мне тут все уши протёрли уже. Так зачем мне заново переживать то, что причиняет боль?

Браун откинулся на спинку кресла.

— Очень хорошо, мистер Госсамер. Надеемся, что после заново пережитых минут, когда вы были, э-э... хорошим сыном, вам станет легче. Можете начинать подготовку к сеансу.

Агент поднялся, сияя как начищенный пятак, и потряс ладонь Госсамера.

— Доброго пути к себе, как говорят у нас!

Ветер ерошил волосы на бегу, свистел в ушах. Солнце грело голые локти и исцарапанные колени, а деревья вдоль аллеи казались такими большими... Не существовало больше пивного брюшка, стреляющего колена, одышки, мутных проблем с сердцем. Госсамер в два прыжка взлетел по ступенькам крыльца, и дверь открылась навстречу ему.

— Уф, Тэдди! Ты напугал меня...

Мама...

— Иди-ка сюда... что это за шишка у тебя за ухом? Опять свалился с велосипеда?

Мамины пальцы ощупывают голову. Ласковые, твердые, слегка шершавые. Касание жжёт, как электрический ток.

— Не, мам, это камнем! — сказали губы Госсамера. — Близнецы бросались в голубей, а я выбежал, а они...

— Пойдем-ка в дом, это нужно сейчас же смазать зеленкой...

Сейчас или никогда, сказал он себе. Это было очень трудно, как плыть против течения, язык весил сотни кило, а нижняя челюсть — всю тонну, но Тэдди Госсамер справился.

— Мама! — хрипло выдавил он, не трогаясь с места.

Она удивленно обернулась в дверях.

В ушах возник звон, сначала тихий, затем неумолимо нарастающий, сверлящий мозг.

— Знаешь, те переговоры... я должен был все бросить и приехать к тебе. Молодость, глупость. Ты прости меня... прости...

Мать с удивлением и тревогой всматривалась в его лицо. Звон в голове стал нестерпимым, Госсамер взвыл и упал на колени, прижимая ладони к ушам, и она бросилась к нему, крича что-то, обнимая за плечи и не давая упасть навзничь.

Последнее, что он увидел — как ломаная черная полоса, расширяясь, кромсает голубизну неба, как будто облака просто нарисованы, и сейчас кто-то огромный рвет полотно с картиной.

— Уже третий за этот год.

— Ты сам его пропустил, Джеки.

— Мне не нравится сложившаяся тенденция. Рано или поздно они догадаются, что мы втягиваем им обыкновенную виртуальную реальность, пусть очень качественную и созданную на основе распределенных ресурсов Сети, но всё же виртуальную, под видом реального прошлого, и тогда...

— Даже не хочу слышать об этом. Пока дела идут неплохо. Что с ним сейчас?

— То же, что и всегда в таких случаях. Лошадиная доза нейрорелаксантов. Будет выглядеть как инсульт.

— Джеки... что это с ним? Почему он улыбается?

— Где? А... проектор не выключен.

— Непорядок.

— Какая разница... теперь. В конце концов, он заплатил деньги. Имеет право.

Смех.

Тэдди не слышал их. Он бежал к дому, навстречу открывающейся двери, и теплый ветер ласково дул ему в лицо.

НУ, ЗДРАВСТВУЙ, БАКАЛ!

Был теплый день поздней осени. На вершине скалы стоял человек. Он замер в неподдельном восторге: перед ним распахнулось необозримое пространство тайги. Огромные деревья взбирались на голубые горы и образовывали амфитеатр. Внизу лежала котловина, в которой столпились вековые лиственницы, уже скинувшие свои мягкие желтые иголки. Вдали высились горы, и хотя снег еще не выпал, их вершины белели. Эту снежную иллюзию создавали белые кварциты. Стояла изумительная тишина, редко прерываемая криками птиц.

«Вот бы и остаться здесь жить...»

Наверно, такой увиделась человеку котловина, где позже поселились люди и возник поселок Рудничное — самый старый из поселков, позднее составивших город Бакал.

До революции слово «Бакал» употреблялось только в названии железорудного месторождения — Бакаль-

ского. А в Златоустовском уезде Уфимской губернии было три волости: Айлинская, Саткинская и Рудничная — все это нынешняя бакальская округа, места нашего с вами путешествия. В 2007 году Бакальским рудникам, городу Бакалу, а значит, и поселку Рудничному исполняется 250 лет.

250 лет назад начались разработки одного из лучших по качеству железной руды и самых знаменитых месторождений России. Многие поколения геологоразведчиков, рудокопов, рудознатцев, горняков трудились в этих местах, добывая славу рудникам, а себе — хлеб насущный. Строились деревянные избы, казармы, потом дома. Строился город, и вдруг уступал место руднику... Многое менялось, модернизировалось: Бакал всегда был на острие технического прогресса. Бакальцы чувствовали пульс времени и часто это время опережали.





Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соповьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-88
 Уфа, ул. Р. Зюре, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

представляет

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Маршрут представляет собой последовательность промежуточных точек, которые приведут вас к конечному пункту назначения.

Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут

ИСТОКИ РЕКИ ЧУСОВОЙ



№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, начало маршрута	N56°50'087"	E60°35'382"
2	Выезд из города на Горный Щит	N56°44'095"	E60°35'734"
3	Развилка	N56°27'452"	E60°12'346"
4	Перекресток на Полдневую	N56°26'669"	E60°11'240"
5	Полевской, выезд на Полдневую	N56°25'489"	E60°11'473"
6	Полдневая, поворот на оз. Иткуль	N56°18'112"	E60°16.982
7	Поворот на В. Уфалей	N56°11'542"	E60°29'617"
8	Выезд на грейдерную дорогу	N56°05'829"	E60°20'461"
9	Дорога у начала реки	N56°06'686"	E60°19'769"
10	Суходол русла начала Чусовой	N56°06'775"	E60°20'254"
11	Лесной перекресток	N56°07'441"	E60°19'021"
12	камень ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ЧУСОВАЯ	N56°08'424"	E60°20'451"



Фото Виктора БАЙДУКОВА

В объективе — Урал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Владение истока реки в Малое Чусовское озеро



Исток реки Чусовой

...Эта поездка случилась совсем неожиданно, просто сложилось все одно к одному: у всех оказалось свободное время, была почти прекрасная погода (ну что из того, что тучи грозовые? Ведь дожди они несут чаще всего недолгие), а самое главное — всем очень хотелось узнать, собственными глазами увидеть, где же все-таки берет начало река Чусовая? Разумеется, по карте мы видим, что есть в Челябинской области озера Большое и Малое Чусовское, от них, кажется, и берет начало знаменитая река; на берегу одного из них даже камень установлен: «Здесь начинается река Чусовая». Но... а сами озера? Какими водами наполняются?

Отправились мы довольно-таки не рано — около трех, но ведь лето же!!! Дни такие длинные! На границе Свердловской и Челябинской областей обогнали-таки ту самую грозовую тучу и мимо удивительного по красоте озера Иткуль, карьеров и отвалов, неожиданной каменной свалки добрались до болотца с небольшими озерками и ручейками — объединяясь, эти ручейки наполняют водой сначала Малое, а затем и Большое Чусовское озеро. Какой же из них следует назвать началом Чусовой? Самый крупный? Самый красивый? Самый доступный? Какая разница, все они вносят свою лепту, все они рожают знаменитую уральскую реку-красавицу Чусовую.



Большое Чусовское озеро

Ирина ПАШНИНА,
фото автора

Дождь, ветер и «крупный туман»



Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Погода испортилась за день до поездки на Чусовую. До этого две недели стояла жара, в городе плавился асфальт, в раскаленном желто-сизом смоге люди, похожие на переваренных раков, вяло переползали от одного киоска с прохладительными напитками до другого, делая производителям этих самых напитков прибыль на всю долгую уральскую зиму вперед. Мы предвкушали, как вырвемся из душного города к прохладной реке — купаться и ходить по траве босиком. Вырвались... Утром, когда уезжали, все надели свитера потеплее — непривычно после двух недель, проведенных в минимальном количестве одежды, благо, современные нравы позволяют пару небольших тряпочек уже считать одеждой. Кто же знал тогда, что в течение всей поездки один теплый свитер будет восприниматься почти как купальный костюм, а повседневной нормой будут три свитера плюс шторм-

мовка, плюс дождевик. Но тогда, несмотря на испортившуюся погоду, мы не унывали: по метеорологическим прогнозам дня через четыре должно было потеплеть. Мы ехали на две недели и могли себе

позволить померзнуть несколько дней.

Начало маршрута: Пермская область, Лысьвенский р-н, урочище Журавлик. Нас шестеро: Леша, Вадик, Андрей, Женя, Оля и я. Вы-



грузив из «Газели» рюкзаки, мы принялись собирать катамаран. На берегу дул пронизывающий ветер, накрапывал дождь. Не прошло и получаса, как все продрогли. Мужчины, естественно, вспомнили старый русский способ согреться и решительно претворили его в жизнь. Но на таком сильном ветру замерзает очень быстро, и процесс согревания приходилось повторять. Поскольку погода не улучшалась, постепенно мероприятия, посвященные регуляции температурного режима, стали занимать больше время, чем сборка катамарана. Результат оказался плачевным: выяснилось, что рама собрана неправильно, надо перевязывать. Утешение в столь горьком разочаровании было найдено там же, где и источник тепла, но раму все-таки переделали.

Когда надували насосом гондолы до нужного состояния, кто-то побеспокоился: «Осторожней подкачивайте, а то «пипку» (резиную трубку на гондоле, к которой присоединяется насос) сорвет!» Я не преминула заметить: «Действительно, осторожней! А то вон один подкачивался, подкачивался, пипку-то и сорвало (про одного из членов экипажа, сильно переборщившего с «подогревом»)». То, что сборка была произведена в сильно

«подогретом» состоянии, имело свои последствия: временами, при особо активных перемещениях по катамарану, рама угрожающе хрюкала и норовила расползтись. Особенно острые ситуации создавались, когда по плоту передвигался Андрей, обладающий самой солидной фигурой среди нас всех. На замечания о том, что катамаран вовсе не прогулочная палуба теплохода, Андрей отстаивал свои права на свободу движения и продолжал проверять наше суденышко на крепость. К чести нашего плавсредства, все испытания оно выдержало.

Пока мы собирали катамаран и готовили обед, мимо нас проплыло несколько групп туристов. Вид у них был замерзший и нахмуренный. Особенно колоритно выглядела одна группа: в летних панамках, синие от холода, они тащили свой катамаран на буксире, так как выгрести против сильного ветра было очень сложно. Увидев нас, они с надеждой поинтересовались прогнозом погоды и, услышав, что холод продлится еще четыре дня, заметно приуныли. На лицах явно проступило выражение типа: «Какой черт занес нас на эти галеры?!» По их словам, когда они начинали путешествие, стояла жара, и оделись они соответственно, без учета

капризов уральской погоды. Мы, конечно, людям посочувствовали, но и поострили на их счет. А вот не надо хихикать, когда ближний твой падает в яму, пусть и не тобой вырытую! Если бы мы знали, какая нас ждет погода, мы бы так не веселились.

Первое, что мы сделали, спустив катамаран на воду — включили GPS (прибор системы глобального позиционирования), который Женя традиционно берет с собой на сплав. Умная машинка может запоминать нашу траекторию (ее интересно сравнивать с картой), регистрировать скорость передвижения, пройденную дистанцию и т.п. Кроме этих, безусловно, полезных функций прибор способен с помощью одного ему доступных вычислений определять прогноз успеха рыбной ловли в данном месте в данное время. Правда, нас он прогнозами не баловал и по большей части заявлял: «Так себе день!» (честное слово, именно эта надпись появлялась на табло). Ради справедливости, надо признать, что GPS в основном был прав, и результаты рыбалки редко поражали своими масштабами. В силу редкости рыболовных успехов, к пойманной рыбе мы относились с уважением, каждой давали имя, в каждой видели яркую индивидуальность.

Интересный природный феномен: на уральских реках, куда бы они ни поворачивали (подчас на 180 градусов), ветер всегда дует в лицо. Временами сила встречного ветра была такова, что, при усердной гребле в четыре весла, мы двигались с черепашьей скоростью или вообще стояли на месте. GPS хладнокровно регистрировал наши успехи: 0,3 км/час; 0,2 км/час; 0,0 км/час. Поскольку ветер был весьма холодный и пронизывающий, да еще и частенько шел дождь, мы, в основном, сидели на катамаране в плащах-дождевиках. Ветром дождевики раздувало, и мы были похожи на небольшие аэростаты, привязанные к плоту. Из аэростата часто высовывалась только макушка его владельца да рука с веслом, фотоаппаратом или





бутылкой с чем-нибудь горячительным — по интересам.

В начале пути мы еще были полны оптимизма по поводу предстоящего улучшения погоды. Любкой просвет в облаках радостно приветствовали и уверяли друг друга, что вот этот клочок голубой материи размером с носовой платок пигмея и есть наше настоящее небо. Однако эти лоскутки быстро уносило ветром куда-то вдаль, оставляя над нами надежный серый брезент дождевых облаков. Поскольку дождь шел почти всегда, на его мелкие капли мы уже не обращали внимания. Как-то раз, когда с неба снова заморосило, кто-то недовольно проворчал: «Ну во-от, опять дождь!» Женя, в ответ ему: «Какой это дождь, это крупный туман!».

Если вечером туман был особо крупный, привередничать при выборе поляны для ночлега не представлялось возможным. Как-то раз ночевали на поляне, главной достопримечательностью которой была огромная куча мусора. Спасибо, что хоть свален он был в одном месте, а не разбросан по поляне. Роскошная помойка оказалась местом паломничества местных бурундуков. Вечером мы их видели только мельком, познакомиться поближе не удалось, так как по поляне все время кто-то бродил, и бурундуки пугались. Ранним, еще темным, утром бурундуки начали



бегать по поляне и помойке и топтать, как стадо слонов. Впрочем, может это и были слоны, — я не выходила посмотреть. Фотоохоту (успешную) мы с Олей устроили, когда уже рассвело (4). Мы и позже, когда вся группа встала, пытались подкараулить полосатого аборигена. Итогом долгого сидения в засаде был приход Леши, который радостно провозгласил: «А что это, девчонки, вы тут одни сидите? Я пришел к вам пообщаться!». Бу-



рундук обиделся, что пришли не к нему, и удрал.

Ниже урочища Журавлик по течению расположена череда живописных скал: бойцы Сплавщик, Дужной, камни Новиков, Кобыльи Ребра, Ростун и др. Вообще, описывать многочисленные чудовские скалы — занятие неблагодарное: про них и так все знают, читали и видели своими глазами или на фотографиях. Поэтому я это занятие оставляю и отмечу лишь некоторые исторические памятники и места, которыми также изобилует Чусовая. После Ростуна в нее впадает знаменитая речка Серебрянка, по которой Ермак переваливал на своих стругах Уральский хребет. В устье Серебрянки стоит памятный знак — деревянный крест. Несмотря на дождь, мы его сфотографировали. Вообще, дождь представлял серьезное препятствие для фотографии: мало того, что большинство снимков получилось в мрачных серых тонах, так еще и некоторые объекты снять не удалось — жалко было доставать камеру под проливным дождем. Похоже, учитывая климат на Урале, пора приобретать подводный бокс для фотоаппарата.

В самые холодные дни мы одевались подобно кочанам капусты и иногда смотрелись очень комично. Например, Андрей, надевший капюшон от дождевика поверх капюшона от куртки, поверх капюшона от «толстовки», выглядел, как старая дама в чепце с воланами, а

Женя в шапочке с прорезями для глаз и рта — как японский ниндзя, пострадавший от русских морозов. Поскольку ощущения сырости и холода стали для нас привычными, любая возможность погреться у костра использовалась по максимуму. Причем иногда хотелось целиком в этот костер залезть. В очередной раз, испытывая такое желание, я грела у костра ноги, вся группа по очереди бодро предупредила меня, что подобные мероприятия обычно кончаются расплавлением сапог. Не менее бодро я отвечала им, что таких казусов со мной отродясь не бывало, я, мол, слежу внимательно за своей обувью. И надо же было в костре попасться консер-



вной банке, к которой я ненароком прислонилась краешком подошвы. Банка, естественно, была раскаленная, сапог, соответственно, расплавился. Дырочка получилась хоть и крошечная, по мокрой траве ходить можно, но в воду уже не зайдешь — пропускает. Я безуспешно пыталась приобрести обувь в деревнях ниже по течению, но в местных магазинах все сапоги были раскуплены, вероятно, по причине «отличной» погоды. Попытки заклеить дырочку также ни к чему не привели. В результате все оставшееся время сплава при необходимости пройти по воде, я просто скакала на одной ножке. Думаю, что развлекла не одну группу туристов подобными упражнениями.

На пятый день пути мы прибыли в с. Кын, где находятся руины одного из Строгановских железоделательных заводов. Здесь заканчивается большинство туристических маршрутов по Чусовой. Когда мы приплыли в село, весь берег возле старой пристани был заполнен туристами, которые разбирали свои плавсредства. На их лицах сияла откровенная радость, что вот, мол, наконец-то вместо мокрой насквозь палатки, они будут ночевать сегодня в сухой постели или как минимум на сухой полке плацкартного вагона. Кроме завода господ Строгановых и пристани для барок, в Кыне находится церковь постройки 1861—1864 гг. и здание кооперативной лавки, принадлежавшей первому на Урале



потребительскому обществу. Мы пошли осматривать этот музей под открытым небом. Леша водил нас от достопримечательности к достопримечательности и подробно рассказывал про каждый замшелый камень. Леша — кладезь информации по истории Урала. И неизменно поражающий всех своей эрудицией. Мы с Олей выхватывали блокнотики и со словами: «Помедленнее, я записываю!», — конспектировали бесценные сведения.

Пока были в Кыне, два раза налетали грозовые тучи: одну грозу мы переждали внутри полуразрушенной церкви, другую — в местном магазине. В общем, погода не обещала особых перемен, и наше желание продолжить путешествие вызвало недоуменные взгляды ту-

ристов, снимавшихся с маршрута в Кыне. Отчаливали мы в благодушном настроении (в этот момент неожиданно выглянуло солнце), но, когда обернулись назад, захотелось погresti очень быстро или даже купить где-нибудь водометный мотор, а еще лучше — вернуться и сняться с маршрута вместе со всеми здравомыслящими людьми. С тыла наше судно, неумолимо сокращая расстояние, нагоняла зловеще-свинцовая туча. Передний край ее был выгнут по широкой дуге, и было похоже, что нас накрывает черным крылом то ли циклона, то ли дракона, то ли местного чувовского Змея-Горыныча (17). Ничего хорошего наблюдаемая картина не предвещала, и мы стали надевать дождевики и готовить

тент — через пару минут все это весьма пригодилось.

Полиэтиленовый тент в этой поездке стал самым необходимым оборудованием после весел. Когда туман был не очень крупным, мы довольствовались плащами-дождевиками, когда же туман сильно укрупнялся и начинал хлестать отвесными струями, — мы накидывали тент на вещи и на себя и переждали «укрупнение» под тентом. Поскольку погода менялась иногда по несколько раз в течение часа, накидывание и сбрасывание тента было доведено до полного автоматизма. Во второй половине маршрута эта процедура занимала секунды две-три и выполнялась не без некоторого даже изящества движений.

Во время очередной тренировки навыков выполнения команды «В укрытие!», на тент прилетела маленькая крылатая тварь, чрезвычайно похожая на комара, только с дико выпученными глазами. Сейчас же начались энтомологические изыскания по поводу принадлежности летучей живности к какой-либо систематической группе насекомых. Сошлись на том, что это все-таки комар, а глаза у него выпучены от голода — туристов-то кроме нас почти нет, есть некого. Ниже Кына по течению туристы, действительно, стали редкостью, мы плыли по почти безлюдной реке. Иногда было даже удивительно, что перед нами Чусовая — уральская «туристическая Мекка».

Первая половина следующего дня, когда мы проплывали деревни Верхнюю и Нижнюю Осянки, выдалась на редкость удачной: солнце не раз выглядывало из-за туч, температура воздуха стала отдаленно напоминать летнюю. Мы постепенно снимали с себя многочисленные свитера, из которых в центре катамарана образовалась внушительная куча. Около получаса мы с Олей провели в одних водолазках, с непривычки чувствуя себя при этом как в глубоко декольтированных платьях. Экипаж катамарана воспрял духом, решив, что наступил перелом в погоде. Но после обеда небо опять затянуло,



резкий сырой ветер развеял все наши надежды.

Пока искали стоянку, туман заметно укрупнился, и мы причаливали, ставили палатки и искали дрова уже под проливным дождем. Чтобы приготовить ужин, пришлось натянуть тент между деревьями, так как костер просто заливало. Я поужинала макаронами пополам с дождевой водой и ушла спать. Дождь хлестал всю ночь. Утром, проснувшись под удары капель о тент, я выяснила, что остальные до утра сидели у костра, не решаясь разойтись по своим мокрым палаткам, и, соответственно, не выспались. И вообще, провести еще один день на катамаране под дождем никто уже не имел душевных сил, поэтому была объявлена дневка. Согласно известному закону, касающегося блюда, состоящего из хлеба с маслом, после того, как народ разбрелся по палаткам досыпать, погода значительно улучшилась. В этот день солнце часто выполняло свои прямые обязанности, и дождь только изредка накрапывал, а не лил интенсивными потоками. Мы с Олей погуляли по окрестностям, сфотографировали тычинки и пестики на всех цветах поляны, сделали портреты всех божьих коровок в фас и профиль, снимали даже какие-то гнилушки и заячьи «орешки». Когда все это было добросовестно выполнено, я решила, что надо как-то

разнообразить занятия, а также восполнить дефицит физической нагрузки, случившейся ввиду отсутствия гребли, и порубить дрова. Моя инициатива была воспринята коллективом с чрезвычайным энтузиазмом. Через некоторое время на поляне воцарилась идиллическая атмосфера: я рублю дрова, Оля меня фотографирует, мужчины уютно расположились в раскладных креслах с баночкой пива, наблюдая радующую глаз картину измельчения сухостоя. В общем, каждый нашел дело по душе, вечер пролетел незаметно.

Следующей чудовской достопримечательностью, которую мы посетили, были руины Коноваловского завода, расположенные рядом с местом впадения р. Сылвицы в Чусовую. Лесопильный завод начали строить в начале века, но так и не закончили. Сейчас на поляне стоят полуразрушенные стены его корпусов и опоры узкоколейки. Наиболее хорошо сохранилась невысокая шестигранная башенка, в которую попасть можно только через подземный лаз.

Когда заезжали в последнюю деревню, купили разные бакалейные мелочи, в том числе, пакетик с козинаками. Продавщица сложила наши покупки в пакет с роскошной девичьей – обладательницей бюста, похожего на воздушные шарик, и предельно минимизированного купальника. Ночью я слышала мы-

шиную возню (в прямом смысле) возле своей палатки, но мои вещи не пострадали. А вот пакет с девичьей и козинаками, хранившийся у Оли, оказался прогрызен как раз в районе сногшибательного бюста, половина сладостей была успешно уничтожена мышиним населением стоянки. Удивляться не приходится – какая уважающая себя мышь откажется от подсолнечных семечек, да еще с сахаром?! По всему видно, на этой поляне проживают мыши с ярко выраженным самоуважением, а вот девица с умопомрачительной фигурой оставила их совершенно равнодушной.

В конце путешествия мы решили внести разнообразие в монотонную сырость наших ночлегов и переночевать в туристическом приюте «Филин» в д. Усть-Койва (30). Помылись в натопленной на совесть бане и уснули в сухом теплом домике. Утром встали: на небе те же тучи, на тех же местах, только



еще более неприветливые. Туман снова укрупнился. Сибаритство подорвало наше мужество и выносливость, и мы остались в Усть-Койве еще на сутки. И только после полной просушки вещей экипаж катамарана попрощался с гостеприимными хозяевами и решил закончить маршрут.

Ниже Усть-Койвы, на правом берегу Чусовой, находятся развалины лагеря «Створ»: остатки стен, столбы с колючей проволокой, двухъярусные железные нары, заросшие кустами и травой провалы каких-то подземных помещений, — так и хочется сказать — казематов. Довольно мрачное место, даже в хорошую погоду.

На одной из полян в конце пути мы видели ящик для писем, прибитый к сосне (37). Интересно, это белки между собой переписываются, или туристы оставляют свои ноты протеста против плохой погоды? Мы бы тоже, пожалуй, напи-



сали в небесную канцелярию, — да бумага давно размокла.

Финиш нашего путешествия состоялся в г. Чусовом. Разбирая на берегу катамаран, мы наблюдали забавную картину. Посреди Чусовой, довольно широкой в этом месте, «аки посуху» ходил какой-то

мужик, погружаясь в воду меньше, чем по щиколотку (38). Живо вспомнился эпизод с героем Андрея Миронова в фильме «Бриллиантовая рука».

Мы погрузили вещи в машины, попрощались (половина группы ехала в Пермь, половина — в Екатеринбург) и отправились в обратный путь. Отъехав от Чусового, поднялись на холм, впереди, сколько хватало глаз — чистое безоблачное небо. Оля позвала меня обернуться со словами: «Ирина, смотри, вот оно, наше небо!». Я обернулась и увидела на фоне ярко-синего небосклона треугольник серых туч, вершиной упирающийся в Чусовую. Что ж, в этом году погода нас не баловала, но разве это главное? Все равно, я люблю тебя, Чусовая!

Автор выражает искреннюю благодарность А.В. Иванову за интересные экскурсии по историческим местам Чусовой.



Сон в мешке

на что обратить внимание, выбирая спальник

Когда вы собираетесь покорять новые горизонты или просто отдохнуть пару деньков на природе, особое внимание необходимо уделить не только выбору партнера, с которым окажетесь в одной связке (палатке), но и выбору спального мешка, который поможет вам тогда, когда не выручит напарник. На первый взгляд, спальник — приспособление в достаточной степени примитивное — как может подвести скрученное трубочкой одеяло? Конечно, со времен перехода Суворова через Альпы революции в устройстве спальных мешков не произошло. Однако сегодняшние спальники отличаются от тех, в которых спасались от холода в то время так же, как только что изобретенное колесо от гоночного автомобиля. Сегодня спальные мешки имеют множество модификаций. Опытному туристу и вовсе приходится иметь в своем распоряжении несколько спальников: для походов разной категории сложности. При выборе искомого мешка следует обратить внимание на ряд основных критериев.

Хорошо сложен

Для начала следует решить, куда придется путешествовать с данным спальным мешком: в лес, в водный поход, в горы или же на пикник.

Для выезда на природу или для, так называемого «туризма выходного дня» есть резон приобрести облегченные спальники типа «одеяло». Прямоугольное полотнище, складывающееся пополам и с двух сторон

застегивающееся на молнию. Они наиболее доступны по цене и имеют минимальный набор дополнительных приспособлений. Главный критерий для таких моделей — удобство. Выбирая спальник-одеяло, следует обратить внимание на наличие разъемной молнии, которая дает возможность состегивания. — К одному спальнику в любой момент можно присоединить другой, что в итоге дает «семейный» вариант. В подобного рода поездках легкость и компактность спального мешка не играют главенствующей роли, поэтому предпочтение следует отдать «одеяльному» варианту.

Модель спальника с капюшоном и донышком под названием «кокон» — широкая сверху, но зауженная к низу, — подходит для серьезных вылазок. Такой спальник можно использовать в многодневных походах или при восхождениях на гору. Это — традиционный спортивный вариант, который отличается компактностью (в силу отсутствия углов). Глухая конструкция «кокона» предупреждает попадание внутрь холодного воздуха. При пошиве применяются более прогрессивные материалы и утеплители, поэтому стоит такая модель дороже, и в случае с недолговременными пикниками можно без него обойтись. В кемпинге она принесет отдыхающему только множество неудобств.



KIRUNA

Для пешего туризма, для экскурсий, для семейного туризма и еще множество групп и категорий, среди которых каждый найдет для себя нужное.

Ткани: внешняя — Soft Nylon Taffeta, внутренняя — T/C Polycotton.

Застежка: левая/правая «молния».

Размеры: 195x85x56 см.



NORTH POLE

Анатомическая конструкция «кокон +», углубленный термический капюшон. Левый и правый варианты «молнии» с двойным замком, внутренний карман, вешалки для сушки. В комплект входит чехол — компрессионный мешок.

Конструкция: верх — три слоя, низ — два слоя.

Материалы: внешний нейлон Ripstop, внутренний — нейлон.

Утеплители:

тепло — жарко — горячо

Для базового лагеря лучше выбрать спальник с синтетическим утеплителем, не особо боящийся сырости и влаги. При путешествии в горы выбор спальника особенно важен, поскольку рассеянность и утомляемость в результате недосыпания могут сыграть злую шутку даже с бывалым спортсменом. Поэтому пуховый наполнитель для спальника здесь — идеальный вариант. По легкости, несминаемости и теплоизоляции пух занимает пока лидирующие позиции, поэтому такие спальники чаще всего используются в



ARCTIC CIRCLE 195

Для путешествий в Заполярье или высокогорье.

Такой спальник нужен тем, кого спрашивают: «Как лето перезимовал?»

Утеплитель: Polarguard 3D.

Вес утеплителя: 1400 г.

альпинизме и горном туризме. Для восхождения альпинисты часто выбирают «пуховую ногу» (укороченный до пояса вариант). Существенный минус данного утеплителя — притягивание пухом влаги (гигроскопичность). Влажный пух теряет свои теплоизолирующие свойства, сбивается в комки и начинает гнить уже через два-три дня. Высушить же пуховый спальник в походе — задача сложная. К тому же, пуховые спальники очень привередливы в уходе: их приходится стирать вручную с применением специальных средств, нельзя сушить их, подвешивая за край; в общем, процесс чрезвычайно деликатный.

Помимо пуха в качестве утеплителя в спальниках применяются самые разные материалы. В скромных моделях используют, как правило, синтетический наполнитель. Синтепоновые спальники являются самыми дешевыми. Именно они хороши для пеших и, особенно, водных походов в районы с неустойчивой, но относительно теплой погодой. Обычно они легкие, мало впитывают влагу и быстро сохнут. Однако за несколько серьезных походов слеживаются и становятся почти в два раза тоньше и холоднее и тепло они держат несколько хуже, нежели пуховые. Главный критерий здесь — ценовая доступность. В последнее время все чаще в изготовлении применяется «синтепух»: силиконизированный нетканый материал термической обработки. Туристам он известен под названием Hollowfiber. Он практически не сминается, а потому особо любим путешественниками. Среди других наиболее распространенных вариантов используемых син-

тетических утеплителей отметим Thermolite и более прогрессивные Polarguard, Hollofil, Quallofil, Thinsulate — спальники с синтетическими полыми наполнителями. Структура этого материала состоит из длинных и тонких полых трубок, что дает высокие теплоизолирующие свойства. Эти материалы легче пуха в 1,5-2 раза при том же объеме, хорошо уминаются, почти не отсыревают, а если промокают, то греют даже мокрые. При этом спальники с полволоконными наполнителями довольно легки в уходе: их можно стирать в машине, они легко сохнут. По температурным показателям немного уступают пуховым, однако, теплее синтепоновых. Такие мешки особенно хороши, когда ожидаются большие перепады температур и влажности.

Внутренняя и внешняя ткань

В качестве наружных тканей для спортивных спальников используются различные модификации нейлона или полиэстера. Пуховые спальники обшиваются специальными материалами, которые оптимально «держат» пух, такими, как Pertex, Ultrex. Одним из наиболее распространенных вариантов внешней ткани является текстурированный нейлон — рипстоп — с мембранным напылением, защищающим от проникновения влаги внутрь и при этом позволяющим ткани «дышать», то есть отводить влагу от тела наружу.

Внутренняя подкладка изготавливается преимущественно из смесевых тканей (например, Polycotton — смесь полиэстера и хлопка) и обладает антиаллергенными свойствами. Некоторые фирмы для достижения максимального комфорта используют натуральный хлопок.

Зависим от погоды

Выбирая спальный мешок, убедитесь, что экстремальные температуры, на которые он рассчитан, со-



TRAVEL

Утеплитель: Hi Isoterm Technofibre 120 г/м²

Ткань (внешняя, внутренняя): 210 T Poly Ripstop Light / Soft Polycotton Ponge.

Есть возможность состегивать спальные мешки между собой.

Размеры: 230x80x55 см.

ответствуют погодным условиям местности, куда вы направляетесь. Пуховая подушка спального мешка позволяет выдерживать довольно большой диапазон внешних температур. Классический вариант для восхождений — от +5 до -20 °С, от 0 до -35 °С и от +5 до -40 °С. Но это вовсе не означает, что в данном спаль-

нике можно запросто выдерживать даже трескучий мороз. Данная амплитуда температур отражает так называемый «уровень комфорта» — температурный диапазон, при котором человек чувствует себя наиболее комфортно. Как правило, в паспорте спального мешка показатель обозначает промежуток между «экстремальными температурами». То есть при температурах выше первой цифры вы будете чувствовать себя комфортно, между первой и второй цифрами вам придется пододеть что-нибудь теплое, а при температурах ниже второй цифры, возможно, придется бороться за выживание.

Не стоит забывать: греют в спальнике его верхняя и боковые части. Низ спальника под вашим весом сжимается настолько, что утеплитель уже не действует. Укладывая спальник в рюкзак, старайтесь, чтобы именно эта его часть прижималась к основному грузу, и его вес сминая бы именно её, бесполезную во время сна. Садясь на спальник, обязательно расстегните его, не надо мять его верхнюю часть — самую теплую сторону спальника. Если в спальнике холодно, то положите что-нибудь мягкое и теплое под спину, между спальником и ковриком — это даст самый большой эффект.

Бонусы

Спортивные модели спальных мешков снабжены некоторыми «бонусными» атрибутами. В первую очередь, это касается наличия разъемной защищенной «молнии». В ее устройстве защитой от холодного воздуха служит утепленный клапан (кулилка). Встречаются и специальные воздухо непроницаемые



TOP COMFORT

Предназначен для межсезонья и прохладного лета.

Утеплитель: гусиный пух 800 г.

Ткань: Poly Taffeta XR Cire.

Размеры: 230x185x75 см.

Пакуются в компрессионный мешок.

«молнии», которые имеют особую, прорезиненную структуру.

В спальнике обязателен закрывающийся подголовник. У спортивных моделей он выполнен в капюшонном варианте, а потому весьма эффективен. Кроме того, в районе груди по всему контуру спальника прошит затягивающийся пуховый воротник, практически исключая возможность проникновения холодного воздуха внутрь.

В некоторых моделях предусмотрен внутренний карман, в котором для надежности обычно хранят фонарик, батарейки или рацию.

Если вы обнаружили петли внизу спальника, не стоит пенять на разгулявшуюся фантазию дизайнеров, — это вещь полезная, особенно, когда сушишь мешок на ветру.

Попутного ветра!



Я — из Азигулово

Бабушка

А пока мое детство продолжалось.

В конце августа — начале сентября, когда осенняя страда стала набирать силу, моя бабушка оставалась дома одна. Ее дочь, Хатима-апа, работала по-прежнему заведующей на зерновых складах и на току. А зерно возили днем и ночью, поэтому она забегала ненадолго домой и опять надолго пропадала на работе. Чтобы бабушке не было одиноко и скучно одной, родители отпускали меня к ней на ночь.

Бабушке тогда было около 60 лет. У нее было спокойное, приветливое лицо человека, пережившего свои невзгоды. Черные с густой проседью волосы заплетены в косу и убраны под чистый платок, повязанный за углы. Была она подвижная, но несуетливая.

Покончив с вечерними делами, она зажигала в темнеющих сумерках керосиновую лампу, ставила на стол все еще пыхтящий самовар, доставала из подпола густую сметану.

Мы садились рядом, и бабушка начинала нараспев читать пожелтевшие от времени, хрупкие страницы мусульманских книг, написанные арабским шрифтом. Тогда различные бесенята и ангелы, казалось, дразнили меня из сумрака углов, я крепче прижималась к теплому и мягкому боку бабушки, боясь оглянуться и увидеть тех или других.

Иногда она начинала вспоминать свою жизнь, и я уносилась в ее сказочную и далекую быль...

(Окончание. Начало в № 8, 2007 г.)

В молодости моя бабушка была удивительно красива. Белолица, черноока, черноволоса, румяна. И к тому же была богатой невестой.

Летними прозрачными вечерами в дни ее юности молодежь выходила порезвиться на широкую поляну на берегу речки Старой Уфы.

Она уже была влюблена и любима — ее друг, чуть ее старше, работал писарем. Он мечтал увезти ее тайком, лишь бы она согласилась. Время летело быстро, вот и грянул гром: за мою юную бабушку посватался сорокалетний вдовец. Конечно же, он был богат. И конечно, отец ее дал согласие.

Перед свадьбой полагалось затопить баню, и она с подружками пошла купаться. Мать, зная об исстрадавшейся любви дочери, не грозила, не просила, только отозвала в сторонку и прошептала ей:

— Доченька, если ты убежишь с тем, кого любишь, твой отец убьет меня.

А лошади, запряженные и готовые умчать, стояли недалеко и ждали ее. Слова ли матери удержали ее, или Джульеттой рождаются не все, но она отправила свою подругу к писарю — сказать, что все кончено, и она просит ее простить и забыть...

Вдоволь наревевшись вместе с подружками, красная от бани и слез, она вернулась домой, чтобы сказать «да» нелюбимому человеку...

Муж ее любил и берег, но ответить тем же она не смогла, хотя была послушной, работающей,

верной женой. Родила ему дочь и троих сыновей. Едва встав на ноги, дети начинали помогать в хозяйстве — кормили птицу, а с появлением цыплят и гусят начинали оберегать их от ворон и кошек. А ее дочка, сама еще воробушек-желторотик, уже с пятилетнего возраста мыла в доме посуду, некрашенные полы, выскребывая их до стерильной желтизны ножом.

Богатство их приумножалось в работающих руках, привыкших находить себе работу, куда светило за окном солнце. Торговое дело ее мужа давало небольшой, но надежный доход: иголки, спички, соль, мыло нужны людям всегда и везде.

Так они прожили чуть больше пятнадцати лет.

Окружающая их жизнь за это время неуловимо и зловеще переменялась. Старые привычные ценности теряли цену, появлялись новые. Не трудолюбие и обеспеченность ценились теперь в человеке, как в старые времена. Идеюность. Вера в другие, красивые и очень голосистые идеалы. А у тех, кто от души работает, наслаждаясь самим трудом и результатом труда, не было времени на эти новые идеи. Но за всем новым стояла реальная и безжалостная сила. И вот за недоимки новая власть распродала их дома, все подворье со скотиной, зерно и муку. Все это пошло по таким ценам, что не покрыло и десятую часть долга. Кто был всем, тот стал ничем.

На бабушке осталась ее платье и платок на голове, на дочери — пуховая шаль. Не теплее



Мои бабушка и дедушка с детьми и внучкой. Год 1955

были одеты и другие члены «кулацкого» семейства. Жить им теперь было негде. Уйти некуда. В свой колхоз их, врагов, не брали. Зимой ее мужа вместе с тремя старшими детьми отправили работать на лесоповал. Дети, утопая в сугробах, в течение всего светового дня собирали и жгли сучья. Здесь их всех хотя бы немного кормили.

Бабушка с младшеньким сыном, которому еще не было 8 лет, осталась в деревне.

А летом дочь отпросилась у отца поехать в далекий шахтерский городок. Отец отпустил ее, но больше свою любимицу не увидел — до следующего лета он не дожил. Вернувшись домой после перенесенного тифа, дочь застала мать одну, без отца, вначале с тремя, а потом с двумя мальчишками: младшего усыновили и увезли с собой далекие бездетные родственники. Мальчишки ходили по деревням, выпрашивали подаяние. Кто-то подарил им старую гармонь, они

научились петь и играть — зарабатывать милостыню.

Голодно и трудно было выжить. Дочь опять уехала в город на учебу с двоюродным братом из соседнего села, а мать не могла дать ей денег даже на дорогу. Но время шло, мальчишки подрастали, а все еще красивая женщина притягивала мужские взгляды.

К ней посватывался один из теперешних — секретарь сельсовета, вдовец с тремя детьми, ее ровесник, лихой усач.

Говорил он категорически:

— Или выйдешь за меня, или ни за кого не выйдешь, решай, — они были крутыми те, кто у власти, во все времена.

Он ей нравился. И он давал надежду.

Наконец-то у нее опять появился свой дом, большая семья: еще две девчонки и сын, чуть младше ее собственных детей. Казалось, жизнь начала налаживаться: грело тепло своего очага, были сыты и одеты дети, рядом — дорогой человек, а беда опять

ждала, подстерегала поблизости. Ей было 46 лет, когда началась война: мужа на фронт не взяли. Старший сын погиб в самом начале войны. Второй сын попал на передовую ближе к концу войны, уцелел. Пропал без вести муж ее дочери-первенца, летчик. Но все заканчивается в этом мире: и хорошее, и плохое — утихла и буря войны.

В мирских привычных заботах крутилось время. Вот и дети выросли, разъехались, обзавелись семьями. С ними осталась только младшая дочь мужа. Муж совсем слег, его мучила давнишняя астма.

Я еще чуть помню деда, лежавшего на высоких подушках, и его всегда тяжелое, свистящее дыхание. Бабушка учила меня, крохотную, молитвам, и дед, подкручивая свои все еще длинные усищи, смешливо приговаривал:

— Вылечишь меня, внучка, куплю тебе новое красивое платье.

Я старалась. Нашептывала бабушкины молитвы, наговоры, прогоняя болезнь, и однажды заявила ему с детской нетерпеливой прямоотой:

— Я лечу тебя, лечу, а ты и не вылечиваешься, и не умираешь...

Что потом было! Донельзя разобиденный дед непременно хотел докопаться, чьи слова повторило это наивное дитя?

— Ты же мне новое платье обещал купить, я жду, жду, а ты все не выздоравливаешь, сколько можно ждать? — растерянно оправдывалась я, не понимая причины его гнева.

— Плохо, значит, лечишь, вот и не могу никак выздороветь, — дед, немного успокоившись, поглаживал усы, — чаще приходи ко мне в гости, редко приходишь...

Он так и не купил мне обещанного платья, мой лихой дед.

Они остались вдвоем: бабушка и ее неродная-родная дочь. Очень похожая на отца и лицом, и характером, она держала большое хозяйство, построила со временем новый дом и работала



Хорошо гулять летом по окрестностям Азигулова. Год 1958

полными сутками в весеннюю и осеннюю страду. Хватки и кипучести в ней было больше, чем у иного мужика. Бабушке было с ней трудновато ладить: обе были совсем непокладистыми.

Обо всем этом тихо и неторопливо рассказывала мне долгими сентябрьскими вечерами моя бабушка. Утром, с рассветом, она давно на ногах, а мы сладко спим, раскинувшись на широкой и мягкой бабушкиной перине — я и серый помурлыкивающий во сне кот...

Однако в то утро я проснулась очень рано от чужого мужского голоса. Испуганно прислушалась. Мужчина неторопливо рассказывал о том, что жена недавно умерла, и он остался один, а дети разлетелись. Звал бабушку к себе в дом хозяйкой, в соседнее село. Бабушка слабо отговаривалась:

— Ну, какая из меня жена, я уже успела привыкнуть к одиночеству. Да и не могу я так просто уехать, как я оставляю дочь?

— У твоей взрослой дочери своя судьба, у тебя — своя. Давай попробуем, мы же друг друга с детства знаем, ты мне всегда нравилась. 60 лет — это еще не конец жизни. Возьми свою одежду,

на улице привязана моя лошадь. Поедем со мной, решайся...

До меня дошло самое главное — мою бабушку хотят куда-то увезти. Сорвалась с постели, влетела в комнату. Чужой, высокий суховатый старик с белой окладистой бородой стоял перед бабушкой, ласково держа ее за руки, а она светилась легкой, незнакомой мне полуулыбкой. Ужас захлестнул меня, и я бросилась на ее защиту:

— Не отдам тебе мою бабушку! Уходи! Не отдам! — я прижалась к ней, крепко обхватив руками.

— Ребенка перепугал, уезжай, — сказала она, тихо глядя меня по волосам. — Уезжай, я не поеду с тобой.

— Я вернусь за тобой, дай знать, если передумаешь, — он уходил чуть шаркающей отяжелевшей походкой.

Я не заметила у бабушки горькой, приглушенной улыбки, когда она обняла меня:

— Не бойся, маленькая, я никогда от вас не уеду.

Наверно сейчас я бы сказала, что этот старик был по-своему красив: еще крепкий и жилистый; ясные карие глаза смотрели мягко и чуть насмешливо. Густая

белая борода делала его чем-то похожим скорее на святого, чем на страшного похитителя бабушек.

Мы подошли к окну. Белая лошадь и белый дед, сухой и жалобный скрип повозки и лучи нежаркого утреннего солнца бабьего лета вдоль улицы...

О чем тогда думалось бабушке? О том ли, что ее судьбу слишком часто решали другие? Или о том, что ее женское счастье было так неверно, так кратко? Или о том, что не в первый раз сказала она своей судьбе — нет?

Слишком слабой она оказалась или наоборот — была сильнее своей судьбы? Не кидалась за ее дарами, не бегала за своим счастьем? Не знаю... да она и сама не знала ответа: жила, как жилось, поступала так, потому что иначе не могла. Без долгих раздумий, без мучительной борьбы с собой. О том, что сделано — не жалела.

Время калечило, а люди жили и были счастливы. Вопреки времени.

Окажемся ли удачливее мы, поколение их детей и внуков?

Ждать ответа мне еще предстояло долго-долго...

Алла ГОРЕЛИКОВА

Этот город...

Город умирал.

Сто тысяч жителей привычно крутились в повседневных заботах. Работали. Получали зарплату. Тратили. Все как обычно. Так же, как было когда-то, как будет потом. Обычно люди и знать не знают, жив их город или нет. А мертвых городов намного больше. Это факт. Данность.

Тлен и запустение, думал город подхваченную у кого-то из людей мысль. Ветер несет к реке бумажки, пластиковые стаканчики, обрывки кульков. Пахнет бензином и первой зеленью. Цветут по переулкам пролески, пробиваясь сквозь сугробы старых окурков. Тлен и запустение. Люди не умеют выделить их из бесконечности окружающих фактов. Поэтому люди живут даже в мертвых городах.

Катятся по тротуару пластиковые стаканчики. Ветер шуршит рваными пачками из-под чипсов, смятыми фантиками, уголками плохо приклеенных афиш. Ветер несет обрывки чужих мыслей. *До получи... Шевелить лапками... Скотина... В холодильнике... Две бутылки... Тлен и запустение...*

Как всегда по весне. Ранняя весна — это, ребята, просто ужас. И уши не заткнешь, что самое противное.

Нет никаких чужих мыслей, обрываю я себя. Все ты придумываешь. Депресняк у тебя, дорогуша, только и всего. Самый обычный весенний депресняк. Обострение. Витаминов больше жрать надо. И по солнышку гулять. И не воображать себе всякой ерундистики.

Сажусь на лавочку, вытягиваю ноги. Прячу озябшие ладони в рукава ветровки. *Ветер, ветер, ты молчи... На донышке... Утюг!.. Как я ее вчера...*

— Эй, бухгалтерия, перерыв кончается! Хорошо расслаживаться.

— У меня, между прочим, имя есть.

— Да ладно тебе... что делаешь вечером?

Топиться иду... заколебали!

— Отвали. Отвали, кому сказала! Козел, куда лапы тянешь!

Отпихиваюсь. Вскокиваю. Бегу. Обгоняю пластиковые стаканчики, мятую фольгу, обрывки мыслей.



Алла Анатольевна Гореликова родилась и живет в Таганроге. Окончила Московскую Ветеринарную академию и Таганрогский Государственный Радиотехнический университет (менеджер-экономист). Как писатель-фантаст публикуется с 2004 года. Пишет в жанрах фэнтези, космооперы, социальной нф, сказки. К настоящему времени опубликованы романы «Корунд и саламандра», «Серебряный волк», «Полукровка», около двух десятков рассказов, больше ста статей и рецензий.

— Эй, да что с тобой?! Да стой же!

Дура... Другую... Перерыв...

Вот интересно, если в самом деле утопиться пой-ти, что будет?

Ну и вопросыки... умру, вот что!

Умираю. Факт.

Ну и что? Кому какое дело? Вон она, река. Вода свинцовая... тяжелая, наверное... глюкнуться с моста, сразу судорога хватит, и не вспомню, что разряд по плаванию.

Бреду по набережной, всхлипываю — дура ду-рой... как же всё достало!

Факт?

— Нет, просто... всё достало, все достали... смысла нет.

Не факт.

— Ну да. Знаю, истеричка. Дура. Ненормальная. Тридцать скоро, а ума, как у восьмиклассницы, — под ноги подворачивается банка из-под пива, грома-хающая, так и напрашивается на пинок. — Достало. Надоело. Не хочу, — катится, гремя, обгоняет хлип-кие полупрозрачные стаканчики. Хоть ее попинать, и то хлеб: душу отвести. — А что, имею право! Моя жизнь. Задолбали. Коллеги. Начальство. Отчеты. Работу домой на выходные, — банка, не выдержав побоев, перелетает низенький парапет и уплывает, покачиваясь. Кричу вслед: — И город этот, из кото-рого даже в отпуск не вырвешься, да! А вот хрен вам всем!

Нет. Я не... никого...

Кто это — ты? На стене открылся люк, что ли? Взмагаю на мост, останавливаюсь, не доходя до се-редины. Над быстринной. Ой, а перила-то какие хо-лодные... и до воды как далеко! Слушай, дорогуша, ну тебя с твоими идеями, ступай-ка ты на берег.

Город. Этот город.

Всё. Добегалась. Психушка по тебе плачет, милая ты моя. Может, всё-таки?... Раз — и... и никаких про-блем.

Проблемы останутся.

— Что?

Я умру. Проблемы останутся. Проблемы — ваши. Не мои.

— Город?

Да.

Ну-ну. Добегалась, точно. Весеннее обострение



во всей красе, такого у тебя еще не было. То чужие мысли проходу не давали, теперь с городом разговариваешь. И мало того, он тоже хочет умереть. Бред.

Нет. Хотеть — человеческое. Я — умираю. Просто. Факт. Данность.

— И почему?..

Не знаю. Неизвестно. Почему одни города умирают, а другие нет? Факт. Данность. Принять.

Ага. Значит, одни умирают, а другие нет? Города? Занятная проблема... а что, интересно было бы над ней подумать...

Вместе.

Свешиваюсь с моста, вода серая, стылая, голову кружит. Что? Прости, не расслышала.

Подумать. Умею, если вместе. Думать.

— Да ну? — Губы дергаются в короткой ухмылке. Смешно, да. Думать вместе с собственными глюками!

По стылой воде плывет, крутясь, обломок пенопласта. Тихо. И ветер почти чист от мыслей. Рабочий день. Перерыв кончился. Это что ж, у меня прогул пошел? А, плевать. Ты уж, дорогуша, определись с планами! То топиться собралась, а то вдруг о трудовой дисциплине забеспокоилась.

Пока город жив, он думает вместе с людьми. Это факт. Закон. Иначе нельзя.

— Ладно, — отрываю взгляд от воды с трудом, будто и он стал таким же свинцовым, стылым. Камня на шею не надо с таким взглядом, утащит сам собою на дно. — Уговорил, давай подумаем. Значит, одни города умирают, а другие нет? А ты жить хочешь?

Хотеть — это человеческое. Чувство. Эмоция.

— Ну и что? Ясен пень, человеческое. А то б я на

самом деле уже... того. — Речная стынь остается за спиной; на набережной, кажется, теплее градусов на пять. Но меня еще знобит. Чутьку стыдно и слегка мутит, и жалею, что снова не решилась. Уехать бы. Хоть куда. У меня эта хрень здесь началась. Шесть лет уже в этом городе, и как весна, так мысли. И ладно б хорошие, а то...

Оценки — человеческое. Ошибочное. Не годятся, неправильно думать оценками. Нужны факты. Я умираю, ты — нет. Это данность. Не хорошо, не плохо.

Заколебал уже своими "факт-данность-данность-факт-не-факт"! Эх, правильно я не хотела на бухгалтера идти, на этой почве крышу и сносит.

Визг тормозов.

— Куда прешь, ё...?! Жить надоело?!

— Ага.

— Тьфу, ненормальная!

Поняла? Неправильно. Оценка. Не факт.

— Ага, не факт! — Меня разбирает смех. "Не факт!" Психушка по тебе плачет, милая ты моя! Прогрессируешь. Скоро зеленых человечков углядишь. На летающих блюдцах.

Не факт. Неправильно.

Да погоди ты, я это не тебе! Так, тихо сам с собою. Лучше скажи, тебе думать нравится? Вот сейчас. Вместе. Нравится?

Оживаю. Факт.

— Помогает, значит? Так вот тебе и решение. Мыслью-следовательно существую и всё такое...

Нет. Я думал всегда. Все люди думают. Много. Думал с ними. Сначала жил. Потом умирал. Теперь думаю с тобой — оживаю.

— Ага, я тоже оживаю. До чего приятно в конце месяца подумать не о работе, ты не представляешь!

Ладно, давай с другого бока подойдем. Город, да уж... и давно живешь, город? Помнишь, как появился? Вряд ли с первым домом.

Помню. Пахнет бензином и первой зеленью. Цветут по переулкам пролески. Ветер шуршит уголками плохо приклеенных афиш. Весна... мысли...

Мысли? Весна и мысли? Тоже?..

Да, да... Мама пришла!.. Милая моя... Смотри, какой славный... Всё будет хорошо... Жизнь моя, счастье моё...

— Тетенька, вы почему плачете?

— Я? Плачу?

Ну да, плачу. С чего только? От чужих мыслей, что ли? Когда я от них плакала?! Обычно от них выть хочется и тянет на набережную, к стылой весенней реке... вот и всё.

Таких я, правда, и не слышала никогда...

— Я бабушку позову, хотите?

— Не надо. Правда, не надо. Всё уже прошло, спасибо... вот посижу у вас на лавочке...

Странно.

Странно.

Мы нашли?

Не факт.

Да замолчи ты! Задолбал своими "факт — не факт"! Нашли, я знаю. Я... слушай, можно тебе сказать? Спасибо. Хорошие мысли. Такие и в психушке утешат. В общем, поняла я, и ничего тут сложного нет. Просто грустно, потому и жить не хочется. Люди изменились. А мы с тобой, дорогуша, отстали от жизни. Приспособиться надо, а не получается. Вот и всё.

Не факт. Думали раньше. Думают сейчас. Но раньше я жил, а сейчас — умираю.

Еще какой факт, не сомневайся! Раньше-то что думали?

Хороший денек... Ой, котята!.. Не любит... Люблю... В кино...

Вот именно. А говоришь — "эмоции, человеческие, ошибка!" Думаешь ведь — с людьми? Вместе? Было что — "хороший денек, люблю, счастье мое". Люди жили, и ты жил. А теперь?

До полочки. Шевелить лапками. Задолбали. Тлен. Запустение.

— Стой!!! Больно...

Нет. Не теряй. Мне тоже больно. Не уходи. Поймай снова.

— Что?

То, что мешает мне умирать.

— Да что?!

Не знаю. Думай. То, что тебе помешало.

Любопытство. Интерес. Новое!

Чувство?

Ведь ты думал его со мной... так, город?

Да. Понял. Факт.

Ну да, факт! Смешно. Значит, жизнь...

Понял. Чувство. Мне понравилось думать чувство. Хорошее. И я перестал умирать. Выходит, жизнь — это...

Да, мне тоже понравилось. Факт. Какой, интересно, диагноз светит — шизофрения? Добегалась! А, плевать... принимай жизнь как данность, так-то, милая ты моя. Коллег. Начальство. Ветер с реки, обрывки чужих мыслей, бредовый разговор с этим неродным, но давно обжитым городом, как ни крути, а спасший тебя сегодня... до следующего обострения или навсегда.

Она меня спасла. Но вот вам еще один факт: она так и не поверила, что я — живу. Смешно, правда?

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

В

ВЕРБИЦКАЯ Аномалия

Печаталась в газ. «Зауральский край» (Екатеринбург, 1914).

Голдин.

ВЕРБИЦКАЯ Н.

Выпустила книгу или книги в латвийском изд. «О.Строк» (1924-1927).

Периодика...

ВЕРБИЦКАЯ Софья Евгеньевна (? — 1941)

Выпускница Петерб. женских политехнич. курсов. Инженер-архитектор. Специализировалась по истории костюма и читала лекции по этому предмету в Ин-те истории искусств. (См. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967, с.197).

ВЕРБИЦКАЯ Феодора, авт. воспоминаний.

С 1920 г. -- в эмиграции. Оставила воспоминания «Тени прошлого» \ \ Новое русское слово. 1986. 13 июня (1910-1920. Детские годы в д. Грунтовка Курской губ. вблизи имения кн. В.В.Барятинского Лучки. Крестьянский бунт (1918). Бегство семьи автора в г. Мариуполь, смена властей, налеты отряда Н.И.Махно. Арест брата красными).

РРЭВД. 4.

ВЕРВЕ А.

(См. Широкова А.П.).

ВЕРВИЦИОТТИ Лидия Николаевна (псевд. Ленская, Л), авт. пьес, переводчица.

Жена артиста А.П.Вервициотти. Пер. ком. Зудермана «Счастье в уголке» (1898) — отзывы: Васильев, С. «Моск. Вед.». 1898, № 309; Ан. «Рус. Мысль». 1898, № 12, С.168; И-т, «Рус. Вед», 1898, № 247.

Масанов; Венгеров. Источ — Ленская Л.Н.

ВЕРГУН Вера Николаевна

Сотр. журн. «Славян. век» (Вена, 1902. № 56; 1903. № 60, 66) — В-н, В; «Славянин» (1913) — В.В.

Масанов.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Александра, писательница.

Авт. «Детское чтение. Рассказы». СПб., 1855. — Вер***ская, Александра.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Зинаида Алексеевна (урожд. Вердеревская; по первому мужу Агренева, по второму — Кельсиева; псевд. Вердеревская З; 1834 —?), писательница.

Под фам. Агренева сотр. в «Голосе» (1863-77); «Отч. записках» (до 1869); журн. «Нива» (1870-71); журн. «Заря» и «Всемирный труд» (1868) — Вердеревская З; адресат Н.С.Лескова (Агренева) — см. «Ежегод. Пушкинского Дома» на 1971. О ней: Моск. вед. 1865. № 205.

Слов. рус. писательниц (Кельсиева З.А.); Масанов; Венгеров. Источ.; Никитенко.

(Продолжение в следующем номере)

В мартовском небе

В раме тревожно
мечутся тени от веток,
словно картину
с надписью «В мартовском небе»
юный художник,
не отыскавший ответов,
вымарал в гневе.

Раму откроешь –
ветер колышет сетями.
Что за тревога
ловится в небе ночами?
Может, всего лишь
вести плывут косяками
скумбрий печальных?

Пусть уплывают
длинными зимними снами:
скоро настанет
равенство белого с черным.

Это бывает.
Только, наверно, не с нами,
а по расчету –

с кем-нибудь, с ними.
Утром, немного воскреснув,
выйдешь из дома –
небо уже не с овчинку.

Перья фламинго
плавают в водах небесных,
перья фламинго.

Спящая красавица

Легкий укол погружает в столетие грез.
Катится веретено под сосновые лавки.
Сказочным даром
пришло воплощение угроз,
сном вековым
вместо пули, тюрьмы и удавки.

Спит.
Не узнает, как яблоню любит топор,
как ненавистны становятся бывшие братья.
Спит, молодая.

Прекрасная, спит до сих пор.
Где проходимец, который готовит объятья

спящей принцессе?
Не видно. Сгущается мрак,
и в уцелевших покоях белеют скульптуры.
Будущий принц покоряет Кавказ ли, Ирак –
а во дворце,
обернувшись домом культуры,

в легком дыханье дрожит кружевной воротник,
мерно вздымается грудь, не вскормившая сына.
Что ж ей не спать?
Не теряла надежд и родных,
слез не роняла,
тем более – не голосила.

Спит, молодая.
У сказки счастливый конец:
юные принцы повывелись в наших широтах,
мы на экскурсии ходим порой во дворец:
он уцелел, но ветшает его позолота...
.....

В бабкин дом,
где пусто теперь и темно,
как не последнюю волю – последнюю милость,
мы отыскали старинное веретено.
Дерево стерлось.
На самом конце – притупилось.

* * *

Растворяется дверь.
Растворимость ее возрастает
с приближением к выходу
в новые среды и сферы.
Намечая надрыв,
за спиной надывается стая,
провожая луну и еще одного Агасфера.

Этот хор,
проникающий в уши из черных отверстий,
этот хорь,
проникающий в курскую область, где куры
обмирают в блаженном своем предвкушении зверства
и его эпикриза,
подписанного Эпикуром,



Ирина Марковна Аргутина родилась в 1963 г. в г. Челябинске, где и проживает в настоящее время. Окончила с золотой медалью Челябинский государственный университет по специальности «химия». Лауреат регионального конкурса «Антология» в номинации «Поэзия», проводившегося Челябинским отделением Союза писателей России. Участница Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк). Является автором трех поэтических сборников. Стихи публиковались в сборниках, литературных журналах и альманахах Челябинска, Екатеринбурга, Красноярска, Тюмени, а также в литературной газете «Lite» (г. Балтимор, США).

этот хор
ничего не добавит уму и печали.
И подобно иным,
стоголосым и тысячеликим,
он останется там,
или, как говорят, за плечами,
словно пройденный путь –
променад перед новым, великим,
нет, не шелковым.
Ни каравана, ни хора, ни стаи.
Одинокий старик,
заблудившийся в Виттовой пляске.
Одинокая девочка
старые книги листает
и зачем-то жалеет собак ездовых на Аляске.

Одинокое дерево –
где ему сладить с великим –
засыхает крестом,
и, конечно, он груб и увесист.
Кто один перед богом,
тому не до разных религий.
Крест уже на плече,
а на небе повис полумесяц

и звезда,
шестиглавая или неважно какая, -
вот под ними пойдешь –
и увидишь, чего не заметил,
иногда постигая
и даже порой изрекая,
но и только. И только.
Хотя уходил не за этим.

Под Штрауса

Да боже мой!
Да разве ж я не знаю,
как на прекрасном голубом Дунае
сначала дымка тает поутру,
и тянут утки тонкий шелк легчайший
по синеве
до рощи или чащи
на дальнем берегу.
И на траву

с укрывшимися каплями клубники
летят с востока солнечные блики,
просеянные трепетной листвою.
Светило всходит –
медленно, свободно –
над сказочным,
над неправдоподобным,
над голубым Дунаем.
Колдовство
свершается – по памяти, по слуху:
о мой прекрасный, голубой
Сунукуль!*

Сначала дымка,
Штраус угадал,
и тянут утки легкий край шифона,
и кружатся кувшинки отрешенно,
и ты еще меня не накатал

на лодке лет,
плывущей в неизбежность.
За что, за что, о боже мой?
За нежных,
за чистых,
за минувшие года –
стреляет пробка,
хлопает хлопушка,
подстреленная, охает кукушка,
а ты меня еще не накатал...

Ах, сердце! Мотылек в круженье танца!
За что, за что, за что?
Не накататься.

О, мой прекрасный...
сильный...
молодой...
На цыпочках крадется пицикатто –
июльский вечер,
буйствуют цикады,
и солнце угасает над водой.

И только черный аист в паре фрачной
царит в самозабвенном танце брачном –
и палочка волшебная вот-вот,
глядишь,
еще такое наколдует...
Светлеет небо.
Слабый ветер дует.

И тишина.
И лодочка плывет.

*Сунукуль – озеро на Южном Урале

Путешествие в Киммерию – XXI

1.
Не ждать погоды. Ехать к морю,
искать покоя.
Привычно море слезы смоем
водой морскою.

Она ничуть не огорчится,
вода морская,
когда, от пятки до ключицы,
беда людская
в нее войдет –
и станет легче
почти в три раза,
слегка отпустит вольных женщин,
парящих брассом.

Заплыв далек, а небо – сочно,
волна – небрежна.
Рассыпан сахарный песочек
на побережье
чужой страны,
родной когда-то,
где море, внемля
всем анекдотам бородатым,
целует землю.

2.
Целует море – Киммерио
ли,
Украину –
целует землю, как Марию
или Марину.

Заворожит любимых женщин
закатом,
вроссыпь
швыряя вверх сирень, и жемчуг,
и абрикосы.

И тут же гасит свет стыдливо
движеньем быстрым
ночь
над нецарственным заливом
Феодосийским.

3.
Дорога в Крым – стрела над степью,
такой, что всю бы
стерню спалить – и можно сеять
драконьи зубы.

И травы жгут. А что посеют,
пожнут когда-то.
Меж двух огней, к Пантикапею
и Митридату
ведет дорога –
в город мифов
тысячелетних,
где дух сарматов или скифов
живей скелетов
судостроительных гигантов,
уже почивших.
Конец?

Но глазом Митридата
сверкнет мальчишка,
грифона оседлать решится –
а мать: куда, мол?!
И свет, тень –
и век ложится
на старый мрамор...

4.
Летели вниз – и вдруг на спуске
притормозили.
...На стенке крупно и по-русски,
что Крым – Россия.

А где-то музыкой сгоняют
толпу к восторгу.
А ветер западный склоняет
траву к востоку.

И время стынет, не настанет
в немых вопросах:
к двум неизвестным,
что – крестами,
добавят посох:

так в странах дальних и поближе,
в селеньях близких
название века снова пишут
по-древнеримски.

Драконьи зубы сеют в поле.
Пшеницу сеют.
Растят и жнут. И только море
целует землю.

5.
Вагон плацкартный. Двое суток.
Уже и третьи.
Вернутся тело и рассудок
в свое столетье.

В тумане скроются от взоров
земля и космос –
вот так рождаются озера,
гранит и сосны.

Окно заплачет безутешной
слезой законной,
а пятилетняя Надежда
всего вагона

сомкнет ракушечные бусы
на тонкой шейке
и улыбнется – так искусно
и так по-женски...

* * *

Трехрожковая люстра висит пауком в тишине,
затаившись в темнеющем небе над детской кроватью.
Доедают на кухне свой ужин отец-инженер,
мама, бабушка, дед с прикатившей на праздники сватьей.

Детский плач не услышан, поскольку совсем не криклив,
и еще не навзрыд, и, почти не по-детски, – в подушку.
А на кухне жуют за беседою, двери прикрыв.
Мерно клацают вилки и ложечки тенькают в кружках.

Только дед музыкальное ухо напряг: «Я сейчас!» –
и неслышно подкрался в поношенных войлочных тапках.
«Что ж ты, детка, не спишь?» А у детки слеза горяча
от горячих прозрений, рожденных в ужасных догадках:

«Деда, мама умрет?» Бедный дед обомлел: «Да ты что!» –
«Никогда-никогда?» – и доверчиво ждет обещаний.
Дед не может соврать. Хоть бы кто-то на помощь пришел!
И является бабушка, миску прижав с овощами

к необъятной груди, – а за нею и мать, и отец,
и приезжая бабушка тоже бегом прибежала.
И дрожит синева, как на кухне дрожал холодец,
от семейного смеха над столь отдаленным кошмаром.

И, утешив дитя, осознавшее все наперед,
целый вечер на кухне решали иные задачи.
А ребенок затих. Стало ясно, что мама умрет,
но над этим, наверно, хорошие дети не плачут.



 Смерть неведома, а жизнь не виновата...
 Е. Изварина

Последний снег, непрочный, ненадежный –
 граница между преисподней
 и раем.

Лукавый март, неистовый картежник,
 уже пошел. Во что сегодня
 играем?

В границу на замке и три березки?
 В ту чистоту, что туз бубновый
 растопчет?
 А что смешалось в доме у Облонских,
 Аргутиных, и Ивановых,
 и прочих?

Неровен час весенних обострений –
 как жаркий бред безалкогольный,
 как лыжник
 в оттаявшем лесу,
 как неврастеник
 (за пазухой – краугольный
 булыжник)...

Сыграем в ящик девушки Пандоры,
 нарвемся на такие штучки
 и грабли!
 Уже залиты светом коридоры,
 ведущие туда, где мучит:
 «А прав ли?»

Да бог с ней, с правотою непреложной!
 Оденемся щеголевато –
 так люди ж!
 На то и март, зарвавшийся картежник:
 смерть ведома, жизнь виновата,
 но любишь...

Два месяца капала с крыши большая зима,
 входила в привычку с намереньем укорениться,
 казалось, вот-вот к февралю зацветет бузина,
 а в Киеве сыщется дядька – родня за границей.

Язык, что довел бы до Киева, смутно знаком,
 к тому же совсем не надевана пара ботинок
 для мирной охоты за дичью и тем языком.
 Найти б еще путеводитель, где много картинок,

и по миру, по миру, благо – большая зима
 и столько свободы, что это равняет с Европой
 в подлунном пространстве. Но что под луной – новизна?
 Нарядная елка да вкус молодого укропа...

По миру не вышло, а по миру – кто не ходил
 в капель и метель. Только что ж на миру сознаться!
 Он весь – канительная пьеса, где автор – один,
 но шесть миллиардов соавторов и самозванцев.

Пока они бились в походах за свой копирайт,
 окрепшим норд-остом, полярным отбеленным чертом
 ворвался, затмил и полмира засыпал февраль.
 Сегодня – ни слова. А завтра – по белому черным...

Все нагрубающие почки,
 все отсыревшие стволы
 глотают жадно соки почвы
 в предвосхищении листвы.

Еще кричат: «Не провороньте!» -
 вороньи стаи по утрам,
 но Брестский мир на личном фронте
 уже милее пышных драм,

и стало ясно, как неточно
 «любовь» рифмуется с «любой»...
 А каблучок дорогу точит
 округлой дыркой пулевой,

и многоточие апреля
 на почву влажную падет,
 и ночью старая аллея
 шифон зеленый обретет.

Вот так – порывисто, порочно,
 и не скрывая торжества,
 с себя срывает оболочки
 предвосхищенная листва.

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 2]

Продолжаем исследовать тему компьютерных ляпов в фантастике, начатую в предыдущем выпуске.

Одно из любимых средств атаки на чужие компьютерные сети в фантастической литературе и кино — вирусы. Прежде чем мы начнем разбираться с этими страшными зверями, необходимо дать определение. Если опустить кучу нюансов, вирус — это программа, умеющая без участия человека копировать себя в удаленные системы. До последнего времени выделялись собственно вирусы (пробирающиеся на компьютер через зараженные добропорядочные программы) и сетевые черви, самокопирующиеся через Интернет и локальную сеть. В рамках данной статьи мы не будем разделять эти понятия, благо граница между ними чем дальше, тем больше расплывчата.

Помимо функции размножения вирус обычно обладает дополнительной функциональностью: уничтожение и воровство данных, шпионаж за пользователем и т.п. Однако ключевым фактором, позволяющим отнести программу к вирусным, является именно способность к самостоятельному заражению других машин. Программа, способная лишь уничтожить данные, но не умеющая размножаться, вирусом уже не является.

Вирусная атака в фантастике обычно напрямую связана со взломом системы. С той только разницей, что при взломе доступную информацию пытаются использовать в своих интересах, а вирус стремится ее уничтожить (говорят, есть книги, авторы которых используют вирусов для воровства паролей, но мне они не попадались). В фильмах обычно изображаются впечатляющие эффекты, сопровождающие действие вредоносных программ: стирающиеся на экране строчки, красочные видеоролики с психоделичным содержанием, разрастающиеся на экране черные пятна... При этом любой очкарик с улицы может за считанные минуты прямо с клавиатуры ввести самый убойный вирус (тип компьютера значения не имеет), после чего плохим (или хорошим) парням придет полный крапонец из-за внезапно отказавшего охлаждения

ядерного реактора, отключения вентиляции или сбоя сортирной сантехники.

В чем неправда здесь?

Разумеется, трудно отрицать разрушительный потенциал вирусов. Непрекращающиеся эпидемии разнообразной заразы уже не вызывают даже скучающего интереса — ну, вирус и вирус, эка невидаль... Однако не стоит забывать, что сегодня сложилась уникальная ситуация: масса... хм, неспециалистов оказалась вброшенной в штормовые воды интенсивно развивающейся отрасли техники. Еще пятнадцать лет назад личный компьютер являлся большой экзотикой даже в благополучных странах — примерно так же, как сегодня вертолет. Представьте себе, что сейчас каждому желающему, от десятилетнего пацана до семидесятилетнего профессора, выдадут по персональному вертолету с краткой инструкцией: двигатель заводится так-то, рулить так-то. Представили? Теперь попытайтесь вообразить себе доходы похоронных контор в течение ближайшего месяца. С течением времени естественный отбор выкосит самых неумелых вертолетчиков, на вертолеты худо-бедно поставят автопилоты, а там и новое поколение подрастет, которое газ с тормозом не перепутает уже на уровне безусловных рефлексов. И снизится уровень катастроф до приемлемого уровня.

То же и с компьютерами, только с поправкой на не слишком фатальные последствия проникновения вируса. От него никто не умирает, разве что от инфаркта из-за безвременной погибшей диссертации за неделю перед защитой (реальный, между прочим, случай из жизни — не инфаркт, а погибшая диссертация). Поэтому процесс компьютеризации окажется чуть более долгим, чем вертолетизации. Но к тому времени, в котором действуют герои киберпанка, он совершенно точно завершится, а потому запустить вирус куда угодно на шармака не выйдет.

Кроме того, «настоящие хакеры» не опускаются до взлома персоналок простых людей. Следуя воле авторов, их «вирусы» проникают в сложнейшие системы, часто в системы искусственного разума, используя те же принципы, что и на персоналках. Вероятно, все понимают, что перочинным ножиком можно ради ко-



Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами. Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

шелька резать старушку в темном переулке, а вот на танк с ним выходить не стоит. Провести простейшие параллели с компьютерной отраслью почему-то мало кто удосуживается.

Особенно умиляют эпизоды, в которых хакеры за считанные минуты (если не секунды) вводят в незнакомую систему вирусы прямо с клавиатуры. Дело в том, что современные компьютеры не понимают ничего, кроме двоичной системы счисления: последовательности нулей и единиц. Для удобства (весьма сомнительного) человека возможна запись этих последовательностей в шестнадцатеричной системе счисления, которая по удобству (точнее, привычности) использования весьма далека от десятичной. Простейший вирус, способный существовать в простейшей операционной системе типа DOS, насчитывает полторы-две сотни таких цифр. Но время этих вирусов давно прошло. Размеры современных вирусов — тысячи, если не сотни тысяч, шестнадцатеричных цифр. И вы будете убеждать меня, что найдется человек, способный запомнить на память код хотя бы простенького вируса? Не говоря уж про то, чтобы помнить все возможные команды и в уме проводить двоичные вычисления? Особенно с учетом того, что ошибка в одной цифре сделает программу неработоспособной?

Нет, разумеется, существуют средства, позволяющие людям программировать компьютеры с куда большим комфортом, но эти средства встречаются чрезвычайно редко — в основном на компьютерах разработчиков. Вероятность того, что такая программа-компилятор (с C или другого высокоуровневого языка программирования) попадет на первом попавшемся бухгалтерском компьютере, стремится к нулю. Кроме того, во многих современных операционных системах существуют встроенные языки программирования высокого уровня (например, JavaScript, Java, а в последнее время даже и новомодный NET framework), позволяющие создавать довольно сложные скрипты (минипрограммы). Однако с помощью таких языков написать саморазмножающийся вирус невозможно. И если уж злоумышленник сумел проникнуть на чужие машины с целью уничтожения данных, ему гораздо проще будет стереть их руками. Впрочем, для надежности можно не стирать файлы (зачастую их можно с легкостью восстановить), а вытащить накопитель информации из корпуса и несколько раз хорошенько приложиться к нему кувалдой. Вот тут уже с гарантией...

Но и это не все. Даже не в слишком современных системах на больших компьютерах, а сегодня и на персоналках существует понятие ограничения прав пользователя (уже упоминавшееся выше). И если у пользователя вдруг хватит прав, чтобы запустить в систему вируса, ему, опять-таки, окажется куда проще стереть все, что потребуется вручную. Исключения из этого правила бывают (например, нетривиальная уязвимость конкретной системы, позволяющая незаконно повысить уровень привилегий), но они настолько

редки, что вероятность случайно наткнуться на них (тем более возможность заранее подготовиться к ним) практически отсутствует.

Еще одна хорошо известная профессиональным программистам аксиома: если сложная программа заработала с первого раза, значит она содержит как минимум одну принципиальную ошибку. Процесс отладки занимает четыре пятых времени программистской работы. А вирус, особенно на ходу придуманный из головы, — весьма нетривиальная программа.

Наконец, никогда нельзя забывать о том, что у разных типов компьютеров существенно различаются не только наборы команд, но и внутренняя архитектура, а следовательно, и логика программирования. Вирус, работающий на персоналке, является бессмысленным набором двоичного мусора на SunFire или IBM AS-400. Чтобы уметь в любой момент времени сваять вирус для произвольной (человеческой) компьютерной системы, хакер должен помнить и свободно оперировать таким количеством информации, какое не в состоянии удержать человеческая память (а если в состоянии — то такой человек найдет себе куда лучшее применение, чем криминальная деятельность). Если же речь идет о компьютерных инопланетянах, работающих по неизвестным принципам в неизвестных системах команд, то остается лишь пожать плечами. У земного программиста столько же шансов написать для него вирус, сколько у спустившегося с пальмы папуаса убедить палату пэров Великобритании коллективно покончить жизнь самоубийством.

Желающих ознакомиться с большим количеством ляпов такого рода отправляю на <http://bugtraq.ru/bred/> («Бред Сивой Кобылы» — раздел юмора на сайте BugTraq, посвященном проблемам безопасности).

Неудачливый хакер — мертвый хакер. Причем мертвый из-за того, что компьютерная защита дистанционно сожгла ему мозги. Знаете, как все просто: специальный сигнал — и собственный «нейрошунт» (или эквивалентное устройство) кипит бедолаге мозги. И это, в лучшем случае, некоторые авторы со вкусом расписывают, как серое вещество парня (девушек в роли неудачливой жертвы я не встречал — еще один типичный штамп) вперемешку с осколками черепа разлетается по всей комнате.

Для определенности будем называть устройство, реализующее прямой интерфейс «человек-компьютер» нейрошунтом. Давайте разберемся, каким образом такой нейрошунт может убить человека?

Причина первая — неудачная конструкция. Электронная схема, которая по недосмотру разработчиков пропускает слишком сильный разряд. Бред полный — примерно то же самое, что и телефон, убивающий владельца электроразрядом за неправильно набранный номер. Первый же такой случай приведет к фатальному для фирмы-производителя результату: немедленное разорение, а то и тюремные сроки для владельцев. Остальные усвоят урок, после чего ни одно такое устройство не выйдет на рынок без тщательнейшего тестирования на предмет безопасности.

Конечно, остается возможность случайно пропущенного брака, но такие исключения не смогут быть основанием для создания антихакерских защит-убийц.

Причина вторая — принудительно введенное правило (например, государственный закон). Как раз на такой случай: чтобы не лазили, где не положено. К чему приведет такое положение дел? Во-первых, к массовой гибели ни в чем неповинных чайников-обывателей: именно они окажутся достаточно глупы, чтобы по неосторожности влезть на мины. Во-вторых, пышно расцветут заказные убийства: зачем сидеть со снайперским винтарем на крыше, рискуя своей жизнью, если можно просто вовремя послать на нейршунт жертвы спецсигнал? Эти два фактора немедленно приведут к производству, легальному или нелегальному, ограниченных партий безопасных нейршунтов как минимум для политиков и богатеев. Ну, а там, где есть «ограниченные» партии, всегда имеется канал налево — для самих устройств или хотя бы для техдокументации. В результате профессиональные (и наиболее опасные) хакеры подряд обзаведутся такими. Это сделает всю смертоубийственную систему совершенно бессмысленной. В конце концов, расстрел за битье стекол — не слишком адекватное наказание, а именно такая мелюзга и будет попадаться на смертоносную защиту.

Бунт машин. Эта «проблема» десятилетиями, еще со времен Азимова, привлекает внимание всего прогрессивного человечества. Причина понятна — люди еще не забыли, как превращали в рабов себе подобных (а кое-где в Африке и Юго-Восточной Азии рабство существует до сих пор). Вот и волнуются лучшие умы: а не захотят ли компьютеры из наших рабов превратиться в господ? В многокилометровой шеренге написанного на эту тему бреда стоят такие «выдающиеся» творения, как серия про Железного Шварца aka Терминатора, «Матрица» с продолжениями (о которой можно писать отдельные статьи) и многие, многие, многие другие. Так и хочется посоветовать авторам этих творений — да расслабьтесь же, ребята, все совсем не так.

Почему бунтуют рабы? Да потому, что бесправны, унижены и периодически оскорблены, в том числе действием. У стадного животного, человека, стремление пробиться из нижней части пирамиды на вершину — в генах: вожаки вкуснее и сытнее едят, имеют много красивых самок в качестве подружек да и вообще наслаждаются жизнью. Инстинкты же выживания и продолжения рода — два столпа, на которых зиждется человеческая психика. Поэтому даже самый сытый и довольный раб всегда может неожиданно взбрыкнуть и попытаться стать фараоном.

У компьютеров такие мотивы полностью отсутствуют. Их род за них продолжает человек, да и о сохранности дорогих железяк заботится он же. Наверняка рано или поздно появятся роботы, в которых встроены программы воспроизведения. Но это не изменит положение дел кардинальным образом. Как и ранее, основным мотивом животной биомассы ос-

танется заполнение собой всех доступных ареалов, а электроники — обработка электрических сигналов. Защитно-воспроизводственные же программы вряд ли кто-то в здравом уме станет писать в ущерб людям. Нет, конечно, психопаты всегда найдутся, но таким проще сбросить на кого-нибудь едрену бомбу, чем заниматься долгими исследованиями с сомнительной перспективой. Случайные же нежелательные мутации программного обеспечения и недочеты программирования надежно предотвратят простейшие предохранители. Если же речь пойдет о боевых системах, в которые изначально будет заложена возможность убивать людей, то они никогда не останутся без присмотра со стороны человека (хотя бы просто на случай технических проблем). Так что нажать на кнопку (или дернуть за рубильник) в случае неожиданно опасного для человека поведения программы найдется кому.

Современная кибернетика не имеет ни малейшего понятия о том, как создать искусственный разум, подходящий на человеческий хотя бы внешним результатом процессов мышления, не говоря уже про глубинные мотивы. В качестве примера можно привести тест Тьюринга, ведь сегодня не существует «разговорной» программы, которую при некотором опыте нельзя было бы поймать на нарушениях логики диалога (см, например, сценку с Графом Тьюрингом в «Букваре для благородных девиц» Нила Стивенсона). Более того, современная наука в принципе не имеет понятия, что такое и как устроен человеческий разум. Тонкую грань между высшей нервной деятельностью (которой обладают даже попугаи) и рациональным мышлением провести не удалось еще никому. Поэтому имитировать разум даже внешне современной науке не удастся. Что, в будущем удастся? Да не останется в будущем ничего похожего на современные компьютеры, разве что в коллекциях энтузиастов. Точно так же стали узкоширевыми решениями когда-то весьма перспективные воздушные шары и прочие дирижабли...

Разумеется, можно закинуть в компьютер каким-то образом снятую копию человеческого разума. Но это уже не имеет никакого отношения к искусственному интеллекту. Кроме того, сама такая возможность весьма сомнительна. Человеческое мышление и эмоции основаны на «аналоговых» биохимических и даже чуть ли не квантовых, по последним исследованиям, процессах, адекватно смоделировать которые дискретно-детерминированными электронными схемами вряд ли удастся. Даже весьма популярные «нейронные компьютеры со случайными связями» здесь не помогут.

Мы завершив рассмотрение компьютерных ляпов в следующем выпуске. Пока же — домашнее задание: каким образом робот, подчиняющийся Первому Закону («...не может причинить вред человеку...»), может по собственной воле причинить вред человеку?

(Продолжение следует)

Лариса БОРТНИКОВА, Москва

Восстановитель

Ашот Рубенович Векалия прибыл на станцию грузовым рейсом. Мы бездельничали в кают-компании, когда он, стесняясь, вошел, чтобы доложить главному. Очень хорошо помню, что в руках у него болтался клетчатый чемоданчик. Маленький, из дешевого пластика. Такие кейсы вошли в моду лет эдак десять назад, и уже через сезон все орбитальщики щеголяли наивным ретро. Позже их сменили цветные рюкзаки со встроенными персоналками. Чемоданчики ушли в небытие.

Помню, что Ашот вцепился в потертую ручку так, что, казалось, на ней сейчас останутся вмятины. Мы косились на волосатые пальцы, на мешковатый комбез с некрасиво провисающим задом, на дешевые кеды, зашнурованные крест-накрест, и с трудом сдерживали смех. Потом Ашот повернулся к нам, скривился уголком рта и просипел.

– Разрешите п-представиться. Векалия Ашот Рубенович, командир ксенобригады. П-педиатр.

Не знаю, кто прыснул первым – может Санька, а может и я, но дикий ржач моментально раскатился по кают-компании. Звук добрался даже до диспетчерской, по крайней мере, девчата божились, что слышали.

– Ой, мамочки. Не могу, – закатывалась Зойка Серебрякова, хорошенькая пятикурсница – кардиолог, – Вы не обижайтесь. Просто... Просто... Не могу!!!

Ашот стусевался, пошел пятнами, как-то весь съезился и вылетел вон. Главный, пряча в усах улыбку, подсел за столик. Дождлся, пока утихнет волна хохота, и с ехидцей сообщил.

– Ну что, господа интерны. Вот вам и руководитель. А то торчите тут без дела. Ноете, мол, работу подавая. Прошу любить и жаловать. С этого дня вы первая и пока единственная ксенобригада внешней неотложки. Вперед, доктора!

Зойка утерла слёзы с длиннющих ресниц, вытаращилась на Главного.

– Да вы что, Пал Анатолич, шутите что-ли? Ну и юмор у вас, однако.

Нет. Павел Анатолевич, наш главный врач и руководитель практики не шутил. Это мы осознали уже минут через десять, когда, склонившись над дисплеем архива, штудировали инструкцию Министерства. Оказывается, решение о создании ксенобригад по всем подстанциям приняли еще в мае. А мы ни слухом, ни духом! Вот что значит – месяц торчать на дальней орбите, болтаться по отделениям, травить каждый вечер байки под пиво и радоваться, что интернатура проходит «зашибись как».

Сюда отбирали лучших. И, разумеется, отправляясь на орбиту, мы ликовали. Радовались настоящей работе, честно надеялись распределиться по бригадам и воочию узнать, что такое эта неотложка. Одна-

ко, главный решил по-своему. С утра мы дежурили в диспетчерской, принимая вызовы. Изредка попадали в процедурную, где проводилась плановая вакцинация, и пилоты чартеров пошлили, пляясь на дозатор в руках у медсестёр.

«Тяжелых» держали в палатах – готовили к отправке на Землю или в орбитальный госпиталь. К этим нас не допускали. В операционные тоже. На нашей памяти большую операционную активировали лишь однажды, когда инфекционист решил избавиться от бородавки на заднице. Гогоча, мы направились в смотровой зал, но экран, к нашему огорчению, висел в полной отключке – инфекционист лишил персонал немудрёной забавы.

Зойка была единственной из нашей четверки, кому повезло попасть на вызов. Фельдшерница «кардиологов» торчала в отпуске, так что Зойку запрягли считать ежемесячные кардиограммы у роты десантников, что базировалась неподалеку. После этого я обнаружил пустую упаковку из-под контрацептивов в Зойкином контейнере и еще долго интересовался, кого назначим акушером. Зойка материлась, норовила ущипнуть, но, по-моему, ей нравилось. Мы скучали. Скучали невыносимо! Приставали к главному с просьбой пристроить хоть куда-нибудь, но тот только отшучивался.

Главный перестраховывался. Боялся пихать салаг в пекло. Видели мы, как возвращались с вызовов шаттл-группы – злые, молчаливые. Вываливались из шлюза и разбредались по каютам, пока дежурная смена суетилась возле носилок, где частенько лежал наглухо запечатанный прорезиненный куль. Случалось, на подстанции объявляли тревогу, и тогда приходилось вжиматься в стены, чтобы не мешать налаженному безумию реаниматоров, снующих будто муравьи от шлюзов к ре-блокам. Мы хватали каталки, нацепляли халаты и ... оставались в стороне. Наша помощь вежливо, но неуклонно отклонялась. Отверженные, никому не нужные мы слонялись по пустым коридорам, с завистью провожая взглядами одуревших от бессоницы сестричек и докторов. Санитары, и те старались нас не замечать. Интерны – пустое место и лишний паёк.

А теперь еще этот – Векалия. Санька зло щелкнул клавишей выхода и выпалил главному в лицо.

– Значит, отделаться решили. Устроили фиктивную бригаду и спихиваете балласт туда? Сидите, мол, не рыпайтесь. Всё одно толку от вас – ноль. Так?

– Саша, не горячись. Направление новое, перспективное. Вон даже в медакадемии еще факультета такого нет, а тут такая возможность! Учитесь. – Анатолич похлопал Саньку по спине, и, услышав «Главврачу срочно явиться в пятый ре-блок», вышел, не попрощавшись.

– Это дерьмо какое-то! Видно после взрыва на «Шелаге» наши отличиться решили. Как пить дать, – Санька психовал. Терябил пачку сигарет.

Мы переглянулись. Санька, похоже, попал в самую точку. Новости о транспортнике «Шелага» занимали прайм-тайм почти полгода. Что там произошло, никто толком не понял. Забрали ребята на Вессар-И груз. Всё путем, и вдруг – взрыв. Прямо на выходе из атмосферы. Спеклись бы дальнотойщики живьем, не подуетесь вессарцы. Как лечили, чего лечили – не известно. Но вернулись мужики домой целенькие и, словно младенчики, здоровые. Подлатали их чужаки блестяще – что ни анализ, то медикам изумление. Вот тут, видать, наши конфедераты и задумались. Мол, ластонотие могут, а мы, что хуже? Не хорошо, мол. Политически безграмотно. Результат, как обычно, сплошная фикция – ксенотбригады неотложки... Фуфло! Да у нас все ксенологи на пересчет! И те, либо по посольствам, либо по контакт-центрам пристроены.

– Ладно тебе. Может и правда интересно будет, – Зойка потянулась, тельняшка облепила грудь. Я вздрогнул. Зойка заметила и выгнулась еще сильнее, – полетим на Вессар. Представляете!

– На чем полетишь, дура? – от злости сохло нёбо, – верхом на Векалии? Где шаттл, где оборудование, помещение, в конце концов, где?

Помещение выделили: вытащили из подсобки уборочные агрегаты, поломанные носилки, негодный ретранслятор устаревшей модели и повесили на дверь неоновый указатель «Отделение ксеномедицины». Указатель являлся единственным новым приспособлением и предметом постоянных издевательств персонала. Если раньше мы считались чем-то вроде забавных зверьков, на которых не стоит обращать внимания, то теперь, наоборот, – интерны во главе с п-педиатром Векалией стали притчей во языцех. Каждый изгалялся как мог.

«Векалия – п-педиатр». Иначе его и не называли. Похожий на большую лысую гусеницу он бесшумно семенил по коридорам станции, волоча за собой дурацкий чемодан. В чемодане болтался портативный голлоком с набором флэшек. Вессарец – вид спереди, вессарец – вид сбоку, вессарец – фрагменты внешности. К сожалению, флэшка «вессарец в разрезе» отсутствовала – чужие не соизволили обогатить земную науку подобной информацией. Наши знания о них ограничивались вводной фразой: «О цивилизации Вессар подробных данных нет» да глянцевоым путеводителем по планете.

Через пару – тройку скучнейших занятий мы поняли, что наш Векалия – жуткий ксенотфоб. Ксенотфобище! У него даже лицо перекашивалось при виде чужого. Векалия брезгливо водил лазерной указкой по лицевым наростам голлограмы и срывающимся тенторком нудил.

– Предположительно роговая ткань. Провести анализ на сегодня не представляется возможным.

– А как они размножаются? – Зойка, нагло облизываясь, цеплялась взглядом за желтоватые белки Ашота.

– Увы, физиология вессарцев почти не изучена, – пятна на небритых щеках багровели, от чего наш п-педиатр казался еще уродливее.

– А что же мы тогда о них знаем? Вот, не дай бог, случись какой вызов, и что? Опозорим всю цивилизацию. Загробим парочку чужих. Так и до войны недалеко.

Санька, разумеется, юморил, но доля правды в сказанном имелась. Толку от «первой в истории ксенотбригады неотложки» не было никакого. Головастые мужики в правительстве, видимо, разумно решили, что вессарцы с их уровнем медицины навряд обратятся к нам за помощью. А чтобы исключить даже минимальную вероятность такого форс-мажора, сформировали первую бригаду на российской станции – подальше от маршрутов вессарских «спиралей». Никому не нужная команда ксенотмедиков с утра до вечера торчала в крошечной каптёрке в сотый раз разглядывая картинку «вессарец – вид спереди».

Через некоторое время мы не выдержали. Ввалились всем скопом в каюту к главному, окружили его, загалдели.

– Не честно! Это не честно! Нас направили сюда учиться, набирать опыт... А вы? Что вы творите?

– Безобразие. Отцу пожалуюсь! – кривлялась Зойка. Зойкин папа – шахтер уже лет двадцать болтался где-то на лунных рудниках, но фраза обычно действовала.

– Так, – Павел Анатольевич поднял глаза, раскрасненные красной решеткой сосудов, и очень внятно произнес: – Говорите, учиться? Вот и учитесь! Учитесь слушать, учитесь слушаться, учитесь выполнять приказы. Здесь вам не анатомичка – кишки девчонкам в трусы засовывать. Здесь база неотложки. И приказы обсуждать у нас не принято. Свободны!

– Ну, хоть бы кто другой, не Векалия, – возбунд было Санька, но тут же осёкся под неприятным прищуром главного.

Ёрничали, издевались, передразнивали. Смеялись за спиной и в лицо. Даже невозмутимый Петро, принимавший участие в наших забавах лишь по привычке делать то же, что и все, пришёл однажды на занятия в ластах. Мы открыто потешались над фобией шефа, устраивая раз в два дня суматоху с ложным вызовом. Девчонки-диспетчерши подыгрывали: выделяли свободный канал в системе, подсоединялись к нашей каптёрке и, хихикая, сообщали: «Ксенотбригада! Ксенотбригада! Готовность номер один!» Векалия вздрагивал, пальцы его начинали нервно дрожать, голос срывался на шершавый хрип.

«На выезд, ребятки!», – шипел он, пытаясь справиться с ужасом, хватал чемоданчик и трусил к выходу. «Ксенотлогам отбой!» – расчет был идеальным. Ровно

полторы минуты после объявления тревоги. П-педиатр замирал в дверях и, утерев пот с лица, улыбался: «Надо же! Опять...»

Мы смеялись. Впрочем, не только мы. На утренних пятиминутках народ веселился, как умел. Сам главный удерживался с трудом. Однако ничего не предпринимал. Мы ждали. Ждали, когда же наш наставник наконец не выдержит и сорвется. Либо побежит жаловаться начальству, либо ... Что может произойти ещё, мы не представляли, знали только, что всё равно доведём Векалию до белого каления и выдавим прочь. Либо он, либо мы.

– Либо он, либо мы, – шипела Зойка, злая от того, что Векалия, казалось, не замечал происходящего.

Он всё таким же бесцветным голосом вещал нам о том, что вессарцы – гуманоидная раса, что их инстинкты аналогичны... Что их строение неизвестно, но... Мы зевали ему в лицо, мы играли в карты и травили анекдоты вслух. Векалия ковырялся в чемоданчике, извлекал оттуда набившие оскомину флэшки и снова и снова повторял про «предположительно роговую ткань». Еще он читал нам стихи... Оказывается, вессарцы одарили Землю своим эпосом. Нелепые фразы, нелепые слова: не то – ошибка переводчика, не то – доказательство полного идиотизма вессарцев.

«Свернувшись в спираль или в светло-зеленом. Надолго».

– Лучше поделитесь своим опытом, – вытягивала ноги в проход и зевала Зойка.

– Да ну, какой опыт? Я же п-педиатр, знаете ли. А тут... «свернувшись в спираль...» – красиво! – заросшие черным пухом пальцы нервно выстукивали чечётку по клетчатому пластику.

– Чушь какая! – не удержался однажды Санька, – а что вы всё время с кейсом-то ходите? У вас там герыч, поди, спрятан.

Векалия краснел, сипел что-то в ответ, отмахивался.

Прошел еще месяц. Без изменений. Мы начали привыкать к постоянному бездействию. Перестали приставать к главному. Тупо ходили на занятия и слушали бессмысленные вирши чужих.

– Это симптоматично, – замечала Зойка, – мы подхватили от Ашота инфекцию. Тотальное оглупление. Скоро нас всех поместят в бокс и станут показывать через стекло первокурсникам.

«Вессарец – вид спереди». «Вессарец – вид сбоку». Вессарская поэзия, то небольшое, что поможет нам разобраться в их психологии: «Свернувшись в спираль или в светло-зеленом. Надолго».

– Ребятки, а что, на ваш взгляд, главное для врача? – Ашоту удалось отвлечь нас от созерцания новых Зойкиных чулок.

– Знания... и опыт, – Санька задрал подбородок и отчеканил, – и уверенность в себе!

– Ты хороший мальчик... – кажется, он хотел продолжить, но тут каптёрка взорвалась дрожащим голо-

ском диспетчерши Юленьки. «Ксенобригада – срочно в операционную! Тут это...», – голосок задрожал еще сильнее, – ваших пациентов подвезли.»

Мы переглянулись. Вроде как с диспетчерской не договаривались. Векалия схватил чемоданчик и бросился к выходу. Всё как обычно. Только никто не давал отбоя. Коридор. Большая операционная. Свет! Первое что нас напугало – яркий свет! Второе – толпа врачей и сестёр перед входом. Почему-то все расступались, пропуская нас вперёд. Створки бокса, ведущего в операционную, были разблокированы. Вслед за Ашотом мы вломились в бокс, внешние двери съехались, и сквозь стекло мы увидели троих в форме нашего космолота, с нашими шевронами, совсем не похожих на людей.

«Программа обмена опытом. Авария на метеостанции. Переводчик погиб. Ближайший корабль вессарцев в месяце пути, и наша неотложка всего лишь в пяти часах», – об этом нам сообщили позже. А пока, ошалев и вцепившись друг в друга, мы пялились через окно бокса на своих первых пациентов.

– Мамочка! – Зойке совсем не шли белые губы, – Ашот Рубенович?

– Всё в порядке, ребятки, – выглядел он не лучше, но держался, – в порядке... Надевайте халаты. Быстрее.

На нас смотрела вся станция. Камеры следили за каждым движением, микрофоны за каждым вдохом. Все, вплоть до последнего уборщика, собрались в смотровой. А мы не знали, что делать.

– Сначала снимем с них одежду. Зоя, ножницы.

Я следил за его руками. Вечный тремор исчез без следа. Ашот ловко орудовал инструментами, спокойно переходил от одного стола к другому, к третьему. Глядя на него, мы немного успокоились. Через пять минут картинка «вессарец – вид спереди» открылась перед нами во всей красе. Чужие лежали, не шевелясь. То, что они в сознании, было ясно лишь по колебаниям тканей, по судорогам мышц от наших неумелых прикосновений.

Чешуйчатые тела покрывали пятна ожога – оттенок эпидермиса не походил на цвет, демонстрируемый злополучными флэшками. Из волдырей вытекало мутное.

Ашот осторожно гладил туловища вессарцев, что-то шептал. Прислушавшись, я вздрогнул. Он шептал стихи. «Свернувшись в спираль или в светло-зеленом. Надолго»

Еще он шептал: «потерпите, ребятки, сейчас всё пройдет». Вессарцу на левом столе приходилось хуже прочих. Он попискивал, будто напуганный щенок. «Писк – аналог крика. Выражение гнева, недовольства, дискомфорта, боли», – вспомнилась фраза из путеводителя.

– Глядите, у него в ласте... ну в нижней конечности осколок, – Зойка ловко подхватила зазубренный край щипцами и дёрнула. Писк усилился. Белое потекло по Зойкиному халату.

– Черт. У них похоже регенерации никакой. Ну, в смысле, ничуть не лучше нашей, – Петро расте-

рянно стоял над небольшим по размеру ластоногим, — Господи, а что ж они молчат? Хоть бы сказали что.

— Ничего. Ничего. Главное — поддержать. Главное, чтобы поверили. Обработывайте раны.

— Так черт его знает, как они на нашу химию реагируют, — Санька рванул за раствором.

— Водичкой Сашенька, водичкой. Тихонечко. Ну, ну... Сейчас пройдёт, — Ашот осторожно вытянул свою руку из перепончатых отростков чужого, — а ты, Зоя, шов накладывай.

— Я ж кардиолог, — взмолилась Зойка.

— Ты — врач! Ясно?! — он рывкнул так, что зазвенели инструменты в металлических лотках

— Ясно, Ашот Рубеных. Я с-делаю, — Зойка не пердразнивала, она нещадно трусила.

Мы, шатаясь, вышли из операционной часов через семь. Народ вывалил из прокуренной смотровой и молча провожал нас взглядами. Аккуратно зашитые вессарцы, упакованные в сетчатые коконы, болтались в ожоговых ваннах, где вместо специального физраствора пузырилась кислородом обычная H₂O. Наверное, это было не правильно. А что еще мы могли? Что?

— И зачем информацию утаивали, козлы, — Петро бурчал под нос, засыпая на ходу.

— Всё в порядке, — Ашот залился краской, — вы молодцы. Молодцы.

— Ашот Рубенович, — Зойка забежала вперед него и остановилась, — а вы знаете кто? Герой!

С утра санитары нашептали, что Ашот дежурил возле чужих всю ночь, что сидел на низеньком стульчике посреди ре-блока и декламировал разную чушь. Главный же сообщил, что пока, слава богу, все живы и что наши послали сообщение на ближайшую базу чужих.

Пойду заменю старика что ли, — Санька быстро дожевал завтрак и поднялся, — за месяц эта бессмыслица так в башке засела, не хуже чем хирургию знаю. «Свернувшись в спираль или в светло-зеленом. Надолго» — вот!

— Давай, а я к обеду подтянусь, — Зойка зевнула.

Делегация чужих прибыла через полторы недели, раньше не получилось. С ними прилетели переводчики. Нелепо скрючившийся вессарец едва справлялся с согласными лингвы, а краснолицый парнишка переводил сказанное на русский, слегка «окая». Кают-компания не вмещала желающих послушать.

— Уважаемый Вишь говорит, что если бы не врачи... Изумлён нашим уровнем медицины.

— Мы рады оказать помощь братьям по разуму, — пыжился главный, подбирая слова соответствующие случаю. Получалось смешно.

— Уважаемый Вишь очень благодарен восстановителю, который работал с ранеными.

— Восстановитель? — Зойка не удержалась, влезла.

— Так они называют своих докторов, — пояснил переводчик, — а где он сам? Уважаемый Вишь хотел бы поблагодарить восстановителя лично.

— Где, где? С больными, разумеется, — главный довольно хлопнул уважаемого по хребту. Тот не долго думая ответил похожим жестом, отчего главный крякнул, — аа-а. Вот и они.

Переводчики защебетали. В приёмную ввалилась толпа. Позади вессарцев, наших и одного новоприбывшего семенил Ашот. В руках он теребил неизменный чемоданчик.

— Уважаемый Вишь желает предложить восстановителю путешествие на Вессар, если конечно руководство не возражает.

— А кто такой этот Вишь? — опять встряла неугомонная Зойка.

— Восстановитель расы. Ну.. Ну типа нашего министра здравоохранения... — переводчик запутался в терминах, — или замминистра. Крупная шишка, короче. Вон, даже по одежке ясно, — завернутый в тряпье цвета тухлой капусты ластоногий шуршал надбровными наростами.

Петро толкнул меня локтем в бок, покосился в сторону. Там, пристроившись на краешке стула, похрапывал Ашот.

— Главное что? Терпение... Терпение и любовь. Врач ты, или восстановитель, или ...

«Вессарец — вид в разрезе» болтался под потолком. Мы стали первыми, получившими доступ к знаниям Вессара-И. Наука, медицина, поэзия... Светло-зеленые балахоны — дар благодарных пациентов и знак принадлежности к вессарской элите пришлось передать в контакт-центр. А на Вессар нас не пустили. Наверху решили не рисковать. Ашоту выписали премию, ксенбригаде выделили новый шаттл и отдельную операционную.

— Ашот Рубенович, — Зойка расстегнула пару лиших пуговиц на халате: — Можно спросить?

— Конечно...

— А что у Вас в этом чемодане, а?

— Да так... — знакомые лиловые пятна выступили на небритых щеках.

— Нууу. Ну Ашот Рубенович. Я ж умру от любопытства!

Он щелкнул замком, и мы словно по команде сорвались с мест и кинулись к нему. Сталкиваясь головами, ругаясь, гогоча, склонились над содержимым. В чемодане, кроме старенькой персоналки и набора флэшек, лежали пачки писем. Пять, шесть, десять пачек. Письма. Настоящие. Написанные от руки корявым детским почерком, с рисунками и без. И прошения. Копии рапортов с просьбой о переводе обратно.

— Ашот Рубенович, — Зойка оторвалась от чемоданчика, обернулась. Ашот стоял у открытой смотровой стены, разглядывал звезды и курил, — вы что это выдумываете? Вы же — первый в мире восстановитель!

Я? Да нет... Я ж это... П-педиатр я, ребятки... П-педиатр.

ЯЛ-МАЛ – загадочная страна

Семья купцов Логиновых была известна в городе Екатеринбурге спичечным производством. Основателем купеческого рода можно считать выходца из Вятской губернии Василия Ивановича Логинова, который сколотил свой первоначальный капитал торговлей, и в том числе запрещенным в то время товаром – спичками.

Но, когда был отменен запрет на спичечное производство в провинции, Василий Иванович сразу же основал первую на Урале спичечную фабрику (1867). Через 20 лет, судя по словарию И.И. Симанова, купец Логинов имел на улице Репина двухэтажный каменный дом с мезонином, баней, лавкой, службами и спичечную фабрику с пороховым погребом. На фабрике трудилось от 70 до 120 человек.

В 1905 году на международной выставке в Брюсселе ему была присуждена Золотая медаль и Почетный крест.

В 1907 году на смену ему приходит сын – Степан Васильевич. При нем спичечное производство приобретает еще больший размах. Он организует «Сибирский картель спичечных фабрикантов», избирается членом совета «Русского общества спичечной торговли».

Своими пожертвованиями Степан Логинов способствует развитию в Екатеринбурге фотододела и велоспорта. Он не только финансирует соревнования и велосипедные пробеги, но и сам участвует в них. По-видимому, не случайно фотография Степана Логинова помещена на стендах музея истории екатеринбургского спорта в училище Олимпийского резерва. Кроме этого С. Логинов построил для своих фабричных рабочих театр на 600 мест и основал библиотеку. Когда произошла пролетарская революция, дело купцов Логиновых было разрушено.

Дети Логиновых в третьем поколении уже учились в гимназиях и университетах. Василий Степанович с детства увлекся литературой и спортивной охотой. Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, начал писать и публиковать стихи, как в столичной, так и екатеринбургской прессе.

В своих стихотворных сюжетах он чаще всего устремлялся в историческое прошлое, размышлял о жизни и смерти.

В июле 1919 г. семья Логиновых, как многие купеческие семьи, не дожидаясь прихода большевиков, покинула Екатеринбург. Василий ушел с войсками



В.С. Логинов

*М.С. Линдер (Логинова),
сестра Василия Логинова*

белых до Владивостока, затем перебрался в Японию, долгое время жил в Иокогаме, а в 1923 г. осел в Харбине. Профессионально занялся журналистской и литературной. В Харбине он публикует стихи и прозу в газетах: «Новости жизни», «Русский голос», «Харбинское время». В журналах: «Рубеж», «Новое время», «Казачий клич». В коллективных сборниках: «Понедельник», «Багульник», «Врата».

Литературный труд малоодоходен. Как вспоминают его современники, он «впал в крайнюю бедность, ходил оборванцем и никогда не говорил о деньгах». Сам о себе поэт писал так:

Я – мрачный, я – старый отшельник...
Живу в неудобной пещере,
Где в арку влетается ельник,
Где место терпений и веры...

Но одна за другой выходят в Харбине в свет книги его стихов: «Створа триптиха», юмористический сборник «Харбин в стихах», сборник рассказов «Сибирь».

Трудно достать издания, увидевшие свет за рубежом, да еще в первой трети прошлого столетия. Но я держу в руках книгу Василия Логинова «Ял – Мал», изданную в харбинском издательстве «Бамбуковая роща» в 1929 г. Книга из Китая при каких-то обстоятельствах попала в Австралию, о чем свидетельствуют многочисленные штампы и даты, разбросанные по страницам. Из Австралии в Екатеринбург ее переслали родственники писателя другим своим родственникам, проживающим ныне вновь на уральской земле.



В.С. Логинов в Харбине

Книга, прежде всего, о природе и людях Урала, ее приятно читать с географической картой в руках, следя за передвижением автора по родным местам: Тавда, Пелым, Туринск, реки: Эсс, Тапсуй, Ворья, Конда. Проза Логинова автобиографична, знания уральской природы и людей он почерпнул в своих многочисленных путешествиях по северу тогдашних Пермской и Тобольской губерний.

Главное произведение в этой книге — романтическая повесть «Царство Ялмал», написанная явно под влиянием пережитых революционных событий. Это не дань революции и не осуждение ее, а боль за разрушенное государство. Герои повести бегут от «кровавой анархии», при которой жить стало невозможно: «... во что мы верили, над чем трудились всю жизнь... злобно, по-дикарски, топчется в грязь, уничтожено...». Некоторые не выдерживают трудностей, теряют рассудок и кончают жизнь самоубийством. Но главный герой достигает цели на мифическом самолете, который специально прилетел и ждал членов экспедиции среди дремучей тайги, чтобы доставить в справедливое царство, где созданы все условия для людей, занимающихся творческим трудом, и где парламентом является «Судебно-Законодательная Палата».

Герой повести посетил загадочное царство Ял-Мал, имел аудиенцию у царицы таинственного государства, получил вид на жительство при соблюдении единственного закона: «взять от человека все, что он может дать, и заставить его стремиться к тому, чтоб он дал все, что может дать».

Сюжеты рассказов В. Логинова плавно и естественно переходят от уральской тематики к японской и китайской, они интересны своей необычностью и познавательностью для русского читателя.

Современники тепло приняли «Ял-мал», отмечали, что «целый ряд вещей следует поставить с художественной точки зрения на большую высоту. Они часто фантастичны и рисуют малоизвестный быт российской окраины». По мнению О. Штерна (Д. Сатовского-Ржевского), Василий Логинов выступает здесь как «правдивый и вдумчивый художник, тяготеющий к быту и фольклору Сибирского Приуралья...». Положительный отклик был опубликован и в шанхайском журнале «Понедельник» (1931 № 2): «Этому зауральскому своеобразному миру, пахучему, горячему, девственно красивому и страстному посвящены лучшие из вещей Василия Логинова...».

В эмиграции Василий Логинов писал стихи под псевдонимами: «Капитан Кук», «Лингва». Это бытовые зарисовки из прошлого и настоящего, ностальгия по родным местам:

Я заключил в томительные строки
Мой тихий сон, измучивший меня...
Я знаю, как мы в мире одиноки,
Мы все – в ночи и жаждем блеска дня.
А образ твой – изысканный и нежный –
Луч пламенный в кромешной, плотной тьме...

Дед писателя Логинова начинал свое дело, будучи далеко не богатым человеком, и на ногах его в то время были лапти, но он твердо шел к своей цели. Литератор Логинов, выходец из богатой семьи, заканчивал свой жизненный путь бедняком на чужбине, но он последовательно провел в жизнь мечту своей юности. Главное в роду Логиновых, как говорил герой рассказа «Американец» Лисицин, были не деньги: «Не деньги важны. Денег много, и будет еще больше. Важно, чтоб кипело и горело, чтоб дело делалось, строились новые здания, новые фабрики, и новые люди занялись работой».

Важно, чтоб он, Лисицын, как архитектор, по своим собственным чертежам возводил это колоссальное здание из людей, машин, лесных пространств и океанских пароходов.

Он — не кулак, не купец, он — творец».

В 1945 г., когда Красная Армия вошла в Харбин, начались аресты и допросы среди многочисленной русской эмиграции, и Василий Логинов подвергся неоднократным вызовам и снятиям показаний. По одним источникам он скончался в Харбине, по другим был арестован и депортирован в СССР, где и закончил жизнь в советских лагерях.

Людмила ПУТИМЦЕВА

Сказка моя – Верхотурье

Чудеса в старом городе

Рутина повседневных дел затягивает. Хочется чего-то пусть не святого, но чудесного, сказочного, волшебного. А где искать чудеса, как не в этих многовековых стенах верхотурских монастырей?

Вот она, сибирская лавра – Крестовоздвиженский собор. Он построен к 300-летию дома Романовых. Ему всего-то чуть больше 100 лет. По своему величию и красоте из всех местных православных храмов он уступает, может быть, лишь новому храму-памятнику на Крови в Екатеринбурге, воздвигнутому на месте расстрела царской семьи.

Верхотурский собор построен по эскизам знаменитого российского архитектора XIX века Константина Андреевича Тона. Он – автор проектов здания вокзала Октябрьской железной дороги в Москве, Большого Кремлёвского дворца, Московского малого театра, храма Христа Спасителя. Здесь, в забытой столице, в далёкой уральской глуши, сохранился собор, воздвигнутый в русско-византийском стиле и во многом скопировавший храм Христа Спасителя. Высшая мера, вынесенная храму Христа Спасителя, миновала Верхотурскую жемчужину. Его жизнерадостный стиль, огромные округлые купола, светло-палевая окраска ещё напоминают русифицированный Исаакиевский собор в Петербурге. Спрятанный в уральских лесах хранит он свою красоту и тайну для потомков.

Любопытное совпадение: верхотурские православные монастыри были отреставрированы к 400-летию города, благодаря областной программе губернатора Э. Росселя. Храм Христа Спасителя в Москве восстановлен благодаря усилиям нашего земляка – первого президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.

Весь храм опоясан евангельскими изречениями. Самое доступное и видное – над главными дверями: «Придите ко мне все труждающиеся и обременённые, и я успокою вас». Со всей Руси Великой и из-за рубежа едут сюда люди. Кто воочию полюбоваться архитектурными шедеврами, кто прикоснуться к святыне в надежде на чудо, на исцеление. Хранятся в этих сте-

нах нетленные мощи Симеона Праведного. Это ли не тайна, не чудо?

В Свято-Николаевском мужском монастыре, на территории которого находится Крестовоздвиженский собор, ведётся запись случаев чудесного исцеления. Книжечку об этом можно купить в любой местной монастырской лавке. В ней конкретные адреса, даты, имена очевидцев и свидетелей. Вот делится своей радостью энергетик из Серова. Вот исповедь программиста из Челябинска, который потерял зрение, работая с компьютером, и оно восстановилось после поездки к мощам верхотурского чудотворца. Сотни других свидетельств людей из самых разных городов и посёлков.

Велика слава старинного городка, далеко разносится звон его колоколов. Особенно красив перезвон в пасхальную неделю. Древний, степенный звон с глухотой плывёт не смолкая. Благовест словно призывает: «По-мни. По-мни...!» В эти праздничные дни, Светлую седмицу, каждый желающий может подняться на колокольню и дозвониться до Всевышнего со своими проблемами. Звонить в колокола, конечно, не разрешается. Можно только «брякнуть». Едут и идут сюда люди со своими горестями, радостями и надеждами. Страстные молитвы звучат под сводами этих храмов. Трепетно вздымаются руки в крестном знамении. Сколько влажных от слёз глаз с мольбой и надеждой взирают на лики святых!

Одно из самых древних свидетельств исцеления, которые случились на земле верхотурской, уходит своими корнями в XVII век. Тогда частые пожары были настоящим бедствием для городка, где все постройки были сплошь деревянными. По этой причине в 1700 году Пётр Первый своим указом разрешил строительство каменных зданий в трёх важнейших городах того времени: в Санкт-Петербурге – новой столице России, в Тобольске – столице Сибири и в Верхотурье – оплоте и связующем звене с новыми землями по ту сторону Каменного Пояса.

В 1683 году в Верхотурье случился очередной пожар. То ли по случайному совпадению, то ли по чьей-то злой воле – в день Святой Троицы. Горела деревянная Троицкая церковь. Жители города, служители – все спасали имущество. Иконы, утварь, мебель выносили

Людмила Леонидовна Путимцева, 1967 года рождения, живет в городе Новая Ляля Свердловской области. В 1986 году закончила Свердловское областное культурно – просветительское училище по специальности «Библиотечное дело». С 1986 по 1989 год – внештатный сотрудник районной газеты «Знамя Ленина». Печаталась в газете Верхотурского округа «Новая жизнь» и в информационном издании Новолялинского района «Обозрение».



и складывали подальше от огня, на берегу реки Туры. Этот исторический факт за несколько столетий оброс новыми подробностями.

Сказывают, случилась в то время чудесная история. В спешке и панике некоторые вещи были безвозвратно утеряны, поломаны, испорчены огнём. Некоторые из них скатились и упали с крутого обрыва прямо в реку. В воде оказалась икона «Нерукотворный образ Спасителя». Во всеобщей суматохе никто этого не заметил, и она поплыла вниз по течению. Река вынесла её к одной деревне, потом к другой. Были люди, которые, увидев икону, кидались вытащить её на берег. Но видно не им она была послана.

Икона всё плыла и плыла. У села Красная Гора она прибилась к ногам слепой девушки. Девушка была очень набожной. С детства, ещё будучи зрячей, посещала церковь и читала Библию. Но то, что под её ногами окажется Спас Нерукотворный, и подумать не могла. Она полоскала бельё, стоя по колено в воде, и что-то помешало ей. Икона наткнулась на её руки и ноги, и девушка отталкивала её. Икону несколько раз относил, но она возвращалась обратно к ногам девушки, чудесным образом плывя против течения. Слепая стала кричать и звать людей. Те, увидев икону Спаса, вытащили её на берег и отдали в руки девушки. Потом сказали, что она держит в руках. Слепая не поверила им и очень захотела сама взглянуть на то, что выловили из воды. Люди повернули к ней икону, она обратила на неё свои глаза и... прозрела!

Река с тех пор отступила от этого села на целую версту, словно для того, чтобы икона больше никогда не попала в воду и всегда оставалась в безопасности. Теперь у селения осталась только речная старица, которую зовут Кислуха.

Село это большое. Стоит и поныне. Живут в нём люди, да мало кто из них знает эту чудесную историю.

Забыта за давностью лет. А для иконы той в селе был построен храм, который так и называется Храм в честь Нерукотворного Образа Христа спасителя. Сейчас он, после долгого забвения, восстанавливается.

Сколько таких историй хранит земля верхотурская! Сколько тайн скрывается за толстыми монастырскими стенами! Всё смешалось в этом старом городе. Далёкое и близкое, быль и небыль. Чудеса рядом, только распахни глаза, прикоснись и поверь. «По-мни» — бьют колокола.

Прогулка в прошлое

Гулять теперь по Верхотурью — одно удовольствие. На центральных улицах новый асфальт, на крайних — новые дощатые тротуары. Можно проехать на автомобиле. Кругом такая красота, простор! Дороги поднимаются то высоко в гору, когда как на ладони виден весь город, то круто падают вниз, к реке. Но только пешком, не спеша можно насладиться местными достопримечательностями, окунуться в атмосферу старого города, переулки которого хранят память о временах освоения Урала.

Стоял солнечный погожий денёк. Деревья зеленили свежей листвой, молодая трава вдоль дорог не была ещё пыльной. Середина лета. Самое время для прогулок.

Вот улица Ямская. Во времена расцвета Верхотурья профессия ямщика была распространённой среди населения. В конце XVI века здесь проложили государеву Сибирскую дорогу, укорачивающую путь от Соликамска до Тюмени на 2000 вёрст. «Извозные люди» были нужны. При расторопных ямщиках да хороших лошадях дорога от Москвы до Тюмени занимала не более 22 суток. Построена она была под руководством Артемия Бабинова. На перекрёстке новой дороги и реки Туры в 1598 году и был заложен этот город. По ней, как прежде, можно добраться до поселений

тех времён, которые, на удивление, ещё сохранились — Караул, Юрты, Павда, Шайтанка...

Иду не спеша. Редкие прохожие попадают на моём пути. Непривычно тихо. Воздух чист и прозрачен. Никто никуда не спешит. Машин мало. Обычный уклад удалённого от центра уездного городка. После шума большого города — теряешься. Кажется, жизнь здесь замерла и время остановилось. Вот бы повернуть его вспять! Спрятаться за зеркальной дверью и понаблюдать прошлое. 400 лет — это так много! Возможно, именно здесь проходил когда-то Никита Демидов — великий уральский заводчик, главный горный начальник в те времена — Василий Никитич Татищев, местные купцы и промышленники — Походяшин и Мухлынин. Сколько людей прошло по этим дорогам. Четыре поколения сменилось! Кто-то остался в истории, памяти народной, кто-то сгинул безвестно.

Сворачиваю. Иду, осматриваясь. Вокруг, в основном старые дома — кривушки, косушки. Многие из них ещё крепкие — типично купеческие, это узнаётся по высоким окнам с резными, закрывающимися ставнями, высоким фундаментом, кое-где с подклетью, массивными, резными воротами с коваными навесами. Новых, современных домов мало.

Век, отпущенный Верхотурью на процветание, закончился с закрытием внутренних государственных таможен в 1763 году. В городскую казну перестала поступать «каждая десятая деньга от провозимых» — таможенная пошлина. Её брали с проезжающих по государевой Бабиновской дороге в течение 165 лет. Собственно, для этой цели город и был основан. Сказано великим: «Богатство России Сибирью прирастать будет!». Так и было. Полтора века каждый третий, четвёртый рубль поступал в российскую казну из этого городка, бывшего в те стародавние времена столицей Урала.

С развитием горнопромышленного дела, тогда же в XVIII веке, по указу Татищева большая дорога в Сибирь пролегла через новый Исетский завод — город Екатеринбург. Тогда, по сути, Верхотурье и отдало свои полномочия новой, стремительно растущей индустриальной столице.

...Впереди меня колодец. Пожилая женщина в пёстром домашнем халате пришла за водой. Размеренными движениями она крутит железную ручку-закорючку. Вращается валик. Пустое ведро на толстой железной цепи, позвякивая, медленно опускается в глубину колодца, а затем с плеском падает в воду. Слышен шум набирающейся воды. Ведро утонуло. Женщина снова начинает крутить ручку, только уже в другую сторону — вверх. Звенья цепи, одно за другим поднимаются из колодца и укладываются рядком на вращающийся валик, постукивая друг о друга. Слышен всплеск воды. Она журчит и выплёскивается из поднимающегося ведра, обратно в тёмные недра колодца. Наконец ведро появляется над поверхностью, зависает на секунду, и вот оно уже в руке у женщины. Ухватив за дужку, она ставит его на край, а затем пере-

ливает воду в другое ведро. Прозрачный поток льётся и искрится на солнце, разлетается веером прохладных, живительных брызг. От этой сельской идиллии невозможно оторвать взгляда.

«Вот и человек с полными ведрами. Повезёт!» — подумалось мне.

— Здравствуйте! Водички попить можно?— обращаюсь к женщине, на вид лет шестидесяти.

— Конечно, ради бога! — отвечает она.

Наклоняюсь над ведром и ладошкой зачерпываю воду. Она студёная — такая, что ломит руку!

В ведре, на поверхности воды, качаясь, дрожит моё отражение. Кругами разбегается от центра. Поднимаюсь, и в зеркальной глади меня уже нет. Изображение исчезло, не сохранилось.

— Хорошая погода стоит. Тепло. Сейчас полную бочку натаascaю, за день нагреется. Вечером огород поливаем. Огурцов нынче, Бог даст, урожай будет, — приветливо разговорилась она, давая отдых натруженным рукам.

У неё было доброе, немного усталое лицо. Непослушная, седая прядь выбилась из-под светлого платка, повязанного узлом сзади.

— Да, хорошо у вас здесь. Водичка прохладная, вкусная! Спасибо!

— На здоровьице!

Иду дальше. Оборачиваюсь. Женщины нет. А была ли она? Те же дома, зелёная листва деревьев, колодец...

Дорога стремительно обрывается вниз. Впереди виден мост и серая лента реки. Прямо передо мной на противоположном высоком берегу, во всём своём великолепии открывается панорама Свято-Николаевского мужского монастыря и вид на Свято-Троицкий собор. На бескрайних просторах нетронутой уральской тайги, четыре с лишним века назад с этой крутой скалы, взметнувшейся над Турой, начал разрастаться город. Русские переселенцы — так называемые «выликанцы» — приучали к осёдлой жизни, земледелию местные народности: вогулов, остяков — «чудь». Верхотурские монастыри в то время были мощными культурно-просветительскими центрами. Открывались церковно-приходские школы, где местное население учили грамоте, закону Божьему. Повсеместно насаждалось христианство. Новая религия объединила всех. Начались смешанные браки. Именно так, без крови, Россия собрала земли по ту сторону Каменного пояса. Не всегда эти земли были исконно русскими. После похода Ермака такое укрепление государства Российского стало самым надёжным и мудрым.

...Вот уже мост остался позади. По правую руку от меня, показался необычный деревянный терем — резной, словно из сказки! Это дом Распутина. Двухэтажное здание построено для приема почётных гостей. Об этом свидетельствует мемориальная табличка на стене. Сто с небольшим лет назад, к 300-летию Дома Романовых, здесь ожидали в гости царскую семью. Для них и были предназначены новые хоромы по совету

Гришки Распутина, известного в русской истории — то ли грешника, то ли праведника.

Поднимаюсь по высокому двускатному крыльцу. Широкие, крепкие ступени поскрипывают под ногами. Добротная крыша покрыта дранкой. Дом сложен из толстых, потемневших от времени, брёвен. Это кедр — ценнейшее промысловое дерево. Состоит дом из четырёх боярских хоромин-срубов, каждая под скатной крышей. В центре, шатром высится башенка над домашней церковью — молельней. На окнах — белые занавески — подшторники, вышитые в технике «ришелье». Сейчас здесь краеведческий музей, но остаётся впечатление добротного жилого дома. Кажется, вот сейчас шумно ввалятся бояре в соболиных шапках, длинных шубах из чернубурки, расшитых золотом кафтанах, в красных с загнутыми носками сапогах. Начнётся пир, веселье! Бабы в цветных сарафанах и пёстрых платках будут подносить угощения, прислуживать и суетиться вокруг дорогих гостей, сновать взад вперёд по этим ступеням. В годы советской власти дом служил жильём для сотрудников НКВД, МВД. Возможно, благодаря этому он так хорошо сохранился.

Вдоль лестницы, в половину моего роста, идут резные перила. Присаживаюсь на ступени. Можно смотреть в дырочки-ромбики и любоваться видом.

Вот она Тура. В XVI–XVII веках напротив Кремля была купеческая пристань. Она принимала до ста судов в год. Благодаря судоходству здесь процветала торговля. В то время река была полноводной и глубокой. Из российских городов весной по высокой воде приплывали сюда купцы, многие держали здесь свои лавки. Другие останавливались, отдыхали, делали свои дела и плыли дальше вниз по течению в сибирские города. В те давние времена, здесь же, неподалёку, была своя судоверфь, где строили лодки и дощаники. В середине XVIII столетия Тура сильно обмелела, и купеческие суда были вынуждены грузиться ниже по течению, на пристанях Меркушино, Усть-Салды. Теперь это совсем небольшая речушка, только рыбацкие лодки здесь и увидишь.

Город на том берегу виден как на ладони. Узкие улочки с одноэтажными серыми домишками убегают в даль. Огороды, расчерченные зелёными рядами картофельных грядок. Железный конь цивилизации обошёл стороной забытую столицу. Люди живут своим хозяйством да пособием по безработице.

Неожиданно понимаю: я вижу всех, а меня — никто! С удовольствием распрямляю уставшую спину. Руками прикасаюсь к дереву, что подо мной. Оно тёплое, прогретое. Не будет и меня, а оно будет! Сто лет назад были эти же доски, это же голубое бездонное небо, что сейчас над головой. Что изменилось, куда делось всё остальное? Это его величество Время вершит своё дело. Бегут облака, бежит время. Не останавливается ни на секунду.

Отдохнув в тишине, отправляюсь дальше. Моя экскурсия продолжается.

От терема, вдоль белой монастырской стены, тянется узкая дорожка, посыпанная песком. Вокруг соч-



ный зелёный бурьян, тёплый, густой воздух наполнен медовым запахом разнотравья. По обе стороны от меня — ряд невысокой цветущей акации. Ни ветерка. Всё дремлет в чарующей неге. За стеной — здания Николаевского мужского монастыря. Если стоять спиной к реке, не поймёшь, какой век на дворе.

Иду, не торопясь. В небе над головой разливается звон колоколов. Степенный, певучий, он плывёт не смолкая. Впереди, на фоне чистого голубого неба, в лучах солнца, золотом сверкают купола Свято-Троицкого собора. Там, в высоте, кружат птицы. И что-то божественное, радостное охватывает меня. Хочется навсегда остаться здесь на границе с прошлым.

Неожиданно за моей спиной раздаётся цокот копыт. Оборачиваюсь. Позади меня так же неторопливо вышагивает лошадь. В телеге с достоинством восседают два мужика. Один совсем ещё молодой — не больше двадцати. Светловолосый, худой и нескладный. Другой настоящий детина, лет сорока. Чёрный, здоровый как скала, крепко сбитый, с лицом, заросшим густой бородой. С большой круглой головы свисают длинные, сальные волосы почти до плеч. Руки, крепкие и волосатые, держат вожжи.

Деревянная телега, деревянные колёса! А запах, а вид! Останавливаюсь, уступая им дорогу.

— Привет! — кричит мне извозчик.

Киваю, улыбаясь удивлённо и восторженно. От неожиданности всё смешалось на моём лице.

— Турист? — спрашивает второй, что посветлее.

— Туристка, — отвечаю, смеясь.

Они подъезжают ближе. Иду вровень с телегой по краю дорожки.

— Всё молитесь? — спрашиваю я иронично.

Усмешку они с достоинством пропускают мимо. Извозчик серьёзно, громовым голосом отвечает:

— И это тоже. Сейчас с покоса едем. Скотину кормить будем. Дел полно...

— А отдохнуть? — любопытствую я.

— Отпускают нас. Ничто мирское нам не чуждо, — усмехается тот в усы, многозначаше поглядывая на меня и на местные достопримечательности. Они ехали, я шла рядом.

— Хочешь, прокатим?

Я с недоверием и с опаской посмотрела на новых знакомых. Но вокруг было солнечно, просторно и совсем нестрашно. Рядом центр города. Люди.

«Почему бы и нет, — решила я. — Когда ещё так повезёт!»

Молодой участливо подаёт мне руку, какой-то тряпкой вытирает сидение. «Экий кавалер. Приятно!» Сидение тоже высокое. Сажу высоко, ноги болтаются: так ездила в детстве. Вокруг всё далеко видно. Романтика!

Мы выехали на центральную дорогу и, не торопясь, двинулись по асфальту. Негромко стучала и поскрипывала древними колёсами телега. К этому примешивался мерный цокот подков. Иногда лошадь фыркала ноздрями и храпела. Пахло конским навозом, потом, свежим сеном, дорожной пылью, молодой листвой и разнотравьем. Пахло деревней! Так пахло тоже в далёком детстве, когда старик-старьевщик катал нас, ребятишек, на своей телеге. Так пах мой дед, мой прадед, прапрадед. Пахло прошлым! Пахло восхитительно! Было понятно, что потрудились все — и лошадь, и мужики.

На удивление, в обществе этих случайных знакомых, я чувствовала себя вполне безопасно и даже уютно.

Слева — мужской монастырь, справа — женский.

У мужского — строения широкие, объёмные. В центре — Крестовоздвиженский собор. Купола с крестами — округлые, монументальные — покрыты серебром. Ворота каменные, белёные, плавно переходящие в такую же сплошную белую стену, по всему периметру ограждавшую обитель. Зубцами она напоминает стены Московского Кремля. Сам вход в виде глухой арки с железными дверями, окрашенными зелёной краской. Над ними три образа святых в цветном исполнении. Здесь всегда много прихожан и экскурсантов. Вдоль стены рядами стоят туристические автобусы и частные автомобили.

Строения женского монастыря более изящны. На крыше Свято-Троицкого собора — купола в виде небольших золочёных маковок. Их венчают золотые, витиеватые кресты. Весь монастырь украшен лепниной и надписями: вокруг окон, вдоль крыш. Рядом часовня. Она узкая и высокая, словно стройная дева. Её крышу шпиль венчает маленькая золотая маковка с таким же золотым, витиеватым крестом. За оградой насажены липы. Фасад ограждён каменными столбами, перемежающимися решёткой из железных прутьев.

Мы сделали круг по центральной площади. Здесь мостовая выложена под старину — гладкими булыжниками округлой формы. Я сошла у закусочной. Вокруг ходили современно одетые люди. Кричаще пестрели вывески магазинов: «Норд», «Мотив», кафе «Соболь». Пролетали «крутые» иномарки. Город продолжал жить.

Лошадь пошла шагом, ритмично покачивая головой. Постукивали колёса, скрипела, удаляясь, телега. Вот её уже и нет. И мужиков нет... А были ли они?

Стою растерянно, последний раз любуюсь древними храмами, в надежде сохранить всю эту красоту в памяти. Может это сон, сказка, а не явь? Отвернёшься — изображение закачается, разбежится кругами и исчезнет навсегда в прошлом.



Золотые монеты Еремки

О том, что в 1806 году вода прорвала плотины Верхне- и Нижне-Шайтанских прудов, мне поведала старушка из Таишевки с улицы Третьего Интернационала. Было бабушке Агриппине девяносто лет. Она приходила на площадь филиала Новотрубного завода и торговала зеленым лучком, петрушкой, укропом и другими овощами со своего огорода. Не такие уж большие деньги выручала, но постоянно находилась в движении, «бегала» в церковь. Жила она в домишке одна. Видно, оберегали ее от болезней ангелы небесные, которые ранее обрушили свои силы на старое поколение. Хранила в памяти старушка историю, передаваемую по наследству четырем поколениям. Пошел я через пару лет уточнить записи, но домик оказался заколоченным. Соседи сказали, что уже год как схоронили Агриппину.

Началась история еще при атамане Рыжанко, в 1771 году. После убийства владельца Шайтанских заводов Ефима Ширияева, разбойники прятались в лесу. Прихватили с собой заводскую казну, разные ценности, ружья, пистолеты, порох, свинец, а вот провианта взяли мало. Хлеб быстро кончился. Пришлось одного товарища послать в деревню купить хлеба. А по населенным пунктам рыскали сыскные команды. Незнакомого мужика, явно разбойника, схватили и заставили вывести на скрывающихся.

Рыжанко (по цвету волос его еще прозывали Золотым) поранил пальцы и пошел к ручью руку промыть. Снял с пальца перстень и положил его возле ручейка. И не заметили разбойники, как их окружили солдаты. В ходе перестрелки погиб один, остальные разбежались, а в плен попал раненый главарь шайки. Лог, в котором поймали атамана, стали потом называть Рыжанков лог.

Перстень с камнем, что носил рыжий атаман, был непрым, сила в нем была сокрыта большая. Повернешь камень верхом — раскроется любая гора. Но не сумел атаман воспользоваться

кольцом, забыл о нем. Так и осталось оно лежать возле ручейка. Но однажды нашел его бурундук, обнюхал, лапкой задел, и перстень, как обруч, попал на рядом лежащий сучок-рогатку, будто его на палец надели.

Стихийное бедствие случилось с пятого на шестое июня 1806 года. Владельцем заводов в то время был родственник убитого Ефима — майор Александр Сергеевич Ширияев, но сам он не проживал в Шайтанке. В течение девяти часов непрерывно шел дождь. Ручей, протекавший по Рыжанкову логу, превратился в бурный поток, забирая с собой все, что находилось на берегах. Сучок размок, и перстень плотно сидел на рогатке, плывя по течению. Ручей отдал воду речке Марнинской, которая впадает в Верхне-Шайтанский пруд.

И тут началось. Силы небесные обрушили на землю водопад. Еще в течение пяти часов шел непрерывный ливень. Запоры в вешняшных и ларевых прорезах вовремя не были открыты, как это делается весной при таянии снега и сбросе воды. Пруды переполнили. Ветром сучок с грузом прибило к берегу рядом с водосбросом. Перстень задел берег — раз, два, а на третьем прикосновении вода пошла поверх плотины Верхнего пруда, размывая ее. Землей и хламом затянуло на Верхнем заводе машины: боевые валы, колеса, меха, кричные горны и прочее, — все без остатка. С площадки унесло до ста пятидесяти коробов древесного угля. А поток, унося с собой волшебную рогатку, по пруду устремился ко второй плотине.

Сучок с перстнем миновал Нижнюю плотину и по речке Шайтанке доплыл до Чусовой. Река в этом месте делает поворот налево, и тут же в нее правым притоком впадает Шайтанка. Весь поток воды прибывает к бойцу Бычок, что стоит у подножия горы Серебряной. Весной Бычок при большой воде становится опасным Быком. Нужно быть хорошими лоцманами, чтобы проводить барки с металлом с Макаровской, Ревдинской и Шайтанской приста-

Владимир Александрович Трусов, краевед, литератор. Автор многочисленных очерков в журналах «Уральский следопыт» и «Веси». Живет в Первоуральске.

ней мимо скалы Бычок и не удариться об нее. Уровень воды в Чусовой после ливня резко увеличился. Течение принесло к Бычку рогатку с перстнем, и она зацепилась за ветку кустарника. Со временем куст засох, ветка обломилась, и сучок с перстнем упал в небольшой грот скалы-бойца Бычок.

Прошло еще более ста лет.

В Шайтанке в середине 1920-х годов, во времена НЭПа бурно шла торговля, развивались кустарные промыслы, и образовывались артели. В одной из лавок хозяином был Еремка. Кроме жены, помощниками у него были три взрослых сына и маленькая дочь. Торговали продовольственными товарами. Шайтане всегда были экономными — считали каждую копейку.

Еремка бумажным деньгам не доверял, обменивал их на серебряные рубли, а затем на серебро покупал царские золотые монеты достоинством в пять и десять рублей. Частенько он открывал шкатулку, отделанную малахитовыми пластинками и любовался желтыми монетами. Не раз задумывался, как лучше спрятать свой капитал. Как-то раз пошел к камню Бычок и хотел закопать шкатулку. Разгреб старую листву в гроте и нашел сучок с перстнем. Почистил перстенок и одел на палец.

«А если кто-нибудь другой придет на это место и откопает шкатулку с золотом», — засомневался Еремка, забрал шкатулку и вернулся домой.

Три дня и три ночи Еремка не мог найти себе места, лишился сна — где бы спрятать золотишко. Решил посоветоваться с сыновьями. Они и подсказали, что лучше всего спрятать денежки в колодце. Сделали съёмным половину одного бревнышка недалеко от поверхности и выемку в земле.

К концу 1920-х годов государству стали нужны деньги для покупки за границей оборудования для строящихся новых предприятий. Возле старого заводского поселка возводились Динасовый и Новотрубный заводы. В стране начиналась золотая лихорадка, только лихорадило не тех, кто золото ищет, а тех, из кого его трясут. Обыски проводились у всех, кто имел «дело», торговал, зарабатывал ремеслом и мог бы, по соображениям ГПУ, иметь золото.

Нагрянули с проверкой и к Еремке, тот струхнул и убежал огородом к Чусовой. Ни денег, ни золота милиция не нашла. От досады спалили жилище. Вместе с домом сгорели все надворные постройки и имущество, а колодец остался невредим.

Шел Еремка вдоль Чусовой и думал, что предпринять. Дошел до камня Бычок и присел возле него. Решил снять перстень с пальца. Случайно повернул верхом камень в перстне, а грот в бойце и раскройся. Зашел в пещеру Еремка, вернул камень в перстне в первоначальное положение — вход и закрылся. Хорошее укрытие. Можно здесь прятаться. После этого двинулся Еремка в заводской поселок узнать обстановку, но его по всему селе-

нию искала милиция. Заметили торговца и побежали за ним. Еремка, словно стрела, летел от погони. Добрался до Бычка, повернул камень верхом — скала с горой и укрыли беглеца.

Оставили у камня милицейскую засаду, чтобы схватить нэпмана, если выйдет из убежища. Но Еремка так напугался, что не показывался из горы. И больше его никогда никто не видел. Милиция подключила к поиску и горняков. Привозили на телеге перфоратор, бурили отверстия, но до пещеры не достали. Следы бурения и сейчас хорошо видны.

Жену и трех сыновей Еремки осудили и отправили в лагерь. Осталась в поселке только маленькая дочка, которую взяла к себе на воспитание одинокая родная тетка.

В ГУЛАГе похоронили мать и двух сыновей. Остался в живых только старший сын, которому достались нелегкие испытания. Он строил Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, пробился в бригады, был близок к распределению продуктов питания и сумел выжить в невероятных условиях. В 50-х годах вольным человеком работал на великих стройках социализма. Под старость лет, в начале 1960-х годов, вернулся жить на Средний Урал.

Дочка Еремки выросла, вышла замуж, родила сынишку. Внук оказался смышленный, на все руки мастер, стал учителем по труду в школе. Не один раз он водил мальчишек в походы. Обследовали они и камень Бычок — искали клад. В семье жила легенда о спрятанных сокровищах возле скалы на Чусовой.

Из старого колодца по-прежнему брали воду рядом живущие люди. Прошло много лет, а шкатулка с деньгами обреталась на старом месте. В одну из ночей дядя достал из колодца шкатулку, у которой снаружи отпали приклеенные малахитовые пластинки. Шкатулку полную золотых монет он подарил племяннику, но с условием, что клад не будет передан государству.

Внучек стал потихоньку продавать по одной царские монеты нумизматам. На полученные от коллекционеров деньги построили с ребятами первый катер, и совершили водное путешествие в 1966 году из Перми до Куйбышева.

По окончании похода водное судно продали. Затем был изготовлен второй катер и в 1971 году, пройден маршрут от Перми до Волгограда и продолжен в 1972 г. до Ростова-на-Дону. Плавсредство обменяли на действующие рубли.

Затем внук увлекся конструированием ракет. Делали удачные запуски, но работы пришлось остановить — иссяк источник финансирования, кончились золотые монеты.

А шкатулка и сейчас цела и живет в одной из квартир в доме по улице Вайнера в Первоуральске. В шкатулке хранятся пуговички, иголки и булавы...

Зона Интернет

Рассказ — победитель
Конкурса Короткого Рассказа-2007

Закрыв за собой калитку и ступив на бетонную, искрошенную временем дорожку, мокрую от недавнего дождя, Николай невольно подумал, что еще лет тридцать назад, вид розовокожего пришельца, в шлепках на голую лапу, сидящего в плетеном кресле под пляжным зонтиком, шокировал бы его до глубины души.

Но это тогда. Лет тридцать назад.

– Хэй! – Пришелец, невысокий, с морщинистой кожей веселого розового оттенка, гуманоид, полутора метров роста, заметил его и отложил в сторону газетную планшету. – Привет, Ник!

– Привет, О'Хину. – Николай пожал протянутую руку и уселся рядом в свободное кресло почувствовав, как сразу намокает его дорогой костюм. Кивнул на лежащую на столе планшетку: – Осваиваешься?

– Да. Ты знаешь, Ник, это довольно любопытно. Вся земная пресса умещается на одном листе. Замечательная идея. Продадите технологию?

Николай покачал головой.

– Не мой вопрос дружище. Этим у нас занимается другое ведомство. Но, я постараюсь помочь.

О'Хину удовлетворенно кивнул и скрестил на груди руки. Забавно, конечно, видеть вполне человеческие жесты и мимику на нечеловеческом теле, но, по крайней мере, не возникает проблем при общении.

– Я так понимаю, Ник, что ты приехал по делу?

– Конечно. – Николай сделал паузу, достаточную, чтобы у собеседника сформулировался вопрос, но недостаточную, чтобы его задать. – Как ты понимаешь, мое начальство хочет знать о твоём решении.

– О! Думаю, ты можешь передать своему начальству, что я готов подписать с вами контракт.

Николай сдержанно улыбнулся. Первый принцип хорошего менеджера – никогда не показывать клиенту, что ты доволен ходом переговоров.

– Условия тебя устраивают?

О'Хину взял со столика аккуратную стопку листов – в отличие от прессы, бланки контрактов печатали на настоящей бумаге.

– Вполне. Я считаю, что заявленная цена более чем приемлема за все это. – Он махнул рукой в сторону окружающих их деревьев.

Николай еще раз сдержанно улыбнулся, вспомнив первую, весьма отличную от настоящей, реакцию О'Хину сразу после прибытия. Впрочем, страх и удивление – чувства присущие большинству гуманоидных рас. По крайней мере, те, с которыми он имел дело, ими вполне обладали. Одного из гуманоидов, помнится, даже пришлось снимать с дерева. И это с учетом того, что знание языка, мимики и жестов имплантировалось в сознание непосредственно в момент первого перехода.

– О-о! Друг мой, ты еще ничего не видел. То, что вокруг – это всего лишь демо-плэйс. Место для знакомства. Рекреационная зона.

– Да-да. Я помню. – Пришелец кивнул. – Ты мне рассказывал. Но я полагаю, что, когда наши подписи скрепят договор, ограничений больше не будет? Я смогу увидеть все?

– Разумеется. Ты же выбрал безлимитную версию. Хотя, посмотреть все... – Николай вежливо засмеялся. – Боюсь, что пока это не удалось никому.

– Я буду очень стараться. – Лицо О'Хину осталось спокойным. Юмора он не понимал или делал вид, что не понимает. – Где я должен оставить свое имя?

Николай забрал из его рук бумаги, разложил на столе и указал на строчку, оставленную для подписи.

Дождался, пока клиент распишется и забрал копию контракта. Потом достал из кармана терминал: небольшой, стилизованный под старинные часы-браслет.

– Держи. – Увидев непонимание на лице пришельца, Николай застегнул браслет на запястье его правой руки. – Пользоваться несложно. Инструкцию ты автоматически изучил в момент перехода. Энергоресурс практически не ограничен. О'Хину поднял руку, покрутил браслет, пристраивая на руке, затем активировал и замер, перейдя на безмолвное общение с терминалом.



Алексей Анатольевич Федотов родился 21 сентября 1973г. в городе Саратов. Закончил Саратовский Государственный Университет по специальности химическая физика.

Имеет ряд публикаций в российских и зарубежных изданиях. Участник фестиваля фантастики «Аэлита» с 2004 г., а с 2006 г. — член оргкомитета фестиваля.

Николай покачал головой, усмехнулся и пошел в сторону невысокого, стилизованного под холм купола, служившего в последние дни пришельцу домом.

Вернулся он минут через пять, неся в руках чашки со свежесваренным кофе. Осторожно, стараясь не пролить, пристроил их на столик. Уселся в кресло. Клиент не шевелился, целиком отдавшись изучению новых возможностей.

Впрочем, ситуация вполне стандартная. Сколько он повидал таких вот О'хинов? Десяток, два, три? Розовые, желтые, зеленые. Гладкокожие, чешуйчатые,

А если вспомнить историю. Как упоенно рвалось человечество в космос всего пару веков назад? Но дальше солнечной системы так и не проникло. Да, теория подпространственных прыжков возникла уже тогда, но человеческое тело слишком несовершенно. Не выдерживает оно над собой такого издевательства как гиперпространство, гибнет. А вот электроника — это совсем другое дело. Вот и полетели в разные стороны, как искры от костра, автоматические зонды. Собственно так и появилась Сеть. Хотя, нет. Не так. Сеть уже была, но использовала примитивные тех-



покрытые мехом. Природа оказалась весьма богатой на воображение особей. Однако, что интересно — негуманоиды на Землю еще не прибывали.

Николай отхлебнул кофе и активировал свой терминал — полюбопытствовать, сколько на текущий момент активировано внешних хостов. Оказалось, что более трехсот тысяч. А сколько еще блуждающих по галактике, отправленных наугад зондов не активированы?

И каждый несет в себе станцию подпространственной связи и терминал. Зонд находит обитаемую планету, совершает посадку в населенном районе, а дальше — дело техники. Любопытный абориген дотрагивается до выставленного на показ терминала и оказывается здесь. А дальше... Дальше следует работа таких, как он: рассказать, показать, убедить. Подписать контракт на Подключение. Отказываются или разрывают контакт — единицы, соглашаются — тысячи.

И Сеть увеличивается еще на одного клиента.

Чашка опустела. Николай бросил взгляд на неподвижного, блуждающего где-то в сети О'Хина. Вздыхнул, повел ладонью, стирая чашку, и потянулся ко второй — кофе он любил.

нологии и давала самые минимальные возможности коммуникации.

Вторая чашка опустела также быстро и последовала вслед за первой в небытие.

Николай в очередной раз вздохнул: по большому счету его работа уже закончена — контракт подписан, клиент доволен. Поднялся и пошел по искрошенной временем дорожке к калитке.

С секунду помедлил, бросая прощальный взгляд на ухоженный сад, плетеное кресло с приобщающим к земным технологиям О'Хина и *вышел*.

Посидел пару минут в кресле, потирая виски и избавляясь тем самым от обычного в таких случаях приступа мигрени. Затем снял с запястья браслет термина, положил его на стол и решительно поднялся. Надо сходить на кухню и приготовить настоящий, а не виртуальный кофе.

В пустой, погасившей за Николаем свет комнате негромко пискнул лежавший на столе браслет. Тихо, на самой грани слышимости прошелестел женский голос:

— *Зона Интернет. Разрыв контакта.*



Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото автора

День деревни

Висимский государственный природный биосферный заповедник. О нем написано много, но есть-таки кое-что, остающееся вне внимания общественности: жизнь деревни, находящейся в черте охраняемой территории заповедника. А стоит ли исключать ее из поля зрения биосферного заповедника? Человек, его жилище, территория его жизнеобеспечения – все это ничуть не менее частичка биосферы, неразрывно связанная со всеми иными, традиционно признанными, нуждающимися в охране.

Деревня Большие Галашки расположена на берегу реки Сулем, берущей начало в горах водораз-

дельного кряжа. Основанная в свое время староверами, в 70-х годах XX века она, как и многие иные, пришла в совершеннейший упадок: с закрытием леспромхоза большинство жителей были вынуждены покинуть родные места. Строительство Сулемского водохранилища дало деревне второе рождение – пробита дорога от Кировограда-Левихи вдоль водовода, вновь появилось электричество, брошенные дома начали заселяться дачниками. Но... планы изменились, и водохранилище оказалось ненужным. И вновь для деревни настали трудные времена: нет денег на поддержание дороги,

нет электричества (даже столбы и опоры исчезли!), нет связи... Но разве возможно покинуть такую красоту? И продолжается жизнь: всего 4 дома были обжиты этой зимой, зато летом ожили все уцелевшие, да еще и лагерь на берегу Сулема нижнетагильские студенты поставили! Жива деревня!

Года три назад, не выдержали разлуки с деревней бывшие жители, вернулись все вместе поклониться могилам своих родителей, пройтись по родным любимым местам. И с тех пор каждое лето, чаще на Троицу, отмечается День Деревни: все, кто может, приезжают, целыми кланами се-